

ЛЕГЕНДЫ

Южного Урала

/познавательно - краеведческий материал

для воспитателей и родителей/

Глава I

О Змее-полозе (*Евгений Пермяк*)

Предание о том, откуда взялись горы, великие и малые (*Александр Лазарев*)

Легенда о чуди (*Александр Лазарев*)

Глядень-гора (*Серафима Власова*)

Маланьин спор (*Серафима Власова*)

Сулея (*Виталий Чернецов*)

Горящая гора (*Юрий Подкорытов*)

Сугомак и Есказа (*Юрий Гребеньков*)

Заклятье Каменной горы (*Светлана Вдовина*)

Легенда о происхождении эха (*Петр Падучев*)

Сказка о Семигоре, дочке его Настеньке и Иване Беглом (*Е. Блинова*)

Глава II

Осколки древних морей

Голубое зеркало Семигора (*Юрий Подкорытов*)

Тайна озера Зюраткуль (*Старинное башкирское предание*)

Младший брат Байкала (*Юрий Подкорытов*)

Увильдинская легенда (*Серафима Власова*)

Золотой Волос (*Павел Бажов*)

Солнечная пиала (*Юрий Подкорытов*)

Тайна озера Иньшко (*Валентина Усольцева*)

Глава III

У истоков сказочных рек

Мать родниковых вод (*Юрий Подкорытов*)

Селямбай и его братья (*Юрий Подкорытов*)

Агидель (*Серафима Власова*)

Как поссорились Тесьма с Киолимой (*Николай Куштурм*)

Анискин родник (*Сергей Черепанов*)

Глава IV

Уральской души самоцветы

Старых гор подаренье (*Павел Бажов*)

Герцогиня Акуля (*Серафима Власова*)

Клинок Уреньги (*Серафима Власова*)

Топонимический словарь

Горы, овеянные легендами

О ЗМЕЕ-ПОЛОЗЕ

В скорости как наша земля отвердела, как суша от морей отделилась, зверями всякими, птицами населилась, из глубин земли, из степей прикаспийских золотой Змей-полоз выполз. С хрустальной чешуей, с самоцветным отливом, огненным нутром, рудяным костяком, медным прожильем...

Задумал собою землю опоясать. Задумал и пополз от каспийских полуденных степей до полуночных холодных морей.

Больше тысячи верст полз как по струне, а потом вилять начал. Осенью, видно, дело-то было. Круглая ночь застала его. Ни зги! Как в погребке. Заря даже не занимается.

Завилял полоз. От Усы-реки к Оби свернул и на Ямал было двинулся. Холодно! Он ведь как-никак из жарких, преисподних мест вышел. Влево пошел. И прошел сколько-то сотен верст, да увидел варяжские кряжи. Не приглянулись они, видно, полозу. И удумал он через льды холодных морей напрямки махнуть.

Махнуть-то махнул, только каким ни будь толстым лед, а разве такую махину выдержит? Не выдержал. Треснул. Осел. Тогда Змей дном моря пошел. Ему что при неохватной-то толщине! Брюхом по морскому дну ползет, а хребет поверх моря высится. Такой не утонет. Только холодно. Как ни горяча огневая кровь у Змея-полоза, как ни кипит все вокруг, а море все-таки не лохань с водой. Не нагреешь.

Остывать начал полоз. С головы. Ну а коли голову застудил — и тулову конец. Коченеть стал, а вскорости и вовсе окаменел.

Огневая кровь в нем нефтью стала. Мясо — рудами. Ребра — камнем. Позвонки, хребты стали скалами. Чешуя — самоцветами. А все прочее — всем, что только есть в земной глубине. От солей до алмазов. От серого гранита до узорчатых яшм и мраморов.

Годы прошли, века минули. Порос окаменевший великан буйным ельником, сосновым раздольем, кедровым весельем, лиственничной красой.

И никому не придет теперь в голову, что горы когда-то живым Змеем-полозом были.

А годы шли да шли. Люди осели на склонах гор. Каменным Поясом назвали полоза. Опоясал все-таки он как-никак нашу землю, хоть и не всю. А потому ему форменное имя дали, звонкое — Урал.

Откуда это слово взялось, сказать не могу. Только так его теперь все называют. Хоть и короткое слово, а много в себя вобрало, как Русь...

Евгений Пермяк

ПРЕДАНИЕ О ТОМ, ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ГОРЫ, ВЕЛИКИЕ И МАЛЫЕ

Когда Господь задумал сотворить землю, послал он дьявола на дно океан-моря. Принеси, говорит, ты мне пригоршню песка, и из него я создам землю прекрасную, насажу ее великими деревьями плодовитыми и травами многоцветными и населю всякими тварями животными.

А враг человеческий давно уже замыслил измену Господу и тайл в черном сердце своем злой умысел: хотел он, видишь ли, создать свою собственную землю и укрыться на ней от лица Господня, потому что никакой вольготы на сей земле не было, ну и захотелось ему пожить там по своему дьявольскому хотению и без помехи, сеять вражду и грех осередь своих людей.

Ну вот... Замыслив свое злое дело, спустился дьявол на дно морское, захватил пригоршню песка для Господа, а сам набил себе песком полон рот, чтоб по примеру Господню потайно сотворить у него свое земное пристанище.

А господь, как увидел, что у дьявола щека отдулась, так и догадался, что нечистый затеял против него что-то недоброе. Поманил он к себе Николу-угодника, да и шепнул ему что-то на ухо, а тот, не будь плох, схватил дьявола под мышки да давай щекотать, приговаривая: «Мышки-лягушки, Мышки-лягушки». Не вытерпел дьявол щекотки — прыснул от смеха, а песок так и разлетелся по всему свету белому, и где пали песчинки из нечистых уст дьявольских, там и стали горы, великие и малые, на зло да на досаду дьявольскую.

Александр Лазарев

ЛЕГЕНДА О ЧУДИ

На Урале говорят, что старее курганных берез ничего нет. А история их будто бы такова.

...Жили испокон веков на Урале старые люди — их чудью звали. Рылись под землей, железо варили. В темноте ютились, солнечного света боялись. А лица у них были на груди. И вот стали замечать чуди, что белое дерево на их землю пришло, никогда такого ни их деда, ни прадеда не видели. Слухи тревожные передавались из уст в уста: где белое дерево, там белый человек. Раньше слышали про таких людей, живущих там, где солнце садится. А березы на черный лес все наступают и наступают...

«Уходить надо», — говорили молодые чуди.

«Умрем, где умирали наши отцы и деды», — возражали старые и пожилые.

И вот запрятались чуди в свои жилища, норы подземные; сваи, державшие земляные потолки, подрубил и заживо захоронил себя. Не стало их на Урале. А на месте жилищ курганы образовались. И растут на них старые-старые березы.

Александр Лазарев

ГЛЯДЕНЬ-ГОРА

В стародавние времена люди в сказках сказывали, будто в каждой горе, как у человека, сердце бьется. И ежели задумает какой человек в гору пойти, на вершину забраться — добрый человек как по избе пройдет, спокойно поднимется, а другой, у кого в сердце зло да корысть, как ни цепляется он за каждый камень, ни хватается за кусты, — не дойти ему до вершины. То ветер налетит, и такой, что пушинкой сдует в пропасть. То гроза загремит, молнии засверкают — одна гибель человеку. От него и следа не найдешь.

Взять хотя бы гору Иремель. Каждой жилкой, каждым камешком она чувствует, кто к ней подошел: человек с любовью или со злом. Вот потому и говорят, что ни один корыстный человек да злой себялюб ни разу не смог до вершины Иремеля добраться.

А на Таганае дальнем и по сей день будто бы на вершине железный крест стоит, а под ним жадный горщик лежит. Хватал он, хватал самоцветы, да в щель между скал и провалился. Сердце горы наказало его.

И вот, говорят, много-много лет назад зимой жители крохотного башкирского становища-кочевья на Урале трех всадников на конях-птицах увидели. Были всадники — богатырь к богатырю, и кони под ними — под стать всадникам. Приехали посланцы торговых людей, новгородских купцов и самого князя в эти места, чтоб разведать правду о несметных богатствах Камня-гор. Давно молва о разных рудах и самоцветах в людском море волной о стены Новгорода плескалась. Богатырям был дан наказ — найти эти сказочные горы, взять из них руды, камни-самоцветы. Нет ли там серебра, меди? А может быть, и золото найдется?

Значит, богатыри были не просто землепроходцы, а в рудах, камнях толк понимали. Старший из них — Иванко, прозванный Тяжелой Ступней, — одним из лучших среди знатных гранильщиков считался. Умел он в любом камне красоту открыть, да и сам, словно редкий камешек, красотой сиял. Статный, высокий, с русой бородой, с головой в кудрях золотых и со светлой улыбкой на губах. Только походку он тяжелую имел. Как ступит, так глубокий след в

земле оставит. Второго богатыря звали Фомой, а третьего — Терентием. Парни как парни. Один здоровше другого. Поглядишь на каждого — гору своротить может.

Так вот. Спустились с горы богатыри, увидав в низине жильё, соскочили с коней и к первой же юрте подошли.

Загляделись люди кочевья на гостей, на их добрые улыбки, на одежду. Видать, приглянулись им гости; понравилась приветливость, почтение богатырей — заулыбались. Нашелся и толмач — разговорились. Когда в глазах у людей добрый огонек играет, и вовсе легко понять друг друга. Обжились помаленьку гости на новом месте. Помогли им люди срубить добрую избу из кондового леса. Кто кошму принес, кто — медвежьи шкуры. Одарили гостей луками и колчанами, полными стрел. Одним словом, по-братски встретили далеких гостей.

Не заметили гости, как и зима прошла. Ходили на охоту. Еды — хоть отбавляй. Когда же оттаяла земля, солнце припекать стало, принялись руды искать. С жителями кочевья и вовсе подружились. Как и чем могли — помогали хозяевам земли.

Больше всего дружба у богатырей завязалась с двумя сиротами-близнецами. Парня Иргизом звали, а сестру — Таньчулпан. Было им обоим по семнадцать лет. Сами кормились да еще больную бабу кормили. Подружились близнецы с богатырями и стали с ними по горам ходить, камни да руды искать.

На многие горы поднимались новгородцы, много руд пересмотрели, в речках камни искали. И чем больше богатств находили, тем грустнее становился Иванко Тяжелая Ступня.

И недоумевали парни:

— Али печалишься, что все унести не можешь?

— Не о том я кручинюсь, други-товарищи, что всего злата-серебра, всех изумрудов-яхонтов не ухватить... вспомните наш торг новгородский, лавки гостиные, что против Софии-матушки на Волхов-реке. Съезжаются туда купцы именитые из всех стран света — из полунощной Варягии, из полуденной Бухары. Товары, как горы, под Кутафьими башнями лежат; монеты со звоном из мешка в мешок переливаются... И еще вспомните, как из-за каждого пятиалтынного спорят дерутся, из-за рубленого серебра готовы разорвать друг друга.

— Да-а, — задумался Фома.

— Страсть, — подтвердил Терентий.

— То-то и оно, — продолжал Иванко. — Узнают жадные купцы про богатства уральские — что-о-о начнется!

— Да-а, — еще раз молвил Фома.

— Страсть, — подтвердил Терентий. — Может, уйдем, а князю скажем: «Урал — пустая земля»?

— И то негоже, — возразил Иванко. — На то и богатства земные, чтобы людям служить.

— Да, — согласился Фома.

— Конечно, — сказал Терентий.

И вот ходят они по горам, примечают, где жила золотая, где алмазные россыпи, а сами все думают, думают. А известно: коли мысль в одну сторону пошла — исход все равно будет. Решили братья все найденные богатства в одну самую большую гору собрать, да чтоб никто о том не знал и не ведал. Пусть полежат до времени, до той самой поры, когда люди людьми станут по настоящему. И зарок поставили: если пойдет на ту гору худой человек, чтоб не давалась она ему. Жадный — в яму, злой — в пропасть, завистливый — под гору, чтоб кубарем летел!

Задумано — сделано. Иргиз помог им заветное место отыскать.

Как-то раз на такую высь они поднялись, что во все стороны хребты увидали. Горы в зеленых шапках из лесов далеко-далеко к поднебесью уходили.

Дух захватило у парней от красоты такой. Долго любовались они увиденным, а потом Иванко как крикнет во всю силу своей богатырской груди:

— На высокой Глядень-горе мы стоим! Други-товарищи! Округ видать! Гляди — не наглядишься!

Иргиз богатырям рассказал про эту гору, что зовут ее у них Курер-тау. А новгородцы по своему чудо-гору назвали: Глядень-гора. Но не только высотой гора примечательна. Внутри у нее большая пещера была — хоть город возводи.

И вот туда стали богатыри свои находки складывать.

И чем дальше время шло, и богатыри все больше в горах копались, тем сильнее дружба крепла у них с сиротами-близнецами.

Говорят, все может запомнить человек: когда что потерял, и когда что нашел, когда диковинный камень отыскал, или впервые хрустальную гору увидел, или рыбу редкую в озере поймал; а вот когда при виде Таньчулпан Утренней Зари у Иванка сердце пуще забилось, он и сам не знал. А была Таньчулпан красоты — не опишешь. Волосы — шелк, глаза — теплая летняя ночь над горами...

У Фомы с Терентием тоже дел прибавилось — камни, руды искать, а по вечерней заре на Глядень-гору со своими подружками бежать да с нее на сказочные хребты любоваться; вечернюю зарю проводить, а потом утреннюю встречать.

Прошел год, когда впервые богатыри с коней в становище соскочили. Много за это время Иванко Тяжелая Ступня успел с товарищами собрать редких самоцветов, а уезжать — не манило сердце богатырей. Так бы и остались все навек здесь. Прикипели их сердца к этим местам, а потому, когда какая-нибудь беда в кочевье приходила, новгородцы первыми приходили на помощь. Говорят, в то жаркое лето начался пожар страшный в лесах. Довелось всем немало попотеть, но пожар затушили. А один раз, уж под осень, такая непогода настала — словно небо озверело. Дождь лил день и ночь. В одном месте гора в речку обвалилась, речку запрудило. Пришла беда. Все заливать начало. Скот и люди погибали. Немедля Иванко Тяжелая Ступня со своими товарищами раскидали и очистили речку. Близнец Иргиз — тот хоть по годам молод был, а силы тоже — богатырской. Во всем он Иванку помогал. Не отходил от друга.

Но пришла пора домой отправляться. Не под силу человеку остановить времени бег. В последний вечер каждый из богатырей пошел к любимой подружке попрощаться навеки.

Иванко же, Иргиз и Таньчулпан поднялись на Глядень-гору. Долго молча стояли, не до разговоров было всем... И вдруг отдаленный рев, гул, крики ветром от жилья до них донесло... Кинулись они с горы и страшную картину увидели: в жилье бой кипит. Напали на кочевье враги из степей. Слух об открытых сокровищах, видно, уже пошел по земле, и вот явились первые конники.

Выхватил Иванко свой кинжал из ножен и плечо к плечу с Иргизом в бой с врагами вступил. Терентий и Фома уже сражались в самой середине битвы.

Долго длился бой оттого, что враги, словно тучи, одна за другой накатывались на кочевье.

Пал за смертью Иргиз. За ним на груди тел свалился Терентий. Весь израненный еще сколько-то сражался Фома, но и он с земли не поднялся. Последним с рассеченной грудью рухнул Иванко Тяжелая Ступня, а кругом отцы и сыны жителей маленького кочевья мертвыми лежали. Иванко чуть-чуть был живой. Кровь из груди его ручьем бежала...

Сколько он пролежал — не знал. Очнулся и над собой склонившегося старика увидел. Куренбеком его звали. Чудом спасся старик, а когда выходил Иванку, то рассказал ему о том, как всех-всех живых баскаки-ордынцы в полон увели. Ни одной души не осталось. Все становище было разорено. Зарыл старик в землю погибших. На вопрос Иванка: «Не было ли среди мертвых Таньчулпан?» — старик ответил, что помнит, как она кричала, Иванку и брата звала на помощь, когда ее связывали с другими одной цепью и в степь повели... Враги плетями подгоняли полоненных...

— А были ли ордынцы на Глядень-горе? — спросил Иванко.

Усмехнулся старик, и в глазах его русский богатырь зазорные огоньки увидел.

— Как же... Пытались. Да не подпустила их Глядень-гора. Сосны падали прямо на врагов. Да сами они в ущелья срывались. Сколько живу, а такого за горой раньше не примечал. Не знаешь ли ты, русский брат, что стало с Курер-тау?

И хоть знал Иванко, что с горой случилось, в ответ отрицательно покачал головой. А потом тихо, но внятно сказал:

— Никогда больше человеку с мечом не бывать на Глядень-горе!

Поправившись от ран, Иванко поднялся на Глядень-гору и долго смотрел с нее, словно хотел узнать, куда была уведена Таньчулпан, словно хотел спросить горы, не видали ли они любимую его. Но хмурились и молчали горы...

До самой весны, говорится в сказке, носился Иванко по тропам в горах — искал дорогу, по которой увели Таньчулпан. Но еще печальней возвращался. Без следа исчезла его Утренняя Заря.

Потом Иванко попрощался со стариком. Сходил туда, где товарищи его в земле лежали, да где конь любимый пал. Постоял, поднялся в последний раз на Глядень-гору. Проверил все собранные здесь сокровища, подбадривая себя думою: «Все это для людей. Рано или поздно Глядень-гора все людям откроет...» Заделал вход. Поглядел в последний раз на леса и ушел с Камня-гор навсегда.

Говорят, и по сей день следы Тяжелой Ступни на камнях видно. По-разному об этом в сказках говорится.

Но главная суть в том, что, сколько потом ни пытались люди со злыми сердцами сокровища Иванки в Глядень-горе искать, — все безуспешно. То ураган сметет тех, кто поднимался, то молния убьет.

И только много лет спустя, когда сам народ хозяином земли стал, Глядень-гора свои сокровищаему открыла.

Вот и сказка вся, да маленькая присказка будет. Про Иванку говорится, что не мог он смириться с думой о потере Таньчулпан. Много он земель обошел, не раз сражался с врагами... И будь жива его мать, она вправе была бы сказать: «Какое счастье для меня, что я тебя, сын, таким верным сердцем одарила...»

Серафима Власова

МАЛАНЬИН СПОР

В дремучих лесах уральских, на высоких горах, возле озера Тургояк когда-то девка одна жила. Маланьей ее звали. Никто не ведал, какого рода и племени она была. Много народу всякого в те поры на Камень бежало, от неволи царской спасалось.

Редкого ума Маланья была, смелая, ловкая, любой работы не чуралась и красоты была несказанной.

Славили люди ее. Кто за ум, кто за смелость, а больше всего любили за привет к людям и за то, что верной дочкой отцу с матерью была.

А Маланья любила свой рудник и горы — то синие-синие, что тургоякская волна перед рассветом, то хмурые, будто ночь в непогоду, а больше всего ее зори манили.

Говорят, что заря от зари отличается сильно: вечерняя к отдыху зовет, а утренняя к труду поднимает.

Маланье же обе сестры-зари сродни были. Вместе с народом трудилась она, в земле рылась, где люди медную руду добывали, а потом эту руду купцам продавали.

И чем больше Маланья трудилась и красота ее сильнее цвела, тем больше слава о ней по свету бежала. То ли купцы ее разнесли, то ли ветер, что гулял над горами, только много женихов стало свататься к ней.

Были сваты и от бояр знатных, и от богатырей-воинов смелых. Но никого из них не любила Маланья, всем отказывала. Сердце свое она давно отдала простому парню с рудника.

И вот как-то раз вздумал на Маланью поглядеть и самый могутный богатырь во всем свете. Временем его звали. Сел он на коня, что летит быстрее эха, и помчался на Урал, на Горы-камень. У рудника, где работала девка, он остановился, подошел к народу и спросил:

— Где тут, люди добрые, Маланья живет?

А она в это время из шурфа выходила и большой кусок медной руды несла. Люди ответили ему:

— Вон она, разве не видишь?

Посмотрел Время-богатырь на Маланью и ахнул. «Вот это красота!» — подумал он про себя и пошел к девке.

А Маланья, перекинув свою косу тяжелую с плеча на спину, положила руду на землю, распрямилась и весело на богатыря посмотрела, будто искорками его обдала.

«Не зря, выходит, люди про нее говорят: — Нашу Маланью по утрам солнышко целует», — усмехнулся про себя Время-богатырь.

— Тебе ли, Маланья, с такой красотой в земле рыться? Тебе в золоте только ходить, во дворцах богатых жить! — сказал он ей, низко в пояс кланяясь.

— Не ты первый про это мне говоришь, не ты первый золото сулишь, — ответила ему девка. — Только не надо мне этих богатств, я и без них проживу, а вот без родной земли, без этих гор и лесов зачахну я!

Удивился Время-богатырь, но не отступился. Отстегнул с пояса саблю, самоцветами украшенную, и Маланье ее в руки подал.

— Погляди в рукоять моей сабли. Видишь, в ней камешек горит?

Взяла Маланья в руки саблю, поглядела на редкий изумруд и сказала:

— Вижу!

— Да ты пуще посмотри, может, что увидишь в камне! — настаивал богатырь. Пригляделась Маланья в камень, а он заиграл, запереливался, чисто живой, в ее ладони. Далекие страны увидела она в нем, белокаменные дворцы, моря и океаны.

Долго любовалась Маланья изумрудом. Весело смеялась над игрушкой и над тем, как знатные вельможи в собольих шубах, в шапках с перьями кланялись ей из камня... Но вдруг бархатные брови в одно крыло слились у нее, на глаза печаль легла.

— А кто этот чудесный камень гранит, чьи руки такую красоту земли открыли? — у богатыря Маланья спросила.

Вспомнились ей люди, что день и ночь в своих землянках при лучине камни такие гранили.

— Зачем тебе, Маланья, знать про это, будешь и ты носить такие камни. А хочешь, подарю тебе я ключ от кладовки, где самоцветы лежат.

Покачала головой Маланья и богатырю обратно саблю отдала.

— Пойми, богатырь, меня. Еще мои деды говорили: «Дым родной земли светлей чужого огонька».

— Сказала — и отвернулась. Удивился Время-богатырь, но не отступился.

— Пожалеешь ты, Маланья, о богатствах, да поздно будет. Об заклад буду биться, что пожалеешь.

Засмеялась Маланья и сказала ему в ответ:

— Давай поспорим! А уговор таков. Ежели ты проспоришь, то останешься у нас и будешь работать с нами. Ты ведь сильный. Захочешь, горы перевернешь, моря осушишь. Красавицу в старуху превратишь. Много тебе подвластно, только в одном ты не силен: моего отца и матери моей тебе не одолеть, хотя они и не в золото одеты.

Задумался богатырь, но согласился на уговор. Сел он опять на своего коня, что быстрее эха был, и в дальние страны ускакал.

В недолгих днях мать Маланьи выдала дочку замуж. И такую им народ свадьбу справил, что по сей день люди сказки про нее говорят.

Прошли годы, вспомнил Время-богатырь про Маланью и снова в Горы-камень прискакал. Проверить, не проспорила ли она. Смотрит: где землянки были, уже избы стоят. Спросил он у бабки прохожей, где Маланья тут живет. Бабка показала ему на избу крайнюю, что за мостом.

Зашел богатырь в избу, а Маланья из-за стола выходит навстречу и улыбается весело ему:

— Я знаю тебя, ты Время-богатырь. Моя бабка спорила с тобой. Ты бился с ней об заклад.

— Верно, верно, поспорили мы с Маланьей, — ответил ей богатырь.

— Так слушай, богатырь. Перед смертью бабка мне говорила: «Ежели придет Время-богатырь и спросит, пожалела ли я, что отказалась от богатства, ответь ему: ни разу даже в думках не пожалела».

— И ты Маланья тоже? — богатырь ее спросил.

— Маланья тоже. У нас уж так в роду ведется: первая дочь Маланьей зовется!

— Ты так же прекрасна, как и бабка твоя была! — сказал ей Время-богатырь, — Откуда же берется ваша красота?

— Откуда наша красота, говоришь, берется? — улыбнулась в ответ ему Маланья. — Когда пьешь воду из родника, ты ведь не думаешь, откуда он берет начало? Так вот, пойдём. Покажу тебе я этот родник!

И они пошли. Долго-долго они по шахтам, рудникам и дудкам бродили. Видели, как трудились люди, как руду и самоцветы добывали, как работали в лесу.

— Кто ж они? — спросил Маланью богатырь.

— Это мой народ. У нас с ним один отец. Имя его — Труд. А теперь пойдём — поглядишь на

мать.

И опять они пошли. Поднялись на самую середину хребта, на вершину высокую, что с незапамятных времен Юрмой зовется, взошли.

Поклонились речушкам, горам и долинам, поклонились солнцу, ветрам, заре, спустившейся на землю, и людям, что копались в земле. Полнобовались дальними кострами по берегам озер и рек, лесами зелеными, как море, и воскликнул Время-богатырь:

— Ежели бы ты и не сказала, кто твоя мать, все равно бы я догадался. Ее зовут Жизнь.

— Верно, богатырь, ты угадал. Жизнь — наша мать. Теперь ты понял, где родник красоты человеческой?

Ничего не ответил богатырь. Только снова, как и прежде, с пояса он меч отцепил и Маланье в руки его отдал.

— Проспорил я, Маланья, а потому остаюсь с тобой. Я буду работать с вами!

И остался навсегда...

Серафима Власова

СУЛЕЯ

В Саткинском районе есть хребет Сулея, отдельная гора Сулея, железнодорожная станция с таким же именем. Как и о многих примечательных горах, о Сулее сложены легенды. Они записаны со слов сулеинского татарина по прозвищу Валет.

Пас в горах табуны лошадей старый пастух-башкир. Помогала ему в работе его единственная красавица-дочь. Полюбила она стройного, пригожего, как молодой серебряный месяц, юного джигита-табунщика, такого же бедняка, как она сама. Собиралась девушка выйти за него замуж, но отец и слушать не хотел об этом. А свататься приехал знатный пожилой бай — сытый, чванливый, круглый, как чугунный казан (котел). Богатый привез калым.

Обрадовался старый пастух — привалило, наконец, ему счастье, удостоился великой чести быть в родстве с баями. На радостях велел он дочери принести большой глиняный кувшин с кумысом и угостить новоявленного родственника. Узнала девушка про свою беду и уронила от страха кувшин. Разбился хрупкий сосуд, расплескался кумыс по земле. Там, где он окропил землю своей пеной, появились непросыхаемые болота и мочажины. Горько и долго плакала девушка. В тех местах, где градом пролились ее невинные слезы, сквозь твердые камни пробились бесчисленные горные ключи и тонкими живыми нитями устремились в речные долины. Но отец был непреклонен, и девушка тихо, беззвучно умерла, растворилась в прозрачных ключевых водах.

Осознав несчастье, старик долго переживал свою утрату и навсегда покинул эти проклятые аллахом горы, леса и долины. И установились на прежнем стойбище необыкновенный покой, тишина и безмолвие. Люди долго обходили стороной те глухие болота, не хотели там селиться и называли ту местность Силией, то есть «тихой долиной». А уж позднее название перешло в Сулею — «мокрое место». В Сулее и вправду множество ключей, ручьев, а окрестности сырые, болотистые. Значит, щедрым был кувшин несчастной красавицы, горьки, чисты и обильны были ее слезы.

Этот же пастух по прозвищу Валет пересказал легенду в другом варианте.

Жил в горах и пас табуны лошадей старый пастух-башкир. Помогала ему в работе его единственная красавица-дочь по имени Нурия. Полюбила она стройного, пригожего, как молодой серебряный месяц, юного табунщика Салима из соседнего стойбища, такого же бедняка, как она сама. Собиралась Нурия выйти замуж за Салима, но отец и слушать не захотел об этом. Задумал он найти богатого жениха. И такой вскоре явился. Прослышав о необыкновенной красоте юной Нурии, приехал свататься знатный пожилой бай — черный и корявый, как навозный жук, толстый и круглый, как лесной паук. Богатый привез калым.

Обрадовался старый пастух — привалило, наконец, ему счастье, удостоился великой чести быть в родстве с баями. На радостях велел он дочери подать большой глиняный кувшин с кумысом и угостить почтенного бая.

От свалившегося на нее горя Нурия чуть не упала в обморок. Выплеснула она на землю кумыс, а кувшин запрятала глубоко в камни, сказав, что он упал и разбился. Сильно возмущился отец и прогнал свою непослушную дочь на все четыре стороны. Залилась Нурия горячими слезами и ушла невесть куда в леса и горы, где умерла в одиночестве и печали. Там, где пролила она свои невинные девичьи слезы, сквозь твердые камни пробилась бесчисленные прозрачные горные ключи и тонкими живыми нитями устремились в речные долины. А там, где кумыс промочил землю, появились непросыхаемые болота и мочажины. Гору же, в которой среди камней лежит спрятанный Нурией кувшин, с тех пор стали называть Сулеей. Ведь «сулея» — всего лишь глиняный кувшин, очень распространенный сосуд с узким горлышком, в котором правоверные мусульмане всегда хранили воду, молоко, кумыс, вино. Вот и выходит, что Сулея — всего лишь «кувшин».

Виталий Чернецов

ГОРЯЩАЯ ГОРА

Красив селезень Кэркем! Изумрудом зеленым переливаются перья, на крыльях белая полоса сверкает. Плывет селезень Кэркем по волнам озера, все радуются — такой красавец! Большая семья у селезня, родня большая: тетушка Чомга, птица с упрямым хохолком-рожками на голове, двоюродные сестры и братья пеганки, важный дядя Ата-каз — серый гусь.

Собрал родню селезень Кэркем, говорит:

— Горе в нашей семье — младший сынок мой Кечкене растет хилым и слабеньким. Как полетит вместе с нами в далекие края осенью? Остаться здесь нельзя на зиму — замерзнет или Тюлюк — лиса — поймает, съест. Отчего такая беда с маленьким Кечкене?

Молчит важный дядя Ата-каз, молчат двоюродные братья и сестры пеганки. Только тетушка Чомга тряхнула хохолком-рожками, сказала:

— Лысуха-птица виновата! Больше некому! Перья у нее черные, на голове белая лысина: отметка шайтанова. Лысуха виновата.

Закричали, захлопали крыльями все родственники:

— Да, да! Лысуха, больше некому.

Взлетел селезень Кэркем над озером, видит: из камыша выплывает Лысуха, за ней пушистые черные шарики с красными шапочками — детки ее.

Налетел селезень Кэркем, бьет клювом Лысуху, крыльями бьет:

— Вот тебе, проклятая, за моего Кечкене! Отведи порчу или до смерти забью!

Испугались Лысухины дети, в камыши попрятались. Красная стала вода в озере, селезень Кэркем Лысуху совсем убивает. Отпустил, однако, проклятую.

Через несколько дней видит селезень Кэркем: плывет Лысуха живая и здоровая по озеру. Маленькие детки ее рядышком, черные шарики с красными шапочками!

Удивился селезень Кэркем:

— Лысуха, шайтаном проклятая птица, убивал я тебя, озеро от крови красным было, а ты — жива и здорова! Не чудо ли это?

Отвечает Лысуха-птица:

— Покажу тебе чудо. Полетим вместе на Янган-Тау — горящую гору, сам увидишь.

Полетели. Над лесами летят. Над озерами летят. Гора Янган-Тау туманом одета, паром окутана белым. В маленьких горных чашах вода кипит. Видят Лысуха и селезень Кэркем: поднимается в гору старый человек. Тяжело идет, на палочку опирается.

Подошел старый человек к чаше горной с кипящей водой, окунулся несколько раз — вышел молодой егет-молодец. Палочку свою через колено переломил.

Прощенья просит селезень Кэркем у Лысухи:

— Прости меня, добрая птица Лысуха. Все сделаю, как ты велишь. Полетит мой Кечкене!

Летят осенью дикие утки. Впереди — селезень Кэркем, рядом — сын Кечкене. Над лесами летят, над озерами летят. Над Янган-Тау — горящей горой — летят.

Юрий Подкорытов

СУГОМАК И ЕСКАЗА

В краю, перстами не меряном, шагами не считанном, жили да поживали башкирские племена. Никто из людей еще названия горам, речкам, озерам удивительным не давал. Расстояние обозначали полетом коня и частями сбруи лошадиной. Так и разговор шел: дескать, до Голубинового подноса Гусиного озера два конских перелета осталось. До каменной гривы добраться проще простого. До нее путь длиною с уздечку да с конский хвост.

Вот так жили да поживали башкирские кочевые народы. Бродили по безмянным местам многочисленные конские табуны. На тучных травах паслись и нагуливали жир бараны круторогие. Подобно кучевым небесным облакам перекатывались на равнинных просторах стада пугливых тонкошерстных овец. От гор Уральских отделялись равнинные просторы широкой полосой хвойного леса. Не было в хвойном лесу места белому дереву — березе. Еще не заходили сюда и не заглядывали на жизнь кочевую люди русские. И заканчивались горные вершины там, где рождалась из хрустальных ключей каменистая и порожистая речка Уфа.

Как на малахае времени было предначертано, так и в жизни сбылось. Одновременно родились в соседних башкирских племенах мальчик и девочка. В один миг хлебнули они живительного горного воздуха. В один и тот же миг исторгли крики жизни их младенческие груди.

Племя, в котором появился на свет будущий джигит, кочевало у подножия черноголовых гор. У каменного хребта, куда уходит на ночной покой лучезарное солнце. Родители мальчика часто мечтали о горных вершинах, где нет горных троп. Жило в их кочевых душах страстное желание покорить крутые, каменистые склоны для новых пастбищ. Ведь с высокогорной травы породистые скакуны обгоняли степной ветер. А с молока кобылиц, что питались той травой, отличались отменным здоровьем дети. Кумыс, потребляемый стариками, удлинял человеческие жизни до бесконечности. Короче говоря, трава равнинных угодий уступала по питательным качествам траве горных пастбищ.

Мечта не седло, сколько в голове ее не качай, табунщика из джигита не будет. Но хотелось старикам-родителям, чтобы новорожденный сын умножил конские табуны. Чтобы еще зажиточней и богаче жили люди кочевого племени. Чтобы навсегда забыл народ голод, нужду, бедность и великую бескормицу.

Башкирская мудрость гласит: нет у горы имени — и не надо. Величие горы само за себя говорит. Человек родился — имя ему дай. Пусть оправдывает подаренным именем надежды людские. Вот и дали родители имя мальчику — Сугомак, что означало «Горная тропа».

Получила имя и девочка. Люди стали ее называть Есказой, что переводится тремя словами: «Своенравная, рослая, быстрая».

Стрелой, пущенной тугой тетивой лука, летело время. Сколько из казана плова ни ешь, табунщиком не станешь. Едва поднявшись на ноги, с утра до вечера катался в седле Сугомак. Кочевой образ жизни закалил юношу. Превратил его в сильного и ловкого джигита. Башкирские женщины говорят: «Умей тубетейку золотом расшить, умей и коня взнудать. Не подругой мужу будь, а подмогой».

Все научилась делать девушка Есказа. Одежду шить. Братишек и сестренек нянчить. В голой степи юрту поставить. Дикого скакуна усмирить.

Вырос в красавца джигит Сугомак. Превратилась в луноликую красавицу девушка Есказа. Однажды встретились они на степном просторе и полюбили друг друга. Но жениха с невестой должен был назвать мужем и женой великий той, на праздник которого собирались все кочевые народы Урала. На великом тое предстали перед старейшинами башкирских племен жених и невеста. Но оказалось, что джигит Сугомак на колечко камчи ниже ростом невесты Есказы. Ровно на колечко камчи была выше ростом жеребца Сугомака и кобылица Есказы.

Кто от обычая отступит, тот на ровном месте споткнется. Так порешили седобородые старейшины. Если обойдет низкорослый жених на скачках лошадь невесты — быть свадьбе. Иначе сам дух Уральских гор будет смеяться над неравной супружеской парой.

Решение старейшин — закон. Едва заря выбросила робкий лепесток шиповника на край земли, как пришли в движение юрты. Открылся великий той. Победителем в скачках считался тот, кто обойдет соперника, приветствуемый первыми лучами солнца.

Всегда сдержанным в словах был джигит Сугомак. А тут — словно шайтан затуманил ему голову. Перед друзьями похвастал, что обгонит на скачках Есказу. Услышала похвальбу невеста и сказала: «Хвостовство не скачка. Еще ни один джигит на голове луну тубетейкой не нашивал». Не успела тьма ночи оторваться от земли, как быстрыми стрелами полетели два всадника от Уральских гор до степи на восход солнца. Очень велики и могучи были их скакуны. На длину хвоста лошади вырвался вначале вперед Сугомак. Упоение скачкой сияло на его юном лице. Сердце в груди пело и плясало, как в счастливейший миг свадьбы. Джигит даже усомниться не мог, что невеста в скачке его коня обойдет.

От тяжести скакунов прогибалась земля, образуя наклон в сторону восхода солнца. Топот копыт походил на раскаты грома, что предшествует весенним грозам. Следом за ними, увлеченные их соперничеством, наполненные любопытством, бежали молодые, невысокие горы, заполняя собой долину.

Но не зря хранит изречение башкирская народная мудрость: «Не хвались перед скачкой, похвальбой скачки не выиграть». Так и оказалось.

Далеко позади оставила джигита девушка Есказа. Однако отходчиво влюбленное сердце, особенно сердце девичье. Начала она сдерживать бег кобылицы. Но быстрая скачка уже запалила коней. Первым не выдержал скакун Сугомака. На лету разорвалось могучее сердце, и рухнул мертвый конь громадной каменной глыбой. Та же участь постигла и кобылицу Есказы.

Но еще не вошло солнце, и не кончилось состязание жениха и невесты. Бросили парень с девушкой упавших коней и уже на собственных ногах побежали навстречу солнцу. И тут случилось то, что должно было случиться. Упал юноша Сугомак и сломал себе ногу. Уже солнце высоко поднялось на небе, а джигит ползал по таежному урочищу, но не мог отыскать дорогу к людям. На том месте образовалось глубокое красивое озеро. Оно, как и гора, зовется Сугомак.

А своенравная, рослая, быстрая Есказа при восходе солнца в речку превратилась. Но так была велика ее любовь к Сугомаку, что, будучи водой, повернула свое русло в противоположенную сторону от солнечного восхода.

Стих громовой цокот конских копыт. Стихли шаги ног состязавшихся в беге жениха и невесты. Встретились и перемешались их воды в безымянной в ту пору речке, которую назвали позже Кыштым, что означало «мир спорщиков, затишье».

Так в равнинном краю, шагами не меряном, верстами не считанном, появились две высокие горы

— Сугомак и Есказа. И гора Сугомак ровно на колечко башкирской камчи ниже ростом горы Есказы.

Через весь город льет воды речка Кыштым — в переводе с башкирского «Затишье», а образуют ее струи еще две горные речки — Сугомак с Есказой.

Нашлось в хвойных лесах место белому дереву — березе. Пришли на земли древних башкирских племен люди русские. Зазвенела русская речь вперемежку с башкирской. Но местную речь не теснила, а для себя отдельные слова брала и за счет их обогащалась. И еще роднее уральская земля русскому человеку делалась. Вот и имя речки с горой русские люди переименовали. Ласковым словом зовут: Егоза, Егозинка, Егозиночка.

Юрий Гребеньков

ЗАКЛЯТЬЕ КАМЕННОЙ ГОРЫ

Жил в одном селе батыр силы великой. Невеста его жила в соседнем селе. Настал черед свадьбы, и поехал батыр за невестой через Таш-Тау — Каменную гору. Увидел он по дороге змею, греющуюся на камнях, на солнце. Не утерпел, остановил коней и убил ее. А змея, умирая, показала ему свои ноги, в два ряда, шесть пар.

И уже когда шла свадьба, батыру стало худо, не смог он провести даже первую ночь с женой. К утру покрылся гнойничками, сыпью. Куда только его ни возили родственники, как только ни лечили. Ничего не помогало. Повезли тогда к курээ — знахарке. Курээ ему сказала: «Тебя никто, никогда не сможет вылечить. Ты убил любимую жену Жылан падшасы — Царя змей. Перед

смертью она тебе показала ноги, этим наложила на тебя заклятье. Со временем твои раны станут еще страшнее, будут смердеть. Быть тебе в таком обличии тридцать три года. Родственники узнают тебя только после твоей смерти. Я тут бессильна, прости».

Понимая, что он становится с каждым днем безобразнее, что родственники его уже стыдятся, батыр ушел из дома. Прошел он много сел, городов, стран. Побывал в Индии, Китае, в Тибете у мудрецов. Питался подаянием, носил лохмотья, излечился от гордыни, от жестокости. Научился любви к ближнему, состраданию. Понял сердцем, что каждая травинка, каждая тварь — от Всевышнего. Так он научился любви к Богу. В унижении своем обрел утешение.

Когда почувствовал батыр, что ему осталось мало жить, что подходит его время уходить в Чын тотмыш — Настоящую жизнь, решил он вернуться домой, чтобы быть оплаканным родными и похороненным на родине. Дома его никто не узнал, кроме старой-старой собаки. Стал он жить со скотиной в хлеву, делил с собакой скудную пищу. Было у него время, чтобы исповедаться. Ожидал батыр назначенного небесами срока с терпением, с молитвой, со страхом и надеждой. Через некоторое время он умер. На звуки собачьего воя вышли во двор отец с матерью и его уже немолодая жена. Лежал он перед ними такой же молодой и красивый, как в день своей свадьбы. Сошло с него заклятье Каменной горы.

Светлана Вдовина

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭХА

Таганай — это полукруглая ложбина между двумя гребнями гор. Лог и оба гребня совсем лишены растительности, если не считать кустов стелющегося можжевельника и лужаек из брусники. Дно лога усыпано мелким сланцевым щебнем и крупным серым гранитным песком, в котором блестят незначительные кристаллики венесы, аметиста, горного хрусталя и тому подобных минералов, в изобилии попадающихся на Урале.

В месте кратчайшего расстояния между гребнями лог обладает любопытными акустическими особенностями, за которые и получил он название «перекликового». Если встать между отвесными громадами и крикнуть какое-нибудь слово, даже целую фразу, то эхо голоса будет повторяться чуть не десятки раз. Причем диапазон эха постепенно повышается, и последние звуки его произносятся с большим эффектом. Ягодники, посещающие Таганай ради сбора черники, малины и брусники, которыми покрыты окраины россыпей, а также любители-путешественники часто забавляются этими фокусами Перекликового лога; но люди суеверные, настроенные на мистический лад, никогда не балуются горным эхом, считая его произведением нечистой силы, свившей гнездо в подоблачных каменных высях...

О происхождении эха в Перекликовом логе существует такая сказка. Много лет назад будто бы жил в пещере Таганайского гребня лютый зверь. Хватал он без разбору пеших и конных и пожирал их. Раз шел святой пустынный, может быть, тот же Зосима, увидел зверя, вылезавшего из пещеры, и обратился с молитвой к Богу об уничтожении чудовища. Господь внял молитве и убил зверя каменной глыбой, а на память людям оставил в горах его голос.

Пещера, в которой жило чудовище, до сих пор виднеется в утесах большого гребня. Добраться до него очень трудно, но не безынтересно, потому что выше, кажется, не залезет и горный козел.

Петр Падучев

СКАЗКА О СЕМИГОРЕ, ДОЧКЕ ЕГО НАСТЕНЬКЕ И ИВАНЕ БЕГЛОМ

Жил купец Семигор. Семь гор было у Семигора. Одна гора — золотая, другая гора — платиновая. Одна гора — руда медная, другая гора — руда железная. Одна гора — гора хрустальная, другая гора — гора мраморная, а седьмая гора — Ильмен-гора — самоцветная.

Семь дочек было у Семигора. Шесть, как одна: станом высокие, лицом румяные, глаз с поволокой, волосом черные. А седьмая — Настенька — дочка любимая, тоненькая, как тростиночка, личико беленькое, волосики, будто паутиночки осенние на солнышке светятся, а глаза, как вода Ильмен-озера — тихие да светлые.

Семигор дочкой не налюбуется, не нахвалится, никуда Настеньку от себя не отпускает. Для дочек старших выбрал в зятя себе шесть молодцов здоровых да сильных, ему, Семигору, послушных. Послал Семигор зятьев своих с дочками на шесть гор своих за работами присматривать: одного зятя послал на золотую гору, другого — на платиновую, одного на гору руды медной, другого — на гору руды железной, одного — на гору хрустальную, другого — на гору мраморную. Сам Семигор с дочкой любимой Настенькой на Ильмен-горе остался.

Всякие камни-самоцветы были у Семигора: перла черная, бериллы, крезалит: зеленые, желтяки и тяжеловесы разные. Всякие камни ему горщики носили, а для дочки Настеньки в шкатулочке из орлеца розового на счастье александрит-камень красоты неописанной лежал. Не было только у Семигора камня, как вода озерная тихая, как глаза Настеньки, дочки любимой — синие. Дошел до Семигора слухок, что участливилось горщику одному у Аргаяш-озера в шахте изробленной кристаллы синие найти. Сейчас Семигор рабочих в шахту посылает кристаллы искать. Много он людей загубил — не один под землей смерть свою нашел. Люди от Семигора прячутся, с Ильмен-горы бегут. Свои бегут, а Семигор чужих принимает.

Стоит это раз Семигор с дочкой Настенькой на полянке, где дороги крестом сходятся, беглых работников поджидает. Видит, Иван Беглый идет. Лопотина на нем никудышная, а собою молодец и лицом и станом; идет, по сторонам глядит. Остановил его Семигор, стал на работу нанимать. Настенька взглянула на парня и глаз от него не отводит. То ли сила чудесная в Иване Беглом была, то ли Иван ни на кого похожий не был, только привязал он сердце Настеньки к своему сердцу крепко-накрепко. Стала Настенька Семигора просить Ивана Беглого за камнем не посылать, на Ильмен-горе оставить. Но сколь она ни плакала, сколь ни просила, а Семигор Ивана Беглого на Ильмен-горе не оставил, подальше от любимой дочки отправил, самоцвет синий искать, и приказчику своему верному наказал: Ивана Беглого на горе навечно держать.

Спустили Ивана Беглого в шахту, забой ему отвели хуже некуда. Думал Иван Беглый, что не видать ему больше света божьего и Настеньки, Семигоровой дочки. Только видно другое ему на роду было написано. Укараулил Иван Беглый времечко, выбрался крадче из шахты и в лес подался.

Перебрался через гору. Вечер подошел, ночь настала. Выбрал Иван Беглый местечко по другую сторону горы — лег на траву. В лесу тихо. Стал он спать собираться, только слышит треск в горе. Грозы нет, а гора трещит. Вдруг из горы звездочка засветилась, полосой пронеслась и в кустах спряталась, и опять на травке зажглась. Потом другая, третья в горе засветится, засверкает полосой, бегущей к кустам, скроется и в траве огнем горит, переливается. Тут луна взошла. Видит Иван Беглый: бурундучок бежит, и в зубах у него камушек самоцветный сверкает. Выбегает бурундучок из трещины в горе, камушек за камушком выносит самоцветы и кладет их в лесу на поляне. Большую гору наносил. Под утро свистнул бурундучок, сбежались бурундучки со всех сторон, каждый самоцвет в зубы взял, и в разные стороны побежали огоньки ясные — горку самоцветов всю разнесли. Иван Беглый дальше не идет, хочет ночи дожидаться — может опять бурундучок самоцветы в горы носить будет.

Днем Иван Беглый в лесу скрывался, а ночью опять в то самое место к горе пришел. Опять, как и в первую ночь, в горе затрещало, и бурундучок стал самоцветы из горы таскать, в кучу на поляне складывать.

Иван Беглый днем лук согнул и стрелы острые выстругал. Дождался, когда луна взошла, натянул лук и спустил стрелу. Упала стрела около бурундучка. Опять натянул Иван Беглый лук, а бурундучок человеческим голосом говорит Ивану Беглому: «Не зарься, Иванушка, на камни самоцветные, заклятье на них положено, тебе от них счастья не прибавится, а послушай, что я тебе присоветую. Ты пойдя к купцу Семигору, расскажи ему про камни самоцветные и проси у него в награду тебе вольную выдать и коня доброго дать. Только не забудь: как покажешь Семигору камни, что в куче на полянке лежат, больше ни о чем не заботься, скорей на коня садись, не задерживайся, на Семигора не оглядывайся».

Сделал Иван Беглый все, как бурундучок приказывал.

Как услышал Семигор про камни самоцветные, сейчас велел вести себя к горе. Обещал Ивану Беглому вольную дать, когда своими глазами самоцветы увидит. Только хитрющий Семигор Ивану Беглому ничего не сказал, а приказчикам своим наказал: если в полночь назад не вернемся, значит, беда со мной приключилась, идите выручать. Взял с собой управителя верного и коня для Ивана Беглого.

Пришли они ночью к горе. Семигор коня в кустах привязал, сам вольную в руках держит. Стоят они трое у горы. Иван Беглый и говорит: «Ну теперь, Семигор, давай вольную, сейчас самоцветы увидишь», — и повернул его лицом к полянке, а полянка от самоцветов так и светится, огнем переливается. Семигор с управителем совсем ума решились. Сунули Ивану Беглому вольную и к куче бросились.

Тут бурундучок и свистнул. Ивану бы на коня, да из лесу вон, а он забыл, что бурундучок ему наказывал, охота было узнать, что дальше будет. Видит: Семигор с управителем над кучей самоцветов согнулись, руки в камни блестящие по локоть засунули, да там камнями стоять и остались. У Ивана Беглого от страха ноги отнялись. Глазам своим не верит, а когда в себя пришел, тут видит — люди кругом. К Семигору на выручку идут. Не послушался Иван Беглый бурундучка, а бежать поздно. Окружили его, стали спрашивать, где Семигор. Иван Беглый на три каменные горки показывает: «Вот, — говорит, — Семигор». Люди смотрят: три камня — два над третьим склонились. Не поверили люди Ивану Беглому, связали его, пытать стали, так и замучили.

А Настенька, дочка Семигора любимая, ждет не дождется Ивана Беглого. Ходит она к Ильмен-горе, подойдет к шахте заброшенной и плачет. И первые слезы ее были прозрачные, будто тихая озерная вода, а потом со слезами стала выплакивать глаза свои синие. Так и изошла слезами. Людинашли слезы Настеньки. Первые слезы прозвали аквамаринами, а вторые — сапфирами.

Е. Блинова

Осколки древних морей ГОЛУБОЕ ЗЕРКАЛО СЕМИГОРА

Говорят, у русского батыра Семигора, хозяина гор Ильменских, зеркало хрустальное было, да не простое. Посмотрит в него Семигор — все, что на земле, на воде и в воздухе делается, — все ему видно. И жила в тех местах старушонка одна завистливая. Юрмой звали. Ох как хотелось Юрме зеркало такое иметь! Оно понятно — в урмане глухом скучища зеленая. Словцом перемолвиться не с кем. Которые лешие поблизости жили, и те от завистливой старухи в болото подались. Забралась как-то Юрма в горную кладовую Семигора, и так и сяк зеркало из скалы выворачивает. Не хватает силенки. Уж и нечисть лесную помочь просила, посулы богатые обещала. Лешие затылки чешут: и напакостить не прочь, и Семигора побаиваются. Отказались. Грохнула Юрма клюкой железной по хрусталу — разбилось голубое зеркало на мелкие осколки, по всему краю разлетелось. Каждый осколок в голубое озеро превратился. А Юрма со злости комья земли в ближнее озеро стала бросать. Горстями полными. То тут, то там островки на озере выросли. А дело-то вот чем кончилось: старуху Юрму батыр Семигор в гору каменную превратил.

...Давным-давно поднялся на высокую гору человек и увидел внизу озеро с бесчисленными островками.

— Пестрое озеро, — сказал тот человек, — Чебаркуль!

Юрий Подкорытов

ТАЙНА ОЗЕРА ЗЮРАТКУЛЬ

О высокогорном Зюраткуле бытует много легенд. Давным-давно это было. Когда именно, никто не помнит. Жило на берегах маленького горного озера племя охотников и рыбаков. Никто никогда не нарушал обычаи этих людей. Шли годы, десятилетия, века. Рождались дети, подрастали, женились, старились, умирали. Но вот один случай пошатнул вековые устои племени. О нем далеко разошлась молва среди жителей гор.

Родилась в этом племени девочка. Росла, ничем не отличалась от других сверстниц. Незаметно повзрослела и вдруг с годами превратилась в девушку невиданной красоты. О ней заговорили, ее заметили. Многие охотники захотели взять Амину (так звали красавицу) себе в жены. Даже сам вождь племени, Великий Повелитель Гор, могучий богатырь Таганай, который держал на своих плечах ночное солнце — Луну, и тот добивался любви Амины. Но сердце девушки тянулось только к молодому, красивому и отважному охотнику Акбулату. Он тоже любил ее и считался первым женихом.

Однажды охотники ушли в дальние горы. В стойбище остались одни женщины и дети. Тоскуя по Акбулату, Амина пришла на берег озера и спустилась к воде. Светила ночная красавица-Луна, покоясь на невидимых плечах Таганая. Озерная гладь не колыхалась и отражала в себе окружающий мир, как в огромном опрокинутом зеркале. Амина наклонилась к воде и застыла от удивления. На нее глядела невиданной красоты и прелести девушка. Не сразу поняла Амина, что это была именно она. Она была прекраснее всех своих соплеменниц, прекраснее всех женщин страны Повелителя Гор. И сердце девушки возликовало. С той поры каждую ночь она приходила к озеру и любовалась собой, реже стала вспоминать Акбулата.

Вскоре Амина забыла юношу-охотника и стала с нетерпением поджидать возвращение богатыря Таганая, чтобы взобраться на его плечи и осветить ночной мир своей красотой и лучезарным блеском. «Разве я не прекраснее Луны? Только я одна достойна быть женой Великого Победителя Гор!..» — внушала она сама себе, и при этом Амина весело хохотала, воображая, как оттолкнет от себя безусого Акбулата.

Но сердце девушки, возмущенное изменой, вдруг сильно забилося, больно затрепетало, выскользнуло из груди и растворилось в озере. Амина застыла в немом изваянии, а потом превратилась в каменного истукана.

Весть о несчастье дошла до охотников. С горя молодой Акбулат ушел от товарищей и поднялся на высокую гору. Тоскуя по любимой девушке, отвергшей его любовь, он поседел и умер от печали. Охотники похоронили юношу, соорудив на его могиле огромный каменный курган. С того времени эту гору стали называть Уван, то есть «гора с курганом», или просто «курганная гора».

Сильно был омрачен гибелью девушки и богатырь Таганай. Он навсегда покинул племя, ушел далеко в горы и остался там навечно, застыв в виде массивной каменной вершины. Но по-прежнему он держит на своих плечах ночное светило — Луну, ведь Таганай и значит — «подставка луны».

Как в призрачном тумане, проплыли тысячелетия. Камень, в который превратилась Амина, рассыпался, и теперь его осколки в виде отдельных острых ребер торчат из земли на Каменном мысу возле старых одиноких лиственниц. Эту грудку кварцитовых глыб в форме слегка вытянутого холма в наши дни именуют Каменной или Безымянной сопкой. Неизменным осталось лишь озеро. Только вода в нем с тех пор стала всегда холодной и кристально чистой, как вечный укор лучезарной Амине за то, что она охладела к юному Акбулату. И стали это горное озеро называть Юрак-куль, то есть озеро потерянного сердца или просто сердце-озеро, на дне которого, согласно древней легенде, покоится мятежное сердце красавицы Амины. А уж Зюраткулем оно стало позднее.

Старинное башкирское предание

МЛАДШИЙ БРАТ БАЙКАЛА

Было это в давние-предавние времена. Уже обживали люди берега славного Байкала и не могли надивиться его красоте. А вода в нем была холодная и такая прозрачная, что в хорошую погоду всю жизнь озерную рассмотреть можно было. Широко оно раскинулось, вольной волной о берега било.

Жил на берегу озера прекрасный юноша. Звали его Тур. Парень был он удалой. Лицом видный, глазами добрый и до дела всякого охочий. Крепко любил свой край и озеро синее. Не раз любовался синевой озерной.

Тихо бежали дни. Пролетало время, и решил смелый юноша отправиться в путь. Посмотреть на земли дальние, на красоты их взглянуть.

Долго ходил Тур по белому свету. В разных краях побывал. Подивился на красоту земную, на диковинки разные. Много повидал радостей и счастья людского, а еще больше горя. Как ни хороши чужие края, а заскучал юноша по родному дому. И отправился Тур обратно в родную сторонушку.

Возвращался он домой. Прямехонько шел, быстро. И пролегла его дорожка через Уральские горы. Шел Тур по долине меж гор зеленых, смотрел кругом и дивился — родное все было вокруг: деревья те же — сосны, лиственницы, березы; солнце так же тепло и ласково греет, да и небо такое синее, как родное озеро, только над головой. Все родину напоминает, а до дома-то ой как еще не близко.

Много пересек он рек и ущелий, и вот в одном из них встретил Тур девушку. Сидела она на камне у огромной скалы и плакала. Юноше стало жаль ее. Подошел он и спросил: «Как зовут тебя?» Девушка подняла лицо, и Тур увидел, как она была прекрасна, только глаза ее были печальны. Произнесла девушка имя свое, полетело оно высоко в горы и там отозвалось многократным эхом. «Гояк!» — прокричали горы. Таким звучным оно было! Девушка понравилась Туру, и решил он сделать все для нее, только бы высохли ее слезы, только бы она улыбнулась. Стал тогда расспрашивать он девушку: «Почему ты так горько плачешь? Чем могу я тебе помочь?» И Гояк поведала ему: «Когда-то я была весела и счастлива. Но злая колдунья, позавидовав моей молодости и здоровью, лишила меня зрения. И прозреют мои глаза только тогда, когда умоюсь я водой чистой и прозрачной, как слеза».

Знал Тур, где есть такая вода. Поспешил к родному озеру. Торопился он, шел прямо через топи болотные, сквозь леса дремучие, лез через горы неприступные. Не день и не два шел Тур. Много дней шел.

И вот он Байкал — голубая чаша с водой, которой нет чище и светлей во всем свете. Зачерпнул юноша полные ладони байкальской сини и поспешил к девушке. Труднее прежнего был его путь. Не останавливался он ни на минуту. Нес Тур воду, которая должна была вернуть девушке зрение и счастье. Берег он воду, осторожно нес ее.

Вот и знакомые горы, то самое ущелье. И снова юноша увидел Гояк. Умылась девушка водой. И высохли слезы, прозрели глаза. Ушла печаль. Снова Гояк стала здоровой. Зазвучал в горах ее смех.

Навсегда остались вместе Тур и Гояк.

А когда девушка умывалась байкальской водой, упала одна капля на землю. И в том месте, где когда-то плакала Гояк, образовалось новое озеро с такой же холодной и чистой водой, какую принес Тур из Байкала для своей любимой.

Люди назвали его Тургояк — в память о славном юноше Туре и красавице Гояк.

И еще называют Тургояк младшим братом Байкала.

Юрий Подкорытов

УВИЛЬДИНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Там, где шумит голубая волна озера Увильды и ветер по соснам гуляет, свою бесконечную песню поет, родилась эта легенда.

В те поры спал наш Урал, как могучий богатырь-великан. Не будили его гудки паровозов, не дымили заводские трубы, не сверкали огни больших городов, трактора на полях не гуляли.

Тихо было в горах, безлюдно в степях, только воды рек и озер неумолчно шумели. Травы цвели, птицы в лесах гнезда вили.

Мало было людей в те годы у нас на Урале. А кто и жил, тот свету не видел.

Не было в те времена озера Увильды — большой чаши с хрустальной и чистой водой, только речка в логу между гор пробивалась. С косогоров бежали ручьи, но тут же в земле прятались...

На берегу реки землянка стояла, в горе на отшибе. Жил в землянке рыбак-охотник старик Абдрахмат вместе с дочкой своей — красавицей Саймой.

Полевым цветком Сайма росла. Рано утром она просыпалась. Студеной водой умывалась. Варила уху, диким медом лакомилась и за работу бралась.

Верстах же в десяти от избы, на высокой скале у реки, каменный дворец возвышался. Белым мрамором был выложен он. В окнах слюда мерцала. Вокруг дворца стража стояла. От заката и до восхода дворец охраняла.

Жил во дворце старый жестокий мурза — верный слуга хана — Карым. Большие богатства он имел, на много верст кругом его земли лежали. В горах рабы самоцветы искали.

Верстах в тридцати от Карымова дворца дорога проходила. Новгородские гости шли по этой дороге. В теплые страны они свои товары продавали. Обрато разные ткани, шелка и вина везли.

Не раз Карым с ватагой своих воинов и слуг на купцов нападал, все их богатства отбирал.

Боялись люди Карыма, шайтаном его называли. Страх он на всех нагонял своим видом. На себя работать заставлял.

Был он высокого роста, с маленькой головой и глазами удава. Без блеска, зеленые, они не мигали, а холодом обдавали. Никогда никого не жалел Карым. Не знало его змеиное сердце страданий людских, счастья матерей, радостей юности мятежной.

И вот однажды Карым заскучал, надоели ему богатства и жены, кони и редкие вина...

Узнал сам хан про Карымову грусть. Велел подарок ему снарядить, как говорят, для утешения и развлечения. Знал хан цену Карыму, верным псом служил Карым хану.

Хитрый хан догадался, чем можно змею отогреть. Не золота и самоцветных камней надо было Карыму. Не табунов лошадей — степных скакунов самых проворных. Надо было Карыму в сердце огонь развести, чтоб забилося оно сильней. А что больше песни сердца людей согревает? Приказал хан мурзам своим выбрать из полоненных с вольных степей ковыльных морей певцов самых отменных. Пал ханский выбор на двух гусяров-певцов, Петро и Грицько, да на девушку Алену.

Одной тяжелой цепью всех их связали и отправили во дворец к Карыму. Было это весной. Трава в полях зеленела, весеннее небо голубело. С гор бежали ручьи, птицы пели в лесах. Оттого пуще прежнего злился Карым, злобой кипел, тоской исходил.

Как-то раз сидел Карым, как шайтан, окруженный стражей. Вдруг раскрылись дворцовые двери, вошел посланец самого хана. Оживился Карым. Ханский подарок велел принять. Сняли карымовы слуги цепи с полоненных. Тут же дали им гусли и заставили петь, хотя певцы от усталости с ног валились.

На мягких подушках расселись жены Карыма, под балдахином из золотой парчи разлеглись ханские гости.

Первым ударил по струнам Петро, запел за ним красавец Грицько, а за ним соловьем залилась Алена, хотя слеза у нее с песней мешалась.

Доволен остался ханским подарком Карым. С большими дарами послов он отпустил, а потом часто стал слушать русскую песню, что широкой волной неслась по горам и лесам.

Нелегко было жить полоненным в неволе. Тоска и злоба на Карыма им сердца жгла. Больше всех сохла Алена... Оттого, видать, нет-нет, да и прибежит к Сайме она. Верность в дружбе у Саймы почуяла девка.

Научила Алена подругу про волю песни петь, недругов-визирей ненавидеть.

Да что и говорить. Не девка Алена была, а сам жемчуг накатный иль алмаз голубой. Высокая, статная, с гордой осанкой и тяжелой русой косой.

Не болтлива, степенна, а когда говорила, то будто слово каждое дарила.

— Не по времени ты, Алена, на свет родилась. Тебе бы парнем быть, атаманом ватажным, на лихом коне скакать, с матушки-земли врагов гнать, — говорили ей не раз Петро и Грицько, а она им в шутку отвечала:

— Бой красен мужеством, а приятель — дружеством. Что бы я делала одна — без вашей подмоги?

Когда же Карым отпускал Петро и Грицько за ворота дворца на дальние горы поглядеть, вольным ветром освежить себя, приходили друзья к избе Абдрахмата. Садись возле реки и пели печальные песни.

Пели они про чудесные бескрайние степи, про ясное солнце и дальний курган. Про любовь, как жар-птицу, что в сердца людей залетает и к свободе зовет.

Один раз, когда все кругом уснуло, ночь пришла в леса и горы, замигала дальняя звезда, идели все четверо у костра, пригорюнившись. Не пелось друзьям в ту ночь. Устали шибко на работе. В горах били руду, самоцветы искали, в студеной воде стояли.

Не спалось в ту ночь и Карыму. Душно было кругом. Над горами где-то далеко небо молниями озарялось.

Пошел Карым со стражей своей на берег реки, людской разговор услышав... Подошел. Не успел Грицько ветку в костер бросить, как отблеск от огня заиграл на клинках карымовой стражи.

От злости согнулся Карым. Змеей зашипел на полоненных. За то, что без спроса ушли они, да еще ночью, без карымовой воли. Приказал он всех четверых на цепь посадить в подземелье. Хотел он плетью Алену стегнуть, но вдруг плеть сама опустилась в руке Карыма.

Замер на месте он, как бывает с удавом, если его кто заморозит. Не смог больше Карым плеть поднять, глаз отвести.

Подошел он ближе и увидел перед собой Сайму. Ее черные кудри вокруг лица волной лежали, взгляд злобой горел.

Распрямылся Карым, крикнул слуг, но потерял он силу свою. Усмирила Сайма змею, но зато на себя большое накликала горе.

С той поры лишился покоя вовсе Карым. Чаще стал он заставлять петь полоненных. А потом как-то раз в дальней горе напали на Сайму карымовы слуги. Билась, кричала она. Отца Абдрахмата звала. Да разве в горах дозовешься?

Притащили слуги почти мертвой ее во дворец и женам Карыма отдали. Обрядили жены ее в белый атласный бешмет. В отороченную соболем шапку кудри спрятали. На ножки атласные сапожки надели, шею монистом драгоценным украсили и повели к Карыму.

На пушистых коврах сидел Карым, ожидая Сайму. Вокруг него визири стояли. Ввели Сайму. Будто звезда с неба опустилась и, как говорят, девицей оборотилась.

Вскочил с ковров Карым, кинулся к Сайме и только было хотел ее схватить, как раздался топот копыт. Не успели визири и Карым к окнам подойти — ханские гости входили в двери. Будто дождем смыло карымовых жен. Вышли и слуги. Подал Карыму посол грамоту хана. Начал он беседу с послами. А потом — не успели в небе звезды погаснуть и утренняя заря над горами подняться — загремели ворота и мост. Карым помчался в набег.

Только пыль улеглась на дороге после Карымова войска, как у ворот дворца вопль раздался. Кричал старик Абдрахмат:

— Отдайте мне мою Сайму. Верните рыбку мою. Будь проклят Карым-шайтан!

Схватили визири старика, связали ему руки, в темницу бросили. А за ним и Алену. За то, что хотела заступиться за старика.

День и ночь плакала Сайма. Не хотела с неволей мириться она. Видать, сумела Алена подруге в сердце такие силы вложить, что непокорность у Саймы в сердце огнем разгоралась.

Не без причины народ легенду сложил, а дальше в ней так говорится.

Как-то раз после работы возле балагана в лесу на елане собрались дружки Петро и Грицько. Разговор завели. Все знали, отчего скудался Грицько. А больше других об этом знали Ефим да Микола Замора, тоже полоненные. Сроду молчал Ефим — недаром Немтырем прозывался; зато его дружок Микола Замора без умолку говорил, его часто никто и не слушал.

Давно это было, трудно сказать, с чего подошли, только известно одно, будто начал Микола Замора, а кончил Немтырь: «Доколе мы будем терпеть змея Карыма!». И тут же порешили: выбрать Грицько атаманом. Полюбили люди его, поверили в его богатырскую силу. Добрые советы Грицько всем давал, на работе людям помогал, за рабов заступался. А главное — умел в чужом сердце самое светлое отыскать.

Сроду не боялась Карымова стража полоненных, а как с Грицько встречалась — стороной обходила.

За Карыма во дворце остался его брат — мурза Наган-Старый. Не знал Наган, что недалеко от дворца кузница появилась, а в ней клинки и сабли ковались.

И вот пока люди про запас сабли, луки да стрелы готовили, время, как пряжа, свою бесконечную нить плело.

Весна уже давно ушла, миновало и лето, реже по ночам стали зарницы играть, небо темней и синей стало. Птицы в дальний путь собрались, желтый янтарь вершинки берез и осин разукрасил.

Не успели последние грозы отгреметь, первые заморозки ударить, поднялась пыль столбом. Карым воротился из набега.

Много земель он разорил, немало богатств всяких наградил, но самую большую драгоценность привез — жемчужину черную... Не зря ее хан Карыму дарил — говорит, черный цвет змею укрощает. Думал хан, что будет Карым глядеть на нее, злую тоску смирять...

Только солнце за горы — велел Карым во дворце огни зажечь. Запылали огни факелов, закипели бараны в чанах, засверкало вино в древних чашах. Всех визирей приказал Карым собрать, жен привести в большой зал. Полоненных во дворе согнать.

Шел пир своей чередой. Звон бубнов, крики толпы стены дворца сотрясали. Словно шаман с ведьмой свадьбу справлял. А Грицько о ту пору с воинами шел, у ворот уже бой завязался.

Не успел тревожный сигнал часовых затихнуть в горах, как Грицько с друзьями стал дорогу к подземелью расчищать, чтобы Абдрахмата и Алену спасти.

А в зале Карым пировал. Рев, гул толпы — воинов Грицько — принял Карым за ликование своих слуг в знак его возвращения.

Хлопнул Карым в ладоши, согнулись перед ним два визиря: велел Карым Сайму привести.

Ввели Сайму. А она была красивей Юлдус Туште — звезды, упавшей с неба. Схватил Карым золотую цепь, на которой черная жемчужина красовалась, кинулся к Сайме и приказал ей жемчуг на шею надеть.

Тихонько Сайма жемчужину на ладонь положила, взглянула на нее, и большая слеза на глаз ей накатила. Первая пала на грудь, а вторая — прямо на черную жемчужину.

Застыли все. Смолкли крики кругом: в руке у Саймы жемчужина свой цвет менять стала, засияла, голубой волной отливая. Словно знала Сайма волшебную силу жемчужины черной: если она станет голубеть, то все родники в земле откроются — такая молва в народе жила.

Подбежала Сайма к окну, растворила его и кинула Карымов подарок вниз, где речка журчала, с камнями играя. Кинула Сайма жемчуг и бросилась к двери, чтобы сбежать от Карыма... Враз будто черные стены дворца раздвинулись. Вольный ветер ворвался. Крик, гул, шум толпы... А вода в реке все прибывала, долину собой заполняя.

Раздался снова гул. Раскололся дворец. В испуге кричали люди. Заметались в испуге гости. В зал же в это время ворвался Грицько с войском. Рядом с ним Алена бежала. Разгадал замысел полонян Карым, схватил кинжал, бросился за Саймой, но Алена закрыла подругу собой и тут же упала...

А река уж горным потоком кипела, на берег кидалась.

Наутро как в землю провалился Карымов дворец вместе с Карымом, его визирями и женами, только плетть одна на волне колыхалась.

Не осталось в живых и никого из полонян. Всех унес горный поток за собой...

И с тех пор там, где когда-то речка бежала, дворец Карыма стоял, — озеро с прозрачной, будто хрусталь, водой засияло.

Народ это озеро с той поры стал называть Увильды — Голубая жемчужина, а деревню, что возле озера родилась, и по сей день называют Сайма.

ЗОЛОТОЙ ВОЛОС

Было это в давних годах. наших русских в здешних местах тогда и в помине не было. Башкиры тоже не близко жили. Им, вишь, для скота приволье требуется, где еланки да степочки. На Нязях там, по Ураиму, а тут где же? Теперь лес — в небо дыра, а в ту пору и вовсе ни пройти, ни проехать. В лес только те и ходили, кто зверя промышлял.

И был, сказывают, в башкирах охотник один, Айлыпом прозывался. Удалее его не было. Медведя с одной стрелы бил, сохатого за рога схватит да через себя бросит — тут зверю и конец. Про волков и протча говорить не осталось. Ни один не уйдет — лишь бы Айлып его увидал.

Вот раз едет этот Айлып на своем коне по открытому месту и видит — лисичка бежит. Для такого охотника лиса — добыча малая. Ну, все ж таки думает: «Дай позабавлюсь, плеткой пришибу». Пустил Айлып коня, а лисичку догнать не может. Приловчился стрелу пустить, а лисичка — быть бывало. Ну что? Ушла так ушла — ее счастье. Только подумал, а лисичка вон она, за пенечком стоит, да еще потявкивает, будто смеется: «Где тебе!»

Приловчился Айлып стрелу пустить — опять не стало лисички. Опустил стрелу — лисичка на глазах да потявкивает: «Где тебе!»

Вошел в задор Айлып: «Погоди, рыжая!»

Еланки кончились, пошел густой-прегустой лес. Только это Айлыпа не остановило. Слез он с коня да за лисичкой пешком, а удачи все нет. Тут она, близко, а стрелу пустить не может. Отступить тоже неохота. Ну как — этакий охотник, а лису забить не сумел! Так-то и зашел Айлып вовсе в неведомое место. И лисички не стало. Искал, искал — нет.

«Дай, — думает, — огляжусь, где хоть я».

Выбрал листвянку повыше, да и залез на самый шатер. Глядит, недалеко от той листвянки речка с горы бежит. Небольшая речка, веселая, с камешками разговаривает и в одном месте так блестит, что глаза не терпят. «Что, — думает, — такое?» Глядит, а за кустом на белом камешке девица сидит красоты невиданной, неслыханной, косу через плечо перекинула и по воде конец пустила. А коса-то у ней золотая и длиной десять сажен. Речка от этой косы так горит, что глаза не терпят.

Загляделся Айлып на девицу, а она подняла голову, да и говорит:

— Здравствуй, Айлып! Давно я от своей нянюшки-лисички про тебя наслышана. Будто ты всех больше да краше, всех сильнее да удачливее. Не возьмешь ли меня замуж?

— А какой, — спрашивает Айлып, — за тебя калым платить?

— Какой, — отвечает, — калым, коли мой тятенька всему золоту хозяин! Да и не отдаст он меня добром. Убегом надо, коли смелости да ума хватит.

Айлып рад-радехонек. Соскочил с листвянки, подбежал к этому месту, где девица сидела, да и говорит:

— Коли твое желание такое, так про меня и слов нет. На руках унесу, никому отбить не дам.

В это время лисичка у самого камня твякнула, ткнулась носом о землю, поднялась старушонкой сухонькой, да и говорит:

— Эх, Айлып, Айлып, пустые слова говоришь! Силой да удачей похваляешься, а не мог вот в меня стрелу пустить!

— Правда твоя, — отвечает. — В первый раз со мной такая оплошка случилась.

— То-то и есть. А тут дело похитрее будет. Эта девица — Полозова дочь, прозывается Золотой Волос. Волосы у нее из чистого золота. Ими она к месту и прикована. Сидит да косу полощет, а весу не убывает. Попытай вот, подыми ее косаньку — узнаешь, впору ли тебе ее снести.

Айлып — ну, он из людей на отличку — вытащил косу и давай ее на себя наматывать. Намотал сколько-то рядов, да и говорит той девице:

— Теперь, милая моя невестушка Золотой Волос, мы накрепко твоей косой связаны. Никому нас не разлучить!

С этими словами подхватил девицу на руки, да и пошел.

Старушонка ему и ножницы в руки сует:

— Возьми-ка ты, скороумный, хоть это.

— На что мне? Разве у меня ножа нет?

Так бы и не взял Айлып, да невеста его Золотой Волос говорит:

— Возьми — пригодятся: не тебе, так мне.

Вот пошел Айлып лесом. С листвянки-то он понял маленько, куда правиться. Сперва бойко шел, только и ему тяжело, даром что сила была — с людьми не сравнишь. Невеста видит — Айлып притомился, и говорит:

— Давай я сама пойду, а ты косу понесешь. Легче все ж таки будет, дальше уйдем. А то хватится меня тятенька — живо притянет.

— Как, — спрашивает, — притянет?

— Сила, — отвечает, — ему такая дана: золото, какое он пожелает, к себе в землю притягивать. Пожелает вот взять мои волосы, и уж тут никому против не устоять.

— Это еще поглядим! — отвечает Айлып, а невеста его Золотой Волос только усмехнулась.

Разговаривают так-то, а сами идут да идут. Золотой Волос еще и поторапливает:

— Подальше бы нам выбраться! Может, тогда тятенькиной силы не хватит.

Шли, шли — невмоготу стало.

— Отдохнем маленько, — говорит Айлып.

И только они сели на траву, так их о землю и потянуло. Золотой Волос успела-таки, ухватила ножницы, да и перестригла волосы, какие Айлып на себя намотал. Тем только он и ухранился. Волосы в землю ушли, а он поверх остался.

Вдавило все ж таки его, а невесты не стало. Не стало и не стало, будто вовсе не было.

Выбился Айлып из ямины и думает: «Это что же? Невесту из рук отняли и неведомо кто! Ведь это стыд моей голове. Никогда тому не бывать! Живой не буду, а найду ее».

И давай он в том месте, где девица та сидела, землю копать. День копает, два копает, а толку мало. Силы, вишь, у Айлыпа много, а инструменту — нож да шапка. Много ли им сделаешь!

«Надо, — думает, — заметку положить да домой сходить, лопату притащить».

Только подумал, а лисичка, которая его в те места завела, тут как тут. Сунулась носом в землю, старушонкой сухонькой поднялась, да и говорит:

— Эх ты, скороум, скороум! Ты золото добывать собрался али что?

— Нет, — отвечает, — невесту свою отыскать хочу.

— Невеста твоя, — говорит, — давным-давно на старом месте сидит, слезы точит да косу в речке мочит. А коса у нее стала двадцать сажен. Теперь и тебе не в силу будет ту косу поднять.

— Как же быть, тетушка? — спросил Айлып.

— Давно бы, — говорит, — так. Сперва спроси да узнай, потом за дело берись. А дело твое будет такое. Ступай ты домой, да и живи так, как до этого жил. Если в три года невесту свою Золотой Волос не забудешь, опять за тобой приду. Один побежишь искать — тогда вовсе ее больше не увидишь.

Не привык Айлып так-то ждать, ему бы схвату да сразу, а ничего не поделаешь — надо.

Пригорюнился и пошел домой.

Ох, только и потянулись эти три годочка! Весна придет, и той не рад — скорей бы она проходила.

Люди примечать стали: что-то подеялось с нашим Айлыпом, на себя не походит. Родня, та прямо приступает:

— Ты здоров ли?

Айлып ухватит человек пять подюжее на одну руку, поднимет кверху, покрутит, да и скажет:

— Еще про здоровье спроси — вон за ту горку всех побросаю!

Свою невесту Золотой Волос из головы не выпускает. Так и стоит она у него перед глазами.

Охота хоть сдалека поглядеть на нее, да наказ той старушонки помнит, не смеет.

Только вот когда третий год пошел, увидел Айлып девчонку одну. Молоденькая девчоночка, из себя чернявенькая и веселая, вот как птичка-синичка. Все бы ей подсказывать да хвостиком помахивать. Эта девчоночка мысли у Айлыпа и перешибла. Заподумывал он: «Все, дескать, люди в моих-то годах давным-давно семьями обзавелись, а я нашел невесту, да и ту из рук упустил. Хорошо, что никто об этой не знает: засмеяли бы! Не жениться ли мне на этой чернявенькой? Там-то еще выйдет либо нет, а тут калым заплатил — и бери жену. Отец с матерью рады будут ее отдать, да и она, по всему видать, плакать не станет».

Подумает так, потом опять свою невесту Золотой Волос вспомнит, только уж не по-старому. Не столь ее жалко, сколько обидно — из рук вырвали. Нельзя тому попускаться!

Как кончился третий год, увидел Айлып ту лисичку. Стрелу про нее не готовил, а пошел, куда та лисичка повела, только дорогу примечать стал: где лесину затешет, где на камне свою тамгу выбьет, где еще какой знак поставит. Пришли к той же речке. Сидит тут девица, а коса у нее вдвое больше стала. Подошел Айлып, поклонился:

— Здравствуй, невеста моя любезная Золотой Волос!

— Здравствуй, — отвечает, — Айлып! Не кручинься, что коса у меня больше стала. Она много полегчала. Видно, крепко обо мне помнил. Каждый день чуюла — легче да легче стает. Напоследок только заминка вышла. Не забывать ли стал? А то, может, кто другой помешал?

Спрашивает, а сама усмехается, вроде как знает. Айлыпу стыдно сперва сказать-то было, потом решился, начистоту все выложил — на девчонку-де чернявенькую заглядываться стал, жениться подумал.

Золотой Волос на это и говорит:

— Это хорошо, что ты по совести все сказал. Верю тебе. Пойдем поскорее. Может, удастся нам на этот раз туда убежать, где тятенькина сила не возьмет.

Вытащил Айлып косу из речки, намотал на себя, взял у няни-лисички ножницы, и пошли они лесом домой. Дорожка-то у Айлыпа меченая: ходко идут. До ночи шли. Как вовсе темно стало, Айлып и говорит:

— Давай полезем на дерево. Может, твоего отца сила не достанет нас с дерева-то.

— И то правда, — отвечает Золотой Волос.

Ну а как двоим на дерево залезать, коли они косою-то, как веревкой, связаны? Золотой Волос и говорит:

— Отстригнуть надо. Зря эту тягость на себе таскаем. Хватит, если до пят хоть оставить.

Ну Айлыпу жалко.

— Нет, — говорит, — лучше так сохранить. Волосы-то вишь какие мягкие да тонкие! Рукой погладить любо.

Вот размотал с себя Айлып косу. Полезла сперва на дерево Золотой Волос. Ну, женщина — непривычное дело: не может. Айлып ей так, сяк подсобляет — взлепилась-таки до сучков. Айлып за ней живехонько и косу ее всю с земли поднял.

— Тут и переждем до свету, — говорит Айлып, а сам давай свою невесту косою-то к сучкам припутывать — не свалилась бы, коли задремать случится. Привязал хорошо, да еще похвалился:

— Ай-ай, крепко! Теперь засни маленько, а я покараулю. Как свет, так и разбужу.

Золотой Волос, и верно, скорехонько уснула, да и сам Айлып за-подремывал. Такой, слышь-ко, сон навалился, никак отогнать не может. Глаза протрет, головой повертит, так, сяк поворочается — нет, не может тот сон одолеть. Так вот голову-то и клонит. Птица филин у самого дерева вьется, беспокойно кричит: фубу! фубу! — ровно упреждает: берегись, дескать.

Только Айлыпу хоть бы что — спит себе, похрапывает и сон видит, будто подъезжает он к своему кошу, а из коша его жена Золотой Волос навстречу выходит. И всех-то она краше да милее, а коса у ней так золотой змеей и бежит, будто живая.

В самую полночь вдруг сучья затрещали, загорелись. Айлыпа обожгло и на землю сбросило. Видел только, что из земли большое огненное кольцо засверкало, и невеста его Золотой Волос стала как облачко из мелких-мелких золотых искорок. Подлетели искорки к тому кольцу и потухли. Подбежал Айлып: никого, ничего, и потемки опять, хоть глаз выколи. Шарит руками по земле... Ну трава, да камешки, да сор лесной. В одном месте нашарил-таки конец косы. Сажени две, а то и больше. Повеселел маленько Айлып: «Памятку оставила и знак подала. Можно, видно, добиться, что не возьмет отцова сила ее косу».

Подумал так, а лисичка уж под ногами потявкивает.

Сунулась носом в землю, поднялась старушонкой сухонькой, да и говорит:

— Эх ты, Айлып скороумный! Тебе что надо: косу или невесту?

— Мне, — отвечает, — невесту мою надо с золотой косою на двадцать сажен.

— Оpozдал, — говорит старушонка, — коса теперь стала тридцать сажен.

— Это, — отвечает Айлып, — дело второе. Мне бы невесту мою любезную достать.

— Так бы и говорил! Вот тебе мой последний сказ. Ступай домой и жди три года. За тобой

больше не приду, сам дорогу ищи. Приходи, смотри, час в час, не раньше и не позже. Да поклоняйся еще дедку Филину, не прибавит ли тебе ума.

Сказала — и нет ее. Как светло стало, пошел Айлып домой, а сам думает: «Про какого это она филина сказывала? Мало ли их в лесу! Которому кланяться?»

Думал, думал, да и вспомнил. Как на дереве сидел, так вился один у самого носу и все кричал: фубу! фубу! — будто упреждал: берегись, дескать.

«Беспременно про этого говорила», — решил Айлып и воротился к тому месту. Просидел до вечера и давай кричать.

— Дедко Филин! Научи уму-разуму! Укажи дорогу.

Кричал-кричал, никто не отозвался. Только Айлып терпеливый стал. Еще день переждал — и опять кричит. И на этот раз никто не отозвался. Айлып третий день переждал. Вечером только крикнул:

— Дедко Филин!

А с дерева-то сейчас:

— Фубу! Тут я. Кому надо?

Рассказал Айлып про свою незадачу, просит пособить, коли можно, а Филин и говорит:

— Фубу! Трудно, сынок, трудно!

— Это, — отвечает Айлып, — не горе, что трудно. Сколь силы да терпенья хватит, все положу, только бы мне невесту мою добыть.

— Фубу! Дорогу скажу. Слушай...

И тут Филин рассказал по порядку:

— Полозу в здешних местах большая сила дана. Он тут всему золоту полный хозяин: у кого хочешь отберет. И может Полоз все место, где золото родится, в свое кольцо взять. Три дня на коне скачи, и то из этого кольца не уйдешь. Только есть все ж таки в наших краях одно место, где Полозова сила не берет. Ежели со сноровкой, так можно и с золотом от Полоза уйти. Ну, недешево это стоит, — обратного ходу не будет.

Айлып и давай просить:

— Сделай милость, покажи это место.

— Показать-то, — отвечает, — не смогу, потому глазами с тобой разошлись: днем я не вижу, а ночью тебе не углядеть, куда полечу.

— Как же, — спрашивает, — быть?

Дедко Филин тогда и говорит:

— Приметку надежную скажу. Побегай, погляди по озерам и увидишь — в одном посередке камень тычком стоит, вроде горки. С одной стороны сосны есть, а с трех голым-голо, как стены выложены. Вот это место и есть. Кто с золотом доберется до этого камня, тому ход откроется вниз, под озеро. Тут уж Полозу не взять.

Айлып перевел все это в голове и смекнул — на озеро Иткуль приходится. Обрадовался, кричит:

— Знаю это место!

Филин свое толмит:

— А ты побегай все-таки, погляди, чтоб оплошки не случилось.

— Ладно, — говорит, — погляжу.

А Филин напоследок еще добавил:

— Фубу! Про то не забудь: от Полоза уйдешь, обратного ходу не будет.

Поблагодарил Айлып дедку Филина и пошел домой. Вскорости нашел он то озеро с камнем в середине и сразу смекнул: «В день до этого места не добежать, беспременно надо конскую дорогу наладить».

Вот и принялся Айлып дорогу прорубать. Легкое ли дело — одному-то, да по густому лесу на сотню верст с лишком! Когда и вовсе из сил выбьется. Вытащит тогда косу — конец-то ему достался, — посмотрит, полюбуется, рукой погладит и ровно силы наберет, да опять за работу. Так у него три-то года незаметно и промелькнули, только-только успел все сготовить.

Час в час пришел Айлып за своей невестой. Вытащил ее косу из речки, намотал на себя, и побежали они бегом по лесу. Добежали до прорубленной дорожки, а там шесть лошадей приготовлено. Сел Айлып на коня, невесту свою посадил на другого, четверку на поводя взял, да и

припустили, сколько конской силы хватило. Притомится пара — на другую пересядут да опять гнать. А лисичка вперед. Так и стелет, так и стелет, коней задорит — не догнать-де. К вечеру успели-таки до озера добраться. Айлып сразу на челночок, да и перевез невесту свою с лисичкой к озерному камню. Только подплыли — в камне ход открылся; они туда, а в это время как раз и солнышко закатилось.

Ох что только тут, сказывают, было! Что только было!

Как солнышко село, Полоз все то озеро в три ряда огненными кольцами опоясал. По воде-то во все стороны золотые искры так и побежали. Дочь свою все ж таки вытащить не мог. Филин Полозу вредил. Сел на озерный камень, да и заладил одно:

— Фубу! Фубу! Фубу!

Прокричит этак три раза, огненные кольца и потускнеют маленько, вроде остывать станут. А как разгорятся снова да золотые искры шибко по воде побегут, Филин опять закричит.

Не одну ночь Полоз тут старался. Ну не мог. Сила не взяла.

С той поры на заплесках озера золото и появилось. И все, слышь-ко, чешуйкой да ниточкой, а жужелкой либо крупным самородком вовсе нет. Откуда ему тут, золоту, быть? Вот и сказывают, что из золотой косы Полозовой дочки натянуло. И много ведь золота. Потом, уж на моих памятях, сколько за эти заплески ссор было у башкир с каслинскими заводчиками!

А тот Айлып со своей женой Золотой Волос так под озером и остался. Луга у них там, табуны конские, овечьи. Одним словом, приволье.

И выходит иногда, сказывают, Золотой Волос на камень. Видали люди. На заре будто выйдет и сидит, а коса у ней золотой змеей по камню вьется. Красота будто! Ох и красота!

Ну я не видал. Не случилось. Лгать не стану.

Павел Бажов

СОЛНЕЧНАЯ ПИАЛА

В далекие времена это было... Раскалило Солнце землю, дождевые тучи к себе забрало. Выгорела степь, пересохли реки и озера. Собрались старики-аксакалы на совет. — Без воды гибнет степь, без степи гибнут отары овец и табуны коней. А Солнце высоко, на облачке сидит, наших слов не слышит, нашего горя не видит.

Вышел вперед егет-молодец:

— Простите за смелость, почтенные, но позвольте и мне, молодому, слово сказать. Много раз я в степи арканом ловил необъезженных кобылиц. Пусть сплетут мне из хвостов жеребят длинный аркан, поймаю я ту тучку, на которой Солнце сидит, все наши обиды выскажу.

Заарканил молодой егет тучку, что есть сил к себе тянет. Низко уже спустилась тучка, и видно: словно на пуховой перине спит-храпит на облачке Солнце. Видно, хороший сон видит — улыбается. Большой золотой самовар рядом стоит, остыл совсем. На подносе расписном золотая чашка-пиала стоит, полным-полнехонька. Кричал, кричал егет — не слышит Солнце, похрапывает во сне. Дернул егет аркан — закачалось облачко, упала с подноса золотая чаша. Дернул егет еще раз — упал на бок самовар, полилась вода на землю. Зазеленела степь. Ковыль седые волосы распустил, трава типчак в рост пошла. Даже перекасти-поле ожило. Тонконогие жеребята наперегонки с ветерком пустились. Тощие овцы на еду накинулись — жир нагуливают. Весело стало в степи! В третий раз дернул арканом молодой егет — утянул тучку со спящим Солнцем за вершину большой Зуртау-горы, привязал веревкой крепко-накрепко. С тех пор, говорят, Солнце всегда за вершину Зуртау-горы на ночь прячется, на пуховом облачке до утра отдыхает. С тех пор, говорят, солнечную чашу-пиалу, что на землю упала, озером Касарги называют, круглое-де, как чаша.

Юрий Подкорытов

ТАЙНА ОЗЕРА ИНЫШКО

Озеро Инышко на Южном Урале расположено в окружении восьми маленьких озер. И, странное дело, уровень воды в Инышке выше, чем в остальных. Хоть бы лежало оно на горе, а то плещется рядом со своими соседями, и вода в нем выше, чем в других озерах. Старожилы здешних мест рассказывают о загадочном озере Инышко удивительные предания. Вот одно из них.

Пришла на Урал весть: появился человек по имени Емельян по прозвищу Пугачев, который встал на защиту бедного подневольного люда. Заволновались крестьяне, работные люди с заводов. Люди, изголодавшиеся по счастью, по воле, стали уходить к Пугачеву.

Пугачев появился под стенами крепостей Южного Урала вскоре за вестью, которая бежала впереди него. Он сидел на сером коне в красном кафтане, в бобровой шапке с алым верхом. Вокруг шло войско, конные, пешие, на телегах — русские, башкиры, казаки, крестьяне, работные.

Его встречали по-разному. Коменданты крепостей заставляли пушкарей палить в него из пушек. Но он брал эти крепости, и население встречало его хлебом-солью.

Крепкую думу задал Пугачев уральским заводчикам. Решили они откупиться от него. Собрали золота две бочки и послали к нему навстречу со своим человеком.

— Великий государь, — сказал посланец, валяясь в ногах Пугачева и целуя землю. — Не вели нас казнить, вели миловать. Хозяева заводов уральских шлют тебе маленький подарок. Не гневись, прими его.

А Пугачев тогда стоял лагерем у озера Инышко. Было озеро в ту пору, как и все озера.

Отпустил Пугачев посланца-заводчика на все четыре стороны и сел на берегу озера. Долго сидел Емельян Пугачев у вод Инышки, потом встал, подошел к воде, кликнул к себе верного дружку Хлопушу.

— Вели катить на берег озера те две бочки золота.

Бочки скатили. Стоят его друзья вокруг, и не ведомо им, что задумал атаман. А Пугачев сказал:

— Не золото то, братцы, а слезы народные. Валите бочки в озеро.

И свалили золото — слезы народные в светлое озеро Инышко.

А назавтра Пугачев повел свое войско выручать работный народ на уральских заводах.

Только с той поры глубже стало озеро, поднялась в нем вода. Здешние люди пытались клад Пугачева достать. Вздумали они прорыть канаву и выпустить всю воду из Инышки, чтоб бочки те с золотом оголились. Однако нет на дне озера никакого золота. Растворилось оно в воде, потому что золото то из слез народных собрано было. Вот почему всех выше поднялось озеро Инышко.

Валентина Усольцева

У истоков сказочных рек МАТЬ РОДНИКОВЫХ ВОД

В давние времена в бескрайних степях, на берегу реки, несущей свои воды в далекие страны, жил старый Уразбай-хан. Сыновей у него не было, а была только дочь — Агидель. Набегали из диких степей на владения Уразбай-хана воины в звериных шкурах, уводили людей в рабство, отбирали коней и баранов. Приходилось браться за оружие. Стоял во главе войска хана храбрый егет. Прозвали его Урал-батыром. Давно уже объявил его Уразбай-хан своим наследником и женихом единственной дочери.

Но сосед — владелец гор Кансыз-хан — все время посылал своих гонцов и требовал отдать Агидель ему в жены. И каждый раз получал отказ.

Затаил Кансыз-хан обиду. Послал своих воинов с приказом запрудить горные реки: пусть превратится в пустыню земля Уразбай-хана, пусть от жажды погибнет весь скот, пусть погибнут все люди.

Удобное время выбрал Кансыз-хан: отряды Урал-батыра отбивали нападение войска грозного Кара-кула.

Хитрые приближенные стали уговаривать Уразбай-хана:

— Отдай, великий хан, свою дочь. Войско Кансыз-хана велико, стрелы их бьют без промаха. Видом они страшны и свирепы. Одежды из волчьих шкур пугают коней. Согласись, мудрейший, — только так ты спасешь свой народ, и себя, и нас, твоих вернейших слуг.

— Дочь моя Агидель — невеста Урал-батыра. Я все сказал!

Хитрые приближенные обманули Уразбай-хана, посадили его в темницу, отдали Агидель гонцам Кансыз-хана и сказали:

— Передайте своему повелителю: мы покорны его воле. Да будет так!

Вернулся из похода Урал-батыр. Освободил из темницы Уразбай-хана, наказал неверных прислужников и с маленьким отрядом бросился в погоню. В горном тесном ущелье напали на отряд воины в волчьих шкурах. Перебили всех храбрых джигитов, а раненого Урал-батыра посчитали мертвым.

Лежит Урал-батыр день. Лежит другой, лежит третий. Пожалел его добрый Иргаил-карлик, послал струю живительного воздуха. Открыл глаза Урал-батыр, поднялся на ноги и пошел в горы. Видит — пещера перед ним. Камни самоцветные горят, горный хрусталь переливается огнями, золотые жилки по потолку бегут, пол узорами малахита украшен. На горке бархатных аметистов золотой лук лежит. Рядом — колчан, стрелы в нем с огненными наконечниками. Слышит Урал-батыр голос:

— Помоги, храбрый егет. Я — Мать Родниковых Вод. Заточил меня в подземелье Кансыз-хан, заковал ледяным зеркалом. Возьми колчан с огненными стрелами, возьми лук золотой. Поднимись на Зуртау, выпусти стрелу в ледяное зеркало.

Поднялся Урал-батыр на вершину горы Зуртау, выпустил огненную стрелу. Разбилось с грохотом ледяное зеркало, гром прокатился по горам, высоко взметнулись водяные столбы.

Затопила вода горные долины, побежали воины в волчьих шкурах в разные стороны, Кансыз-хана водоворотом закружило. Уже по пояс вода Урал-батыру, а он все стоит и пускает огненные стрелы.

Так погибли Урал-батыр, красавица Агидель и злой Кансыз-хан.

Побежали из горного озера реки в разные стороны: на юг — Урал, на запад — Агидель, третья река побежала на север — в океан. Называют ее Миасс, Мияс-су. Мать Родниковых Вод.

Юрий Подкорытов

СЕЛЯМБАЙ И ЕГО БРАТЯ

Говорят, в давние предавние времена на месте нашего края совсем пустынно было — ковыль седой да полынь пахучая. Только ветер с волками наперегонки бегал да песни завывал.

В местах этих жил человек один, Таганаем его звали. Трех сыновей имел. Ишимбай, Сарбай и Селямбай — так их звали.

А было у старика Таганаея богатства видимо-невидимо. Камешки дорогие, денежки золотые, медные да серебряные — сундуки полнехонькие в потаенном месте запрятаны. Но больше всего дорожил Таганаей саблей своей. Не простая была сабля — из металла волшебного, булата. Ах и сабля! То молнией сверкнет, то птицей взлетит, то голубым огнем вспыхнет.

Взмахнет Таганаей саблей — ковыль голову седую к земле клонит, у недоброго человека душа от страха захолонет. И еще говорили: будто кто булат имеет — секретом долгой жизни владеет.

Вот и позавидовал этому леший Шурале. Жил он около поганого болотца, добрых людей в трясину заводил, слушал комариное пение, до которого охотником великим был, да все прикидывал, как бы Таганаевым булатом завладеть.

Думал, думал и придумал: старший сын Таганаея жадноват, спит и видит добро отцовское за собой.

Вот и подговорил его Шурале:

— Старый стал ваш отец. Зачем ему такие сокровища? Поделите с братьями поровну. Я вам место покажу, где сундуки Таганаевы схоронены, а вы мне сабельку его отдадите.

Ишимбай согласился. Украл у отца саблю булатную, отдал Шурале.

Пошли за богатством. А Сарбай за ними следит.
Открыл Ишимбай сундук отцовский — глаза разбежались.
Ишимбай горстями гребет, халат скинул, камешки дорогие да монеты в узел насыпает.
Тут и Сарбай подскочил:
— Мне половину! — кричит. Тоже узлы вяжет. Железки разные и те прихватил.
Шурале радуется: сыновей с отцом поссорил.
Да радость не долгой была. Таганай как раз с охоты возвращался, сердцем чует — неладно.
Огрел коня нагайкой, налетел степным беркутом на Шурале. Леший от страха в болотце свое — бултых! Таганай погнался за сыновьями, наказать решил.
А Ишимбаю с узлами бежать трудно, пот градом льет, камешки дорогие нет-нет, да и выпадут.
Где изумруд падет — лес зеленый поднимается, где бирюза — озеро голубое засверкает.
Слышит Ишимбай горячий топот коня отцовского. Куда деваться? Побросал узлы — на том месте горы выросли. А Ишимбай от стыда сквозь землю провалился. Рассказывают люди — по сей день находят в земле черную кровь Ишимбаеву. Нефтью зовут.
А Сарбай тоже жадности непомерной был. Бежит, задыхается, а добро из рук не выпускает.
Известно, глупость да жадность — сестры родные. Так в степях зауральских и дух испустил.
Взмахнул Таганай булатом, голубым огнем вспыхнула сабля и пропала. От обиды на неблагодарных сыновей окаменел Таганай, в гору превратился. Да такую высокую, что по ночам луна у него на каменном плече отдыхает. Так и говорят все: Таганай — подставка луны.
А младший, Селямбай?
Остался Селямбай один-одинешенек. Пошел он, куда глаза глядят. День шел, ночь шел.
Остановился на берегу глубокой реки Миасс. Жилье себе построил, стал зверя бить, хлеб растить.
Место это бойким оказалось. Хозяин, Селямбай, приветлив. Потянулись к нему люди.
Старики говорят: оттого, мол, это место Селябой прозвали, Челябой. А кто и по-своему рассказывает...

Юрий Подкорытов

АГИДЕЛЬ

В седую старину родилась эта сказка. И была она столь древней, что мало кто помнит ее. А сказка эта о девушке смелой и очень отважной, красавице Агидели.

В те времена, когда жила Агидель, не шумели на каменных перекатах среди глыб и утесов воды рек Белой и Юрюзани. Одни лишь горные шумели родники, да могучие хребты из века в век хранили суровое молчание. Не вилась в дремучих лесах тропа, проторенная человеком, а на широкой елани не вился дымок костра. Только по утрам в лесах вместе с зарей просыпались птицы, да спали под коврами трав и цветов степи. И так шло веками...

Говорят, что время не остановить, как бы ни хотелось этого человеку. Бег же времени все обновляет в жизни: на смену лету приходит осень, вечерняя заря уступает место ночи. Всему своя пора.

Пришла своя пора и для Камня-гор. Так раньше назывался наш Урал. Откуда-то издалека пришли люди. Не по одному человеку шли они, а будто где-то разлилось большое человеческое море и одна волна докатилась до Каменных гор — до Урала. Кипела и бурлила эта волна, заполняя все на своем пути...

Откуда были эти люди, не поведали нам деды. Да разве возможно добраться до истоков этой сказочной волны из людских потоков, коли не осталось от них ни седых курганов, ни каменных надгробных плит, ни золотых колец и ожерелий самой тончайшей работы, какие находят люди в более поздних кладах. Только мечи и стрелы, медные наконечники для копий и горшки из глины и меди находят здесь, в этих местах, люди.

Нелегко узнать и о том, когда и где родилась сказка об Агидели. Кто помог ей покорить зной, посланный из пустыни чудищем — драконом, и на века в каждом камне Урала сохранить память о себе? Давайте лучше вспомним эту сказку, может быть, узнаем больше.

Будто в большой горной стране Сыростана, что лежала в самом сердце Камня-гор, жил когда-то, давным-давно, старик Иремель. Жил он долго. Голова его покрылась сединой, под бременем прожитых лет и забот согнулась его спина, а некогда ботатырская сила покинула старика. Только в глазах еще горело пламя могучей силы и такой человеческой воли, которая может опрокинуть горы, остановить грозу и разогнать тучи. Вселить в людей храбрость и отвагу, покорить непокоренных. И любить, любить жизнь, как может любить ее молодой джигит...

И любил старик Иремель свои горы, а за ними — бескрайние просторы, их загадочную, уходящую к небу степь. Любил он озера с их бездонной глубиной, тишину лесов и шум родниковой воды. Пил старик эту воду, прозрачную, чистую, как девичья слеза... Но больше всего на свете любил он свою дочь Агидель. Она была для него дороже всего на свете, самым дорогим родником, глядя на который он черпал свои силы. Она ведь была продолжением его рода, его народа.

Мать Агидели умерла давно, и отец один растил свою дочь. Он научил ее храбрости, она росла по силе равной отважному джигиту, по уму не уступающей древним мудрецам. Он научил ее любить родные горы больше, чем свою жизнь...

Недаром, когда состязались конники-джигиты в езде на конях или в беге, Агидель всегда была первой. Когда же собирались аксакалы-мудрецы, Агидель не раз помогала им прийти к мудрому решению и положить конец их спорам.

Одетая зимой в тулупчик из горностаевых шкурок, в шаровары из шерсти, спряденной умелой ее рукой, и в шапку, отороченную золотистой лисой, Агидель была на диво хороша собой. Оттого все люди любовались нежностью ее лица, подобного горному цветку, что растет и ныне в горах Урала. Ее улыбка, светлая и добрая, была подобна утренней заре, а в глазах ее будто-бы всегда мерцала капелька росы...

Сердце Агидели не познало еще радости любви, хотя многие джигиты, не задумываясь, отдали бы жизнь за ее улыбку и любовь.

Вместе с другими девушками она трудилась. Летом работала в поле, пасла скот, доила кобылиц. А какой кумыс получался у нее! Выпьешь пиалу — и голову закружит, ароматом трав обдаст. Забьется сердце радостней у человека, и кровь по жилам побежит быстрее. Зимой же она пряла, ткала шерсть, шила из медвежьих шкур одежду для джигитов, расшивая ее разноцветными узорами. Одним словом, не любила Агидель сидеть без дела, трудилась, как и все остальные.

А как, говорят, она пела! Все старики и старухи, не только девушки и парни, приходили слушать, как она поет. В ту пору люди пели после работы, когда на землю приходила ночь и все кругом засыпало. Спали и горы. Даже вершины сосен и елей не качались. Не пробежал и бурундук, на елях не плакали совы.

Вот и говорится в сказке, что хоть и есть на свете много-много гор, но такой тишины, какая бывает только на Урале — в горах, никогда и нигде не услышишь. Послушайте сами. Постоите ночью на одной из гор или заберитесь на какой-нибудь шихан — почувствуете сами, как вокруг вас разливается тишина. Ни единого шороха, ни звука не услышишь. И все это будто потому, что, когда пела Агидель, замирали горы, слушая ее...

Так и жила она, как все другие девушки ее племени. Но вдруг замолкли песни Агидели, перестала она петь оттого, что не до песен стало людям. Примечали люди, что с каждым годом на горах становилось все жарче. Придет весна — и сразу весь снег будто жара слижет. Словно большое-большое чудище откуда-то дышало огромной пастью, из которой шел огонь и раскаленные ветры. От зноя изнемогали степь и горы. Три лета подряд стояла жара над хребтами. Пересохли все родники, ушла под землю вода. Начали гореть леса. В полях даже полынь пропала. Молили аллаха люди, чтобы смилостивился он над народом и послал дожди, но и он — этот сказочный кумир — был бессилен перед природой.

Говорили кто чего хотел. Одни уверяли, что это дракон — Дея — появился в пустыне. Он и напускает жар на горы, желая завладеть хребтами. Другие уверяли, что это козни аллаха и шайтана. Чего-то не поладили они между собой, а люди из-за этого страдают. В гневе страшны оба и коварны, жестоки. Ничего и никого они не щадят. Вздумают — цветущие города засыплют песками, и следа городов не найдешь. Выпьют всю воду в реках, заметут следы дорог. Погубят караваны верблюдов вместе с путниками, все живое уничтожат...

И собрались тогда мудрейшие аксакалы решать, как быть.

Долго-долго советовались мудрецы, как спасти людей и скот, как отвести беды от народа, преградить дорогу дракону и его знойным ветрам, вырвать из его пасти воду, а за одним и шайтана с аллахом уничтожить. Говорили старики-аксакалы. Печально стоял народ, поникнув головами. Казалось, не было дороги к спасению от жары.

И вдруг с кошмы поднялась древняя старуха. Она вместе с другими слушала мудрецов.

Сухая, как палка, воткнутая в землю много-много лет назад, старуха едва держалась на ногах. Ее кожа на лице сморщилась, как корочка на паренке, только что вынутой из печки, а почти мертвые глаза ее говорили: «Чужой век я уж захватила».

И вот старуха заговорила, шамкая губами. Долго и терпеливо слушали мудрецы и народ, пока она говорила. А когда она беззубым ртом прошептала, что спасти народ может только тот, у кого есть крылья, — не поняли ее люди и даже мудрецы. Хотя знали, что старость редко ошибается и она мудра.

И верно: чем дальше старуха говорила, тем больше открывалось перед народом тайн гор и седых преданий. Самая же большая тайна, открытая старухой в тот страшный день и год для народа, была тайна о копье из хрусталя. Ежели кто его найдет (а оно скрыто в глубине горных кражей), то этим копьём можно пронзить любой камень, скалу и целые хребты.

— И потечет тогда из расщелин гор хрустальная живая вода, — шамкала старуха. — Только живая вода может спасти людей и землю от засухи и смерти. Смерть же несет дракон. Погибнуть он может только от живой воды. Сгинет он — и тогда все снова зацветет. Но может сделать такое только тот, кто смел, как редкостная птица — большой орлан, мудрый, как все мудрецы нашей земли, чистый душой, как только что родившееся дитя. — Так сказала напоследок древняя старуха. Сказала и умолкла навсегда, отдав тайну людям для спасения народа и родной земли...

Замолкла старуха, а люди, не сговариваясь, поглядели на Агидель. Каждый сердцем понял, что это может сделать только она — Агидель. Поняла и она слова старухи. К тому же единый взгляд народа — большой знак, и не каждый бывает им отмечен.

Молча она поклонилась народу и отцу за то, что пал выбор на нее спасти людей от смерти и горя. Недолго мешкала она. Стала собираться в путь. Не привыкать ей было сесть на коня и скакать по нехоженным тропам, встречаться со зверем лютым и всяких чудищ увидеть.

И когда наступила ночь, хотя не стало от этого прохладней и ночное небо не потушило далеких

огненных зарниц и туманов, ползущих по горам и пологом висевших над землей, собрались люди проводить Агидель. А она уж коня за поводок держала. Обняв отца и поклонившись людям, она надела убор воина, посылаемого на ратный подвиг, на трудные дела, села на коня и помчалась в ночь, навстречу... кому — и сама не знала. Вослед ей кричали люди:

— Агидель! Агидель!

Немало сменилось дней и ночей, пока девушка не наткнулась на след хрусталя. Много ей довелось встретить диких зверей и страшных чудищ по дороге. Но, говорят, что сердце, отданное на подвиг, не боится самых злых зверей и самых жутких страшилищ.

Маленький бурундучок, а силен тем, что знает, как в любую норку можно убежать. Вот и помог бурундук Агидели, показав ей дорогу к хрусталю. Бурундук юркнул в расщелину скалы. Агидель, привязав коня к кедру, кинулась за зверьком, поняв, что не просто зверушка крутилась возле нее.

Протиснулась Агидель в расщелину горы и вдруг на большой поляне очутилась. А поляна вся была окружена горами, и не простыми, а были они все из хрусталя. Зажмурилась поначалу Агидель, оттого что горы разными огнями отливали... Была тут и черная хрустальная гора, и красная, и желтая, но больше всего сияла гора из белого прозрачного хрусталя. На траве у самой горы лежало хрустальное копьё, а рядом стояло такое чудище, что Агидель в страхе попятилась назад.

Но в это время, откуда ни возьмись, появился огромный красавец лось. Он кинулся на чудище и, подняв его на рога, швырнул в пропасть.

Подняла Агидель хрустальное копьё и увидела, как на том месте, где оно лежало, забил родник... И такая была в нем чистая вода, что ее можно было принять за капельки ожившего хрусталя...

Взяла девушка копьё, напилась живой воды и опять села на коня. И снова в путь пустилась,

назад, к людям. Хрустальное копьё она держала острием вперед, и перед ним, как старуха и говорила, рушились горы, раздвигались скалы...

Опять она немало дней и ночей мчалась в горах и один раз вдруг за спиной услышала плеск воды. В радости она оглянулась и остановилась: за ней, как самая чистая роса, вода бежала. Она пробивалась за Агиделью сквозь горы, то бурля на перекатах, то, успокоившись, бежала тихо-тихо, то, споря с камнями, весело шумела.

Радостно встретили люди Агидель. Новую реку ее именем светлым назвали. И на горе, что Подставкой луны, или Таганаем, зовется, семь древних мудрецов, одетых в белые одежды, подали Агидели самую большую награду их племени — редкостной и смелой птицы крыло, большого орлана... Гору же, на которой Агидель с отцом жила, и по сей день называют в память об ее отце — Иремелью...

Серафима Власова

КАК ПОССОРИЛИСЬ ТЕСЬМА С КИОЛИМОЙ

Около самого хребта, на плоскогорье, раскинулось большое болото. Из него вытекают две маленькие речки — Тесьма и Киолима. Выйдя из одного болота, они, как поссорившиеся, текут в разные стороны. Недаром сложена о них такая легенда.

В далекие времена, когда на Урале звери редко видели человека, когда на сотни верст вокруг не было никаких поселений, на этой горе жили две речки-сестры — Киолима и Тесьма.

Жили они дружно, текли рядом и никогда не ссорились. В ясную погоду улыбались, отражая в себе яркие прибрежные цветы и голубое небо. Играли с каменными россыпями, с разбегу бросались на скалы, падали с них стремительно вниз, сверкая брызгами на солнце.

Иногда приходил сюда высокий, стройный лось — смелый и красивый вожак.

Он приводил сюда на водопой свое стадо, и здесь оно отдыхало. Вожак купался в воде речек-сестер.

Но вот полюбила Тесьма красавца лося сильной любовью. И сказала она лосю:

— Люби меня одну. Не ходи к Киолиме — вода моя мягче и вкуснее. Берега мои красивее. Когда тебе придет время вести стадо на север, я скроюсь под землю, и ты проведешь стадо, не замочив копыт.

Увлекла его Тесьма жаркими словами. Показалось вожаку, что и в самом деле Киолима — плохая речка, и перестал он водить свое стадо на ее берега.

Заскучала Киолима.

Когда уводил вожак свое стадо на север, Тесьма бросилась под землю и обнажила свое русло, и все лоси прошли, не замочив копыт, и скрылись в лесу.

Когда ушли лоси, Тесьма решила снова вернуться на белый свет, в свое русло.

Но не тут-то было. Киолима завалила выход огромной скалой. Испугалась Тесьма, заплакала, куда ни кинется — нигде ходу нет. Попала она навеки в сырую и темную подземную тюрьму.

Стала Тесьма у сестры пощады просить. Год плакала, наконец, разжалобила сестру. Выпустила та ее на белый свет, но через глиняный грунт, за пять верст от своих берегов.

Вышла Тесьма на волю и не радуется: испортила Киолима, сестра-соперница, ее красоту. Берега у нее стали вязкие, болотистые, а воды ее — желтые, грязные. Разгневалась она и повернула в другую сторону от сестры.

На другой год снова привел вожак свое стадо.

Поглядел он на Тесьму, сразу разлюбил ее и повел лосей прочь. Звала, приглашала к себе Киолима — но не пошел лось и к Киолиме.

Гордо шел он на восток, не оборачивая головы назад.

С тех пор Киолима и Тесьма стали врагами и текут в разные стороны: первая по одному склону, вторая по другому склону Таганая.

Так в поэтической форме объясняет легенда водораздел в этой горной точке Уральского хребта.

Пути этих речек таковы:

Тесьма впадает около Златоуста в Ай, Ай — в Уфимку, Уфимка — в Белую, Белая — в Каму, Кама — в Волгу, Волга — в Каспийское море.

Брось в Тесьму кедровую шишку, и, если она по пути нигде не застрянет, уральские воды унесут ее в далекое Каспийское море, в незнакомые, теплые края.

А Киолима убегает от сестры на север, впадает в Миасс. Миасс — в Исеть, Исеть — в Тобол, Тобол — в Иртыш, Иртыш — в Обь, а Обь несет свои холодные воды в Ледовитый океан.

И может быть, и сейчас упавшая в воды Киолимы другая кедровая шишка вмерзла в льдину и плавает в холодных северных просторах.

Так разошлись пути двух горных речек.

Николай Куштурм

АНИСКИН РОДНИК

Вот и ночь наступила. Тишина-то какая! Даже собаки во дворах перестали лаять. По всей улице ни огонька: за день люди наработались в поле, теперь спят. Под угором озеро плещется. Послушай, как песок шуршит... Вот набежала волна, умыла берег теплой водой и скатилась обратно, в глубь.

А может, это озеро сквозь дрему сказку рассказывает?

Эвон та-ам, на краю деревни, жил когда-то кузнец Егур. Место, где кузня стояла, уже давно быльем поросло, а худая молва о Егуре еще жива.

Егур был нездешний. То ли из лесу пришел, то ли с каменных гор к нам свалился. Один раз утром смотрят мужики, а на угоре кузня стоит. Стены у кузни саманные, крыша деревом крыта, у дверей — чурбак с наковальней и станок, в коем коней куют. А еще больше диву дались, как увидели кузнеца. Ноги-то у него короткие да кривые, в дугу гнутые, зато руки чуть-чуть не до пят. Эткими ручищами можно любого быка свалить. Ну и лицом кузнец-то не шибко хорош: коли приснится, страху натерпишься! Мохнатый, черномазый, вроде весь век неумытый, нечесаный, небритый, нестриженный.

И еще заметили мужики, вроде не по-людски работа у него в кузне идет. Подмастерья нет, никто кузнечные меха не качает, а в горне огонь горит высоко и жарко. Накаленное железо кузнец берет не клещами, а голой рукой. Возьмет из горна, кинет на наковальню и начнет по нему молотками бить: в левой руке — малый молоток, в правой руке — кувалда. Малый молоток так и прыгает, играет, показывает: тук-тук! тук-тук-тук! Дескать, вот тут бей полегче, а тут посильнее! А кувалда следом за ним: бу-ух! бу-ух!

Раза два-три ударит — и поковка готова.

Посудачили мужики между собой: кузня-то для деревни была во-о-о как нужна! Много по хозяйству встречалось нужды: то коня подковать, то лемеха к плугу поправить, то чеку к телеге изладить. Всей нужды, небось, не перечтешь! Так что это хорошо, коли кузнец появился. Теперь за всякой нуждишкой в другую деревню ездить не станут.

Но хорошо, да не очень. Кто он такой, этот кузнец-то? И как случилось, что еще прошлым вечером на угоре лишь крапива росла, а утром вдруг кузня откуда-то взялась?

Наверно, не меньше недели прошло, пока мужики к кузнецу попривыкли и начали в кузню заходить. Тем временем кузнец дом с двумя горницами рядом с кузней поставил, обнес его заборами, притонами, амбарами, и опять-таки никто не видал, кто ему помогал. Камень с гор не возил, сруба из бревен не рубил, а будто этакое богатство взял да из кармана вынул.

Потом, немного погодя, стало в деревне беспокойно. Поедет иной мужик в поле на телеге, а обратно пешком идет: ободья на колесах стали ломаться. Вроде едет не круто, вдруг обод с колес слетает, вот тебе и тпру-у-у, дальше на голых-то ступицах не двинешься. И кони стали прихрамывать. Посмотришь коню под копыто, а там гвоздь. На колодцах ведра с цепей стали обрываться. Придет баба за водой, опустит ведро в колодец, там ему и конец.

Собрались мужики, пошумели между собой и решили к Егуру идти. Дескать, ты, наверно, балуешь. До тебя тут было тихо, а как ты объявился, так и пошло все шиворот-навыворот.

Егур послушал их, да и говорит:

— Девку Аниску за меня замуж отдайте! Не то всю деревню разорю.

Аниска была мирская дочь, без матери, без отца. Ее родители где-то в заводе работали, бунт там подняли, так их царские власти в самую далекую Сибирь упекли. Кто-то из родни привез Аниску в деревню, тут она и прижилась. Выровнялась, выправилась да расцвела — лучше некуда. Ну как глянет, бывало, будто огнем опалит. А начнет плясать, так по всей избе каблуками словно серебряные рубли кладет. Да и проворная же была: шить и прясть, ткать, вышивать, кружева плести, сено косить, хлеба убирать. Никто за ней угнаться не мог.

Почесали мужики в затылках. Не дурак, стало быть, Егур-то, ежели такую девку потребовал. Вот взять бы да всю его кузню по камню раскидать, двор разорить, с ровным полем сровнять. А ну-ка, вдруг беды наживешь? Но и Аниску отдать нельзя. Еще зимой просватана она за своего деревенского парня, за Петрована Антипина. Парень хоть и не удалой, далеко в деревне не первый, а вот поди-ко приглянулся Аниске, выпала ему доля, поймал звездочку с неба. У них на осень, после молотбы, уже и свадьба была назначена.

Отказали Егуру. Сердись-де не сердись, но по твоей воле сделать не можем.

Егур опять начал донимать: то ветер на гумны напустит, скирды раскидает, то озеро взбаламутит, все сети порвет, рыбу в камыши загонит. Мужики не вытерпели, взялись за колья, окружили кузню: терпеть беду, так уж, на крайний случай, одну!

А Егур снял с горна огонь и навстречу им бросил.

Загорелась трава, по всему угору палы поползли — того и гляди деревня сгорит.

Побросали мужики колья, отступились.

— Ладно, бери Аниску, коли она согласится.

Пожалела Аниска мужиков, спорить не стала. Только сказала Егуру:

— Сначала попробуй вот эту нитку порви, а потом ко мне сватов засылай.

Подала ему нитку, изо льна пряденную, тонко крученную. Не сильно велика в такой нитке крепость, любой парнишка без натуги порвет, не то что Егур, у которого в ручищах железо гнется.

Намотал Егур нитку на кулаки, рванул, а она, как струна, зазвенела. Он и так и этак пробовал рвать — нет, не рвется нитка, не берет ее окаянная сила.

Мужики сначала посмеялись, а под конец сами удивились:

— Это что же такое?

— Никакого тут чуда нет, — сказала Аниска. — Посчитайте-ко, сколько рук людских потрудилось, пока нитка к Егуру попала: кто-то пашню пахал, кто-то боронил, кто-то сеял лен, кто-то полол полосу от сорной травы, кто-то лен рвал да на поляну стелил, мочил и сушил, кто-то этот лен на мялке мял, кто-то куделю трепал, от кострики чесал, кто-то пряд его и кто-то сучил. Так разве один Егур столько рук одолеет?

Бросил Егур нитку на землю, начал на девку кричать:

— Ты мне за это ответишь! Перейдешь ко мне во двор жить, так ни дня, ни ночи не будешь знать.

Но Аниска опять за свое:

— Ты раньше времени не пугай. Если силой не крепок, то, может, умом хитер. Вот попробуй, развяжи узелок. Коли развяжешь, бери замуж, а не сможешь — убирайся из деревни туда, откуда пришел.

После этого взяла она своего дружка Петрована за руку да и привязала себя к нему шелковой ленточкой, закрепила узелком.

Узелок-то совсем простой, потяни за концы, он и распустится. Мужики ахнули: чего же это она, Аниска-то, в своем ли разуме? И Петрован за нее испугался. Но Аниска повела бровью на парня — не мешай-де, одна справлюсь.

Егур, видно, тоже подумал, что задача невелика. Ухмыльнулся в бороду, взялся за узелок. Туда-сюда потянул, сначала легонько, потом пуще, наконец, напрягся — аж плечи хрустнули. Не поддается! Тогда он озлился, как пес оскалился и давай зубами грызть. А узелок каким был, таким и остался. Притащил Егур из кузни топор, со всего размаху рубанул. И второй, и третий раз рубил Егур, все лезвие зазубрил, до седьмого поту старался, понял, что никогда не одолеть ему эту

маленькую, вроде нехитрую, неприметную штуку — узелок! Коли уж связала им себя девушка, то никто его не развяжет, не разрубит, огнем не спалит, водой не разольет!

Кинул Егур топор, и тотчас же угор опустел: ни кузни, ни дома, ни амбаров не стало. Оглянулись мужики — и Егур исчез.

Похвалили они Аниску за то, что себя в обиду не дала, и решили на той же неделе свадьбу сыграть. Сразу и сваты нашлись, и дружки, и посаженные, и шаферы, и кому с глухим возом ехать, и кому молодых на тройке катать. Бабы тоже мешкать не стали: квашни со сдобным тестом замесили, брагу на сладком сусле завели, пельменей тройных, с луком, с перцем, наделали. Уж коли справлять свадьбу, так чтобы надолго запомнилась!

Ну, окрутили молодых, отгуляли, сколько положено, и опять за свое мужицкое дело принялись. Начали Егура забывать.

Но Егур им не простил.

Сколько-то времени погода стали мужики замечать: вроде озеро от берегов отступает. Сначала озерца, где бабы белье полощут, обсохли. Потом валуны, что лежали под водой, оголились. А эвон с того, заозерного берега камыши от безводья совсем пожелтели. И шумят, бывало, шумят, как осока болотная на осеннем ветру. Утки дикие, гуси и журавли с гнездовий снялись: негде кормиться стало. А озеро чем дальше, тем больше мелеет. К концу лета совсем высохло. Выйдешь на угор, глянешь: лежит до самой заозерной стороны неживая равнина, вся как корка сухая, в трещинах и коростах. Мужики, чтобы путь скоротать, стали в заозерную сторону, на поля, напрямиком через озеро ездить.

Да и лето стояло жаркое, не в пример прежним годам. На небе ни одного облачка, чтобы хоть от солнышка ненадолго укрыться. На землю, как на сковородку горячую, голой пяткой не ступить. Травы на полях пожухли, и хлеба прежде времени на колос пошли. Им бы еще расти да зеленеть, а они безвлаги-то захирели.

Затужили в деревне мужики. Собрались на сборне, давай судить-рядить. Тут выискался один старик, Дормидонт Тюрик, и сказал, будто озеро не высохло, а Егур его под землю спустил. Мужики, было, не поверили Дормидонту: дескать, знаем мы тебя, приврать ты горазд, не мели-ка зря языком. Но старик повел их всех на заозерную сторону и велел землю слушать. Приложился один мужик к земле и говорит:

— Правду бает Дормидонт! Гудет там что-то, наверно, озеро шумит.

И только он это вымолвил, как из камышей Егур выбежал, загыкал, загоготал. Потом вдруг там, где Егур-то стоял, ударила вода, столбом до неба поднялась, взыграла на солнышке радугой. Не успели мужики глаза протереть, как вот уж опять перед ними одно лишь голое озерное дно, сухие камыши.

Ну после того отрядили они самых крепких парней, наказали от края до края камыши обшарить. Не найдется ли, дескать, то место, где Егур воду под землю спустил? Запаслись парни топорами, лопатами, на неделю хлеба набрали, в берестяные туески сметаны налили да и отправились. Долго их не было. Но как припасы-то кончились и натошак лазать по камышам стало неумоготу, ни с чем вернулись.

Тогда Аниска сказала Петровану:

— Пойди-ка теперича ты, послужи народу. Люди для нас с тобой много добра сделали. Да ведь и Егур-то лютует, небось, потому, что я ему в руки не далась.

А Петровану при такой-то жене уж шибко сподручно и хорошо дома жилось, идти куда-то в лес, в камыши стало неохота. Он и начал вилять: то вроде ему недосуг, то в пояснице что-то стреляет. Все-таки Аниска собрала его в путь-дорогу, положила в котомку пшеничный калач и вытолкала за ворота. За добро и платят добром, а не льком.

Выбрался Петрован за поскотину, приглядел местечко под черемуховым кустом и выпался за троих. Побоялся далеко в камыши и в леса забираться. Все равно ищи не ищи, а куда Егур озеро спрятал, никак не сыщешь.

Только, слышь, Аниска-то не из тех была, коих можно вокруг пальца обвести. Не успел Петрован порог в своей избе переступить, как Аниска разгадала, где он два дня время проводил. Сдвинула брови, посуровела, слушать его не стала, а собрала свои пожитки и со двора долой.

— Живи, как хочешь! Пойду сама с Егуром управлюсь!

Уж вечерело, когда остановилась она отдохнуть. Внизу под угором лежало черное озерное дно,

как сковородка на жару прокаленная, а справа — урочище: чернотал да сухие кочки! Чуть этак поодаль, возле чернотала, береза сухостойная, без единого листочка. Как-то в грозу ударила в нее молния, сломила вершину, и с тех пор береза оскудела, стала мохом и трутом обрастать, трухлявиться да дуплиться. В иное время Аниска прошла бы мимо, потому что гиблых деревьев в лесах полно, но тут вроде поблазило ей: шевелится кто-то в дупле! Потом оттуда, из дупла-то, уставилась на нее мохнатая рожа. Егур! Видно, учуял, как Аниска по угору ходит, так и вылез посмотреть. Обрадовался:

— Гы! Гы! Вот теперича я с тобой посчитаюсь. Заставлю тебя по урочищу поплясать, голыми коленками по кочкам поползать да своей кровушкой комаров покормить.

У Аниски по коже-то мороз пробежал, а все ж таки она виду не показала.

— Может, и попляшу, — говорит, — но пока не об этом речь. Скажи прежде, куда ты озеро спрятал?

Егур опять загыгыкал:

— Где стоишь — там оно, под тобой, на десять замков закрыто. Туда, к озеру-то, через это дупло попадешь, а оттуда не выйдешь. Никто замки не откроет.

Пока Егур грозился да хвастался, Аниска косу свою обрезала, свила из нее веревку, а потом ухватила Егура за бороду, выдернула его из дупла, оседлала и спутала веревкой-то по рукам и ногам, как старого мерина.

— Вот, — говорит, — сам сначала по урочищу попрыгай да не вздумай к нам в деревню вертаться, не то привяжу в огороде к пряслу — ворон пугать!

Потом Аниска время терять не стала. По дуплу-то спустилась под землю, мало-помалу притерпелась к темноте и заметила: впереди вроде огоньки горят. То вспыхнут, то погаснут. На поверку оказалось, вовсе это не огоньки, а камни всякие, самоцветы. Еще дальше, в расщелинах, вода шумит, мечется, пенится, а прорваться наружу не может: расщелины замками закрыты накрепко. Каждый замок сделан на особицу: один отомкнешь, над другим призадумаешься!

Ну, слышь, зря говорить не стану, я там не бывал, замков не видал, и как их открывала Аниска, никто не ведает. Одно доподлинно знаю: она их разгадала, тайные пружины разыскала.

Лето и осень прошли, потом зимние вьюги кончились, уж и ручьи отжурчали, как вдруг хлынула из-под угора вода, затопила камыши, старицы и плеснулась эвон у тех дальних берегов.

Долго ждали мужики, не появится ли Аниска, не выйдет ли из-под угора... Нет, не вернулась она в деревню! Ходили слухи, будто выпустила она озеро из-под земли, а сама куда-то в заводы ушла, где прежде ее родители жили. Иные рассказывали, будто встречали в урочище старуху седую, похожую на Аниску. Стережет она ключ, родничок прохладный, что и сейчас еще течет под угором и питает озеро чистой водой.

Родник, через который Аниска из-под земли воду выпустила, так потом и остался. А озеро-то! Послушай-ка: плещется оно в песчаных берегах! Вот опять набежала волна, умыла берег и скатилась обратно, в глубь.

Сергей Черепанов

Уральской души самоцветы СТАРЫХ ГОР ПОДАРЕНЬЕ

Это ведь не скоро разберешь, где старое кончается, где новое начинается. Иное будто вчера делано, а думка от дедов-прадедов пришла. Не разделишь концы-то. Недавно вон у нас на заводе случай вышел. Стали наши заводские готовить оружие в подарок первому человеку нашей земли. Всяк, понятно, старался придумать как можно лучше. Без спору не обошлось. В конце концов, придумали такое, что всем по душе пришлось и совсем за новое показалось. Старый мастер, когда ему сказали: форма такая, разделка полосы этакая, узор такой, — похвалил выдумку а потом и говорит:

— Если эту ниточку до конца размотать, так, пожалуй, дойдешь до старого сказа. Не знаю только, башкирский он или русский.

По нашим местам в этом деле — и верно — смешицы много. Бывает, что в русской семье поминают бабку Фатиму, а в башкирской, глядишь, какая-нибудь наша Маша-Наташа затесалась. Известно, с давних годов башкиры с русскими при одном деле на заводах стояли, на рудниках да на приисках рядом колотились. При таком положении немудрено, что люди и песней, и сказкой, да и кровями перепутались. Не сразу разберешь, что откуда пришло. Привычны у нас к этому. Никто за диво не считает. А про сказ стали спрашивать. Старый мастер отказываться не стал.

— Было, — говорит, — еще в те годы, как я вовсе молодым парнишкой на завод поступил. С полсотни годов с той поры прошло.

В цеху, где оружие отделявали да украшали, случилась нежданная остановка. Позолотчики оплошали: до того напустили своих едучих зеленых паров, что всем пришлось на улицу выбежать. Ну, прокашлялись, прочихались и пристроились передохнуть маленько. Кто цыгарку себе свернул на тройной заряд, кто трубку набил с верхушкой, а кто и просто разохотился на голубой денек поглядеть. Уселись, как пришлось, и завели разговор. Рисовщик тогда у нас был. Перфишей звали. По мастерству из средненьких, а горячий и на чужую провинку больше всех пышкал. Такое ему и прозвание было — Перфиша Пышкало. Он, помню, и начал разговор. Сперва на позолотчиков принялся ворчать, да видит — остальные помалкивают, потому всяк про себя думает: с кем ошибки не случается. Перфиша чует — не в лад пошло, и переменял разговор, давай ругать эфиопского царя:

— Такой-сякой! И штаны-то, сказывают, в его державе носить не научились, а мы из-за него задыхайся.

Другие урезонивали Перфишу:

— Не наше дело разбирать, какой он царь. Заказ кабинетский, первостатейный, и должны мы выполнить его по совести, чтоб не стыдно было наше заводское клеймо поставить.

Перфиша все-таки не унимается.

— Стараемся, как для понимающего какого, а что он знает, твой эфиопский царь? Наляпать попестрее да поглазастее — ему в самый раз, и нам хлопот меньше.

Тут кто-то из молодых стал рассказывать про Эфиопию. Сторона, дескать, жаркая и не очень чтоб грамотная, а себя потерять не желает. На нее другие, больно грамотные, давно зубы точат, а она не поддается. И царь у них, по-тамошнему негус, в том деле заодно с народом. А веры они, эти эфиопы, нашей же, русской. Потому, видно, и придумали кабинетские подарок в Эфиопию послать.

С этого думки у людей и пошли по другим дорожкам. Всем будто веселее стало. По-хорошему заговорили об эфиопах:

— Настоящий народ, коли себя отстоять умеет. А что одежда по-другому против нашего, так это пустяк. Не по штанам человеку честь.

Перфиша видит — разговор вовсе не в ту сторону пошел, захотел поправиться да и ляпнул:

— Коли так, то надо бы этому царю не меч сделать, а шашку, на манер той, какая, сказывают, у Салавата была.

Тут Митрич, самый знаменитый по тем годам мастер, даже руками замахал:

— Что ты, Перфиша, этакое, не подумавши, говоришь. Деды-то наши, поди, не на царя ту шашку задумали.

Наш брат — молодые, кто про эту штуку не слыхал, — начали просить:

— Расскажи, дедушка Митрич! А старик и не отговаривался:

— Почему не рассказать, если досуг выдался. Тоже ведь сказы не зря придуманы. Иные — в покор, иные — в наученье, а есть и такие, что вместо фонарика впереди. Вот слушайте.

Сперва в том сказе о Салавате говорится, что за человек был. Только по нашим местам об этом рассказывать нет надобности, потому как про такое все знают. Тот самый Салават, который у башкир на самой большой славе из всех старинных вожаков. При Пугачеве большую силу имел. Прямо сказать, правая рука. По письменности, сказывают, Салавата казнили царицены прислужники, только башкиры этому не верят. Говорят, что Салават на Таганай ушел, а оттуда на Луну перебрался. Так вот, с этим Салаватом такой случай вышел.

Едет он раз близко здешних мест со своим войском. Дорога по ложку приплась. Место узкое.

Больше четырех конников в ряд не войдет. Салават по своему обычаю впереди. Вдруг на повороте выскочил вершник. В башкирских ичигах, в бешмете, а шапка русская — с высоким бараньим околышем, с суконным верхом. И обличьем этот человек на русскую статью — с кудрявой бородой широкого оклада. В немолодых годах: седины в бороде много. Конек под ним соловенький не больно велик, да самых высоких статей: глаз горячий, навес, то есть грива, челка и хвост, — загляденье, а ножки подсушены, стрункой. Тронь такого, мелькнет — и не увидишь.

Башкиры — конники врожденные. При встрече сперва лошадь оглядят, потом на человека посмотрят. Все, кому видно было, и уставились на этого конька, и Салават тоже. Никто не подумал, откуда вершник появился, и нет ли тут чего остерегаться. У каждого одно на уме: такого бы конька залучить. Иные за арканы взяли. Не обернется ли дело так, чтоб захватом добыть. Все смотрят на Салавата, что он скажет, а тот и сам на конька загляделся. Под Салаватом, конечно, конь добрый был. Богатырский вороной жеребец, а соловенький все-таки еще краше показался. Закричал Салават:

— Эй, бабай, давай коням мену делать.

Вершник посмотрел этак усмешливо и говорит:

— Нет, батырь Салават, не за этим я к тебе прислан. Подаренье старых гор привез. Шашку.

Салават удивился:

— На что мне шашка, когда у меня надежная сабля есть? Вот гляди.

Выхватил саблю из ножен и показывает. Сабля, и точно, редкостного булату и богато украшена. На крыже и головке дорогие камни, а по всей полосе золотая насечка кудрявого узора. Ножны так и сверкают золотом да дорогими камнями.

— Лучше не найдешь! — похвалился Салават. — Сам батька государь пожаловал. Ни за что с ней не расстанусь!

Вершник опять усмехнулся:

— Давно ли ты, батырь, считал своего вороного первым конем, а теперь говоришь мне: давай меняться. Как бы и с шашкой того не случилось. Батька Омелян, конечно, большой человек, и сабля его дорого стоит, а все-таки не равняется ей с подареньем старых гор. Принимай!

Подъехал к Салавату, снял по русскому обычаю шапку, а с коня не слез и подает шашку. Пошире она сабли, с пологим выгибом, в гладких ножнах. На них узор серебряный заподлицо вделан, как спрятан. Казового будто ничего нет, а тянет к себе шашка. Сунул Салават свою саблю в ножны, принял шашку и чует — не легонькая, как раз по руке. Вытащил из ножен — обомлел: там, в полосе молнии сбились, вот-вот разлетятся. Махнул — молнии посыпались, а шашка целехонька.

— А ну, на крепость! — кричит Салават. Подлетел к большой сосне, а они ведь у нас, сами знаете, какие по горам растут. Как камень, в воде тонут. Рубанул Салават с налету во всю силу и думает: посмотрю, какую зарубку оставит, если не переломится. Шашка прошла сосну, как пруттик какой. Повалилась сосна, чуть Салавата с конем не пришибла. Вершник приезжий тогда и спрашивает:

— Разумеешь, батырь Салават?

— Разумею, — отвечает. — Другой такой шашки на свете быть не может. Из своих рук ни в жизнь не выпущу.

— Не торопись со словами, Салават, — ответил приезжий, — сперва наказ выслушай!

— Какой еще наказ! — загорячился Салават. — Сказал — не выпущу из своих рук, пока жив! Тут и наказ весь!

— Этого, — отвечает, — и я тебе желаю, да не в моих силах то сделать. Шашка, сам видишь, не простая. По-доброму-то ее надо бы батьке Омеляну, как первому жожаку, да жил он всякова-то: в его руках шашка силу потеряет. Ты молодой, корыстью тебя никто не укорил, тебе и послали, но в малый дар. Знаешь, как при русских свадьбах бывает. На посыл жениха невеста со сватом посылает сперва малый дар. Он, может, и самый дорогой да посылается не навовсе, а вроде как для проверки. Невеста вольна во всякое время взять малый дар обратно. Так ты и знай! Будет эта шашка твоей, пока ничем худым и корыстным себя не запятнал. Если в том удержишься, тебе эту шашку, может, и в большой дар отдадут — навсегда то есть.

— А как это узнать? — спрашивает Салават.

— Об этом не беспокойся. Явственно будет показано, а как — того не ведаю.

На Салавата тут раздумье нашло:

— Что будет, если со мной ошибка случится?

— Шашка силу потеряет и на весь твой народ беду приведет, если не вернешь шашку в гору.

— Как тебя найти? — спрашивает Салават.

— Меня больше не увидишь, а должен ты найти девицу, чтоб она жизни своей не пожалела, в гору с шашкой пошла. Там шашка опять свою силу получит. И снова ее вынесут из горы. Не знаю только, когда это будет и кому шашка достанется.

Выслушал Салават и говорит:

— Понял, бабай, твое слово. Постараюсь не ослабить силу шашки, а случится беда, выполню второй твой наказ. Одно скажи, можно ли с шашкой послать в гору свою жену?

— Это, — отвечает, — можно, лишь бы по доброй воле пошла.

Салават обнадежил:

— В том не сомневайся: любая из моих жен с радостью пойдет, коли надобность случится.

Вершник еще напомнил:

— Коли на себя потянешь, потеряет шашка силу, а если будешь заботиться обо всем народе, без различья роду-племени, родных-знакомых, никто против тебя не устоит в бою. На том и кончили разговор. Тут приезжий посмотрел на арканников, кои с его коня глаз не сводили, усмехнулся и говорит:

— Ну что ж, играть, так играть! За тем вон выступом еланка откроется, там и сделаем байгу. Кто заарканит моего Соловка, тот и владей им без помехи. Не удастся заарканить, тоже польза: в головах посветлеет.

Все, кто арканы наготовил, рады-радехоньки: почему счастья не попытать. Живо вперед вылетели. Отъехали немножко, там, верно, в горах широкая еланка открылась. Вершник подался шагов на десяток вперед, поставил коня поперек дороги, показал рукой на гору и говорит:

— Туда скакать буду, а уговор такой: рукой махну — ловите!

Кто со стороны на это глядел, те дивятся, почему мало забегу взял, зачем коня поперек дороги поставил, как нарочно подогнал, чтоб заарканить легче было. В арканниках-то один мастер этого дела считался. Мужичина здоровенный, и лошадка у него как придумана для такой штуки: на долгий гон терпелива и на крутую наддачу способная. Все и думают: непременно Фаглазам конька заарканит. Тут вершник сказал своему Соловку тихое слово, махнул рукой, и на глазах у всех как марево пролетело. Стали потом искать, куда вершник подевался. Доехали до того камня, на какой он указывал, и видят: на синем камне золотыми искриночками обозначено, будто тут вершник на коне проехал. На арканников накинулись, как они посмели затеять охоту на такого посланца. Самого Салавата окружили, давай спрашивать, о чем приезжий говорил. Салават рассказал без утайки, а ему наказывают:

— Гляди, батырь, чтоб такая шашка силу не потеряла. О себе не думай, о народе заботься. Родне поблажки не давай, в племенах различья не делай.

Салават уверил: так и будет. И верно, долгое время свое слово твердо держал, и гор подаренье служило Салавату так, что никакая сила против него устоять не могла. Ну все-таки промахнулся. Родня с толку сбила. В роду-то у Салавата все-таки большие земли были, а заводчик Твердышев насильством тут завод поставил да еще две деревни населил пригнанными крестьянами, чтоб дрова рубили, уголь жгли и все такое для завода делали. Родня и стала подбивать Салавата: сгони завод и деревни с наших земель. Захватом, поди-ка, эта земля Твердышевым взята. Правильно сделаешь, коли его сгонишь. Салават сперва остерегался. Два раза побывал в заводе и деревнях и оба раза с какой-то девушкой разговор имел. Тут родня и поднялась. Ты, дескать, в неверную сторону пошел, от родных отмахнулся, а жены завыли: «Променял нас на русскую девку». Не устоял Салават, сделал набег со своей родней на завод и деревни.

— Убирайтесь, — кричит, — откуда пришли!

Люди ему объясняют, — не своей волей пришли, а родня и слушать такой разговор не дает. Кончилось тем, что завод и обе деревни сожгли, а народ разогнали. С той поры шашка у Салавата и перестала молнии пускать. В войске сразу об этом узнали. Да и как не узнать, коли Салават дважды раненым оказался, а раньше такого с ним не бывало. Тут и все дело Пугачева покачнулось и под гору пошло. Со всех сторон теснят его царицыны войска. Тогда Салават собрал остатки

своих верных войсковых людей, захватил своих жен и прямо к Таганая. Подошел к горе, снял с себя шашку, подал жене и говорит:

— Возьми, Фарида, эту шашку и ступай в гору, а я на вершину поднимусь. Когда шашка прежнюю силу получит, вынесешь ее из горы, и я к тебе спущусь.

Фарида давай отнекиваться: не привычна к потемкам, боюсь одна, тоскливо там. Салават рассердился, говорит другой жене:

— Иди ты, Нафиса!

Эта тоже отговорку нашла:

— Фарида у тебя любимая жена. Ее первую послал. Пусть она и несет шашку.

У Салавата и руки опустились, потому — помнит — надо, чтоб своей волей пошла, а то гора не пустит. Как быть? Аксакалы войсковые, да и все конники забеспокоились, принялись уговаривать женщин:

— Неуж вы такие бесчувственные? Всему народу беда грозит, а они перекоряются. Которая пойдет, добрую память о себе в народе оставит, а не пойдет — все равно и нам и вам не житье.

Бабенки, видно, вовсе набалованные. Одно понимали, как бы весело да богато пожить. Заголосили на всю округу, а перекоряться меж собой не забыли.

— Не на то меня замуж отдавали, чтобы в гору загонять. Пусть Нафиса идет. С хромой-то ногой ей сподручнее в горе сидеть.

Другая это же выпевает, а под конец кричит:

— Фаридке, с ее-то рожей, только в потемках и место. Самое ей подходящее в гору спрятаться! Одним словом, слушать тошно и конца не видно. Только вдруг объявилась девица из разоренной деревни. Та самая, с коей Салават два раза разговаривал. Посмотрела строго и говорит Салавату:

— Прогони бабенку! Разве это батырю жены! И родню твою тоже. Оставь одних верных людей, с коими по всей правде за народ воевал. Тогда поговорим.

Салават видит — неспроста пришла. Велел сделать, как она сказала. Конники враз налетели, давай родню выгонять, а женешки сами убежали, обрадовались, что в гору не идти. Как бабьего визгу- причету не стало, девица и говорит:

— Пришла я, батырь Салават, своей волей. Не жалею своей жизни, чтоб тебе пособить и народ из беды вызволить. О шашке, что у тебя в руке, мне многое ведомо. Верить ли ты мне?

— Верю, — отвечает Салават.

— А веришь, так подавай подаренье старых гор.

Поглядел Салават на своих верных конников. Те головами знак подают: отдай шашку, не сомневайся. Поклонился Салават низким поклоном, поднял голову — и видит: девица в другом наряде оказалась. До того была в худеньком платьишке, в обутках, в полинялом платчишке, а тут на ней богатый сарафан рудяного цвету с серебряными травами да позументом, на ногах башкирские башмаки узорного сафьяну, на голове девичий козырек горит дорогими камнями, а монисто башкирское. Самое богатое, из одних золотых. Как прогрелось на груди. Так от него теплом да лаской и отдает.

«Вот она невеста. За своим малым даром пришла», — подумал Салават. Подал шашку. Приняла девица обеими руками, держит перед собой, как на подносе, и улыбается:

— Оглядывался зачем?

Салават объясняет: хотел, дескать, узнать, верят ли тебе мои конники, а девица вздохнула:

— Эх, Салават, Салават! Кабы ты всегда на народ оглядывался! Не слушал бы родню да жен своих. Каких только и выбрал. Обнять тебя хотела на прощанье, да не могу теперь, как на них поглядела. Так уж, видно, разойдемся: я в гору, ты на гору. По времени и мне придется на вершине быть.

— Свидимся, значит, — обрадовался Салават.

— Нет, батырь Салават, больше не свидимся, и это старых гор подаренье тебе в руке не держать. На того оно ковано, кто никогда ничем своим не заслонил народного.

— Когда же, — спрашивает Салават, — на горе покажешься?

— Это, — отвечает, — мне неведомо. Знаю только, что буду на вершине, когда от всех наших гор и от других тоже огненные стрелы в небо пойдут. Над самым большим нашим городом те стрелы сойдутся в круг, а в кругу будет огненными буквами написано имя того, кому старых гор подаренье навеки досталось.

Сказала так, повернулась и пошла к каменному выступу горы. Идет, не торопится, черной косой в алых лентах чуть покачивает, а шашку несет на вытянутых руках, будто на подносе. И тихо стало. Народу все-таки много, а все как замерли, даже уздечка не звякнет.

Подошла девица к камню, оглянулась через плечо и тихонько молвила: «Прощай, Салават! Прощай, мой батырь!» Потом выхватила шашку из ножен, будто давно к этому привычна, и рубанула перед камнем два раза на косой крест. По камню молнии запыльхали, смотреть людям не в силу, а как промигались, никого перед камнем не оказалось. Подбежал Салават и другие к тому месту и видят — по синему камню золотыми искриночками обозначено, как женщина прошла.

Рассказал это Митрич и спрашивает:

— Поняли, детушки, на кого наши деды свое самое дорогое заветили?

— Поняли, — отвечаем, — дедушка Митрич, поняли.

— А коли поняли, — говорит, — так сами сиднями не сидите. Всяк старайся тому делу пособлять, чтобы дедовская думка поскорей явью стала.

— Он, видишь, Митрич-то наш, из таких был, — пояснил рассказчик, — в беспокойных считался, начальству не угоден. При последнем управляющем его вовсе из заводу вытолкнули. Не поглядели, что мастер высокой статьи. И то сказать, он штуку подстроил такую, что начальству пришлось в затылках скрести: как не доглядели. Ну, это в сторону пошло. Рассказывать долго. — Потом, помолчав немного, добавил:

— А насчет того, чтобы пособлять, это было. На моих памятях немало наших заводских в конники и войсковые люди того дела ушли, а потом, как свету прибавилось, и всем народом трудились. И вот дождались. Кто и сам не видел, а знает, когда над нашим самым большим городом огненные стрелы в круг сошлись. И всякий видит в этом круге имя того, кто показал народу его полную силу, всех врагов разбил и славу народную на самую высокую вершину вывел.

Павел Бажов

ГЕРЦОГИНЯ АКУЛЯ

Говорят, в Кыштыме эта каша заварилась. Долго, долго кипела она, оттого что не простая была, из пшена или гречихи, а на человеческих муках и бедах замешанная. Все в ней было: светлая любовь, верность, ненависть, зависть, бескорыстие одних, жадность других. Одним словом, было в ней все то, что кому жить помогает, а кому все сердце дотла сжигает...

Заварилась эта каша не из-за простого люда, а из-за прихоти барской. И какие только ветры ни дули на эту кашу, но не смогли остудить. Значит, на большом жару человеческих страстей она закипела.

Жила, росла у отца с матерью дочь — красота ненаглядная. Акулей ее звали. На весь завод славилась. Родители у нее были вовсе не знатного рода. Да и откуда было взяться у нас знатным родам? При господах в те поры жили. Была эта девушка такой, о которых тогда говорили: про них сказки говорят и песни поют.

Немало таких, как Акуля, по заводам и по куреням таилось в те годы. Недаром издалека, через болота и леса, купцы сватов на Камень посылали. Другой не один год ждал, как подрастет да всей красотой земли такой самоцвет нальется. Прятали эти самоцветы по заводам те, кто похитрей был. В ту пору-каждый свою выгоду соблюдал. Это, конечно, кто богатеньким был. А кто покупал эту красоту человеческую, опять же свою выгоду соблюдал, чтобы ему позавидовали: вот, мол, какую наш купец жену отхватил, покупочку сделал. Степенна, умна и собой хороша. Большая красота.

Правда, красота красоте рознь бывает. Одна та, что снаружи блестит, а другая изнутри светится. Акуля же всем брала. И лицом белым и чистым, и доброй улыбкой, но больше всего взглядом приветливым. Бывало, как поглядит — словно все горести и невзгоды с человека снимет. Покойней его сердце забьется.

Известно, что значит покой в жизни человека. Не безделье, а душевный покой. Правда, и покой в понятиях людских разный бывает. Один его видит в работе, другой — в песне, третий — в пути, а четвертый — на печи. А еще про покой говорится, что у малого дитя самая счастливая пора,

когда он на груди у матери спит. У девушки с парнем — когда они, впервые взявшись за руки, пойдут. А у старого деда нет счастливей поры, когда ничто не тревожит его сердце.

Вот потому и говорили в старину, что наивернейшее средство от недугов — покой. И все это говорилось потому, что недоступен он был людям в те годы. Жизнь тех, кто лес рубил, чугун плавил, заводы ставил, не им принадлежала, а господам и их семейству. Как хотели, так и измывались они над работными людьми. Где уж тут быть покою! Хоть бы до полувека дотянуть и под плеть не угодить...

Ну вот значит. Жила Акуля с отцом и с матерью в самом Кыштыме. Отец работал в заводе, а мать, как полагалось, домашность вела. Растила детей, а в лето и осеннюю порой со всеми заводскими женками в лесу веники березовые вязала да хмель собирала.

Великое множество в те старые годы росло хмелья по горам и лесам. Пойдешь, бывало, в лес — не продерешься. Недаром наши уральские леса дремучими называли. Когда поспевал хмель, всеми заводами женки выходили в Урал, в горы. Ходили собирать хмель и девки. Вот где веселье было! По неделям в лесу жили.

Как только, бывало, забрезжит рассвет и птицы запоют, выходили все из балаганов. Девушки хмель рвали, а ребятишки за ними с корзинами шли. Больше все по медвежьим тропам ходили, легче было пробраться, да и хмель по краям легче рвать.

Рвут, бывало, девушки хмель, а сами душу отводят — песни поют. То проголосную заведут, то удалую — в голосов двадцать грянут. Далеко в горах отдавало. А когда в лесу темнело, с ближних куреней и томилок после работы приходили парни. Разводили костры, появлялись самоделки-дудки, то бубен, то скрипка, и до зари тогда песни будили горы...

Ох уж этот хмель! Это тебе не сон-трава. Много поколений на заводах Урала эта цепная трава породнила. Ну а кое-кого и разлучила. Многих же жить научила. Всякое бывало. На кругу, да еще при песнях, человеческий характер пуще раскрывался. Это тебе не посиделки в душевной избе, а в лесу, когда над головой небо в звездах, а под ногами немная трава, синие хребты и дали неоглядные... В такое время звонче песня, жарче и пламенной любовь.

Ходила и Акуля хмель рвать. Только горе было ей — песни не умела петь. Затянут подружки песню, а она молчком идет. Поначалу обижались девушки на нее, гордой считали. Ну а когда узнали, что не туда ее песня тянет, шутили и смеялись.

— Спой, Акуля, песенку про дудочку берестяну, — скажут ей подружки, а она отшучивалась только.

Но если надо было подружке совет дать в нелегкой девичьей судьбе, Акуля была первой. Многим девушкам она совет дала, и такой, что те в лесу, во хмелю и в разных бедах головы не потеряли. Всегда спокойная, приветливая, любила Акуля на людях жить. Крепкого словца парней не чуралась, но вела себя среди них строго. Вот потому и была у всех на примете, хотя примерной и не старалась быть, не ужималась, а веселилась и жила, как и все. Да и на покосе ее литовка будто пела. В любой работе не скучали ее руки. Свое дело не забывала сделать и на чужой двор успевала сбегать, где беда случалась или хворь соседку одолевала. Другой девчонке и слова не скажи: сразу огрызнется, да еще такой туман напустит, что не рад будешь, что и связался. Говорили старики: «Акуля же кого спокойно урезонит, над кем посмеется в шутку и так, что человек сам поймет, если ошибался». Одним словом, добивалась Акуля своего, ежели нужда была в таком деле. У кого ведь на что дар бывает. Кто складно говорит, а кто песни поет звонко. Вот оно, дело-то, какое.

Как-то раз пошли девушки в лес хмель рвать. Из дома вышли по холодку, чтобы до жары добраться в лес. Вот и завод прошли. Не стало видно шапки Сугомака. Егоза пропала из глаз. Вышли на тракт. Веселее зашагали, оттого, что бойкущие в те времена были эти места. Тут тебе Веселуха — тропа на Тибук — большое село, а через него на Екатеринбург. Дорога на Казань — через горы и по Каме на Волгу.

Не успели девушки пройти и с версту, как вдруг — две тройки, одна за другой, навстречу девушкам показались. На козлах сидели жирные в черных кафтанах кучера. В колясках — господа. Девушки посторонились, сошли с дороги, остановились. В первой коляске — три барыни колыхались. На другой — сам хозяин завода Зотов с прихлебателями.

Как водилось тогда, девушки господам в пояс поклонились. Барыни прокатили и не оглянулись, а старик Зотов знающим глазом оглядел девичий цветник в домотканых сарафанах.

Видать, цепкий взгляд был у старика, коли, как увидел девушек, тут же приказал кучеру остановить коней.

Вылез старик из коляски, за ним выпорхнули два молодых господина, опоздав Зотова поддержать.

Тройка с барынями тоже остановилась, и барыни, шурша шелками юбок, тоже выкатились из колясок. Медленно подошли к Зотову, разглядывавшему девушек, словно на базаре коней. Девушки же стояли стайкой вокруг Акули, будто она могла защитить их от барского взгляда.

А они, эти два выцветших, но еще не потерявших силы глаза, буравили девичьи лица. Только одна из них не сробела, не отвела свой взор от узеньких щелок, из которых на нее в упор два зрачка сверкали. Вначале они Акулю холодным блеском обдали, а потом вдруг в них что-то блеснуло раз, другой — и Зотов резко, как всегда, скороговоркой проговорил, обращаясь к молодым господам, одетым, словно петухи. На них были в клетку штаны, ярко-голубые жилеты и желтые шарфы.

— Милостивые господа! — сердито сказал Зотов «петухам», — дозволейте вас спросить! Вы модель искали? Сколько вы истратили денег на поиски ее? А где были у вас глаза? Везде самому надо доглядеть. Исусовы младенцы!

Молодые господа что-то невнятно бормотали, боясь поднять глаза на старика. А он, побагровев от ярости, кричал на них:

— Вот глядите на эту! — И, тыча хлыстом в Акулю, зло сказал: — Чистая модель. Куда только вы глядели? Ну-ка идите все вперед! — приказал он девушкам. — А ты ступай назад, — кинул он Акуле.

— Да смотри не оглядывайся. Слышишь?

Девушки как стояли стайкой, так и кинулись бежать, а Акуля, спокойно повернувшись спиной к господам, пошла назад. Только, видать, от гнева на господ, сжавшего ее сердце, раздумянилась еще пуще.

— Вот, матушки, глядите! — не отрывая глаз от идущей Акули, кричал Зотов на барынь. Учитесь, как надо ходить. Чисто богиня идет эта девка! А вы — как откормленные утки!

— Что вы, папаша! — хотела было прервать отца его дочь — толстая, длинноносая дама, но он не дал ей договорить и еще тверже и сердитей проговорил:

— Богиня чисто! Ну и девка!

Хоть и говорится, что облака кладам не указчики, но, видать, в это утро только эти нежные белые облака, плывущие над горами, смогли открыть заводчику Зотову настоящий клад, который он здесь и не искал. В то утро ему шибко повезло. С Соймоновской долины работные ночью принесли ему весть, что найден самородок на пять фунтов весом, оттого и, хоть рань была, но весь господский дом был поднят на ноги (чтобы съездить на прииск и поглядеть на редкую находку, а потом взять самородок и спрятать за семипудовыми замками). А тут еще находка. Да где? Прямо на дороге.

— Нечего сказать, — шипел Зотов. — Тратили деньги. Искали. Заграничную жужелку привезли. А здесь на глазах богиня ходит!

— Далась ему какая-то богиня! — ворчала Зотиха себе под нос — Сам, поди, ладом не знает, какие такие богини бывают.

Но промолчала — вслух не сказала, только губы еще крепче сжала да сердитей платочком замахала.

А Акуля все шла, как барин приказал. Все горело в ней, а сильней всего сердце ныло. Чувала она, как рассматривали ее господа. Опять Зотов оглядел ее. Хлопнул по девичьей спине, на которой, как кора сосновая, красовалась коса, и долго задержал ладонь на Акулином плече, но, скосив глаза на стоящую тут же Зотиху, потушил в глазах у себя недобрый огонек и приказал помощникам своим: — Лепить Кузьке с этой девки! — и, круто повернувшись, зашагал к коляске. За ним последовали остальные.

Барыни, будто объевшись клюквы, уселись в экипаж... Гикнули кучера на коней, и только придорожная пыль обдала Акулю, все еще стоящую на дороге, да звон шеркунцов еще долго по лесу звенел...

Вернулись девушки обратно, окружили Акулю. Печально они глядели на подружку, чуя, что унесли тройки их покой, а больше всего покой Акули, и девичьим их радостям надолго пришел конец.

«Что теперь будет с Акулей?» — думала про себя каждая из ее подружек. Только верченая Гранька, первая песельница на заводе и заводила на вечерках, вдруг проговорила:

— А я все знаю про жужелку, не сойти мне с этого места, знаю!

— Ежели знаешь, то расскажи, — просили девушки подружку.

— А че рассказывать? Видела я ее. Черная такая. Позавчерась я в щелку подглядела, как она крутилась перед зеркалами. Ну, девоньки, я вам скажу — чистая модель, только суховата против наших заводских. И выписали ее, правда, для модели — статуй по ней в Каслях будут лепить, а потом отливать из чугуна — вроде как подсвечник.

— Из чугуна?

— Знамо, из чугуна.

— И откуда только ты все знаешь? Чистый веник ты, Гранька. Весь сор по заугольям выметаешь,

— удивлялись подружки.

— Э! Глазок да язычок надо попроворней иметь, вот и все узнаешь! — отсыпала Гранька.

— А как ты в господский дом попала? — спросила Акуля.

— Эх! Акулечка, родная, догадливый человек всегда сумеет гору обойти. Да у меня ведь глаз кошачий, а кошачий глаз дыму не боится, — как всегда с умыслом, с шуткой отвечала Гранька.

— А ты, Гранюшка, без умысла расскажи про жужелку. Какая она — добрая или злая? — допытывались девушки.

— И вовсе она не злая, и жужелкой барин ее прозвал зря. Правда, она тонкая, худая, все плачет — видать, скучает. От добра бы не залетела в такую даль. И перед зеркалами кружиться ей надо. Какой-то танец учит. Гостей ждут господа. Для модели приехала сюда. Но только как барин поглядел на нее, тут же сказал:

— Ношеную одежду не надеваем. Не подойдет. И все тут.

— Вот и получается: как кукушка только по весне кукует, так и наша девичья красота рано увядает, — вставила Варвара, первая подружка Акул и.

Хоть и с недоверием слушали девушки Граньку, но многое узнали — потом уж стороной, что верно плела Гранька. Узнали и о том, что барину срочно понадобилась модель для статуи — подсвечника редкой красоты.

Узнали и о том, что лепить статую должен Кузьма Паньков — наипервейший мастер в Каслях.

Так и вернулись в тот день девушки в завод без хмеля. Всю дорогу думала Акуля про себя — что-то будет с ней? Все мерещился барский кафтан и хитрые глаза хозяина, да на плече, где лежала барская рука, все еще будто кто-то горящей свечкой прижигал...

А утром к ним в избу уже пришел нарядчик. Разговор с ним был коротким.

— Акулину требуют в контору, — буркнул он. И уже у самого порога наказал отцу Акули: — Смотри, Игнат. Не придет Акулина — ты в ответе за это.

Не хотела Акуля подводить родителей под плеть, а потому, как только нарядчик ушел, стала собираться. Поклонилась образам, что в углу темнели, и сказала отцу:

— Не печальтесь, тятенька, по мне, можа, все обойдется. — И спокойно из избы пошла. На заводе все уж знали, что хозяина глаз остановился на Акуле, и он потребовал ее в контору. Почти всем заводом вышли проводить Акулю, да нарядчики разогнали.

— Может, в последний раз голубушка идет по родной улочке, — вздыхала какая-то бабка, стоя у ворот.

— Будет тебе, бабушка, причитать и заживо девку отпевать. Отцовская ведь она дочь, а не приبلудная какая. Побоятся, поди, господа беззаконие какое над ней сотворить, — вставила какая-то молодайка.

— Э, матушка! Видать, забыла ты про Марью Сидельникову. Будто она девок подбивала на работу не выходить. Принародно казнили девку. Барскую волю показали. И все оттого, что не хотела Марья терпеть барынины щепки и оплеухи. Мы, мол, господа, чего хотим, то и делаем над вами, — не унималась старуха.

— Да перестань ты, бабка. Сама не маленькая я: понимаю, че к чему, — сказала на ходу молодайка, кинувшись вслед за Акулей.

Ох и разговоров в заводе было! В открытую ругали Зотова, не боясь наушников и егерей.

— У него каждая копейка рублевым гвоздем прибита, — сказал про Зотова какой-то старик, подбивая парней пойти в контору и требовать выпустить Акулю.

— Ишь чего захотел!

— Захотел засыпать колодец снегом. Требовать выпустить Акулину... Нет, брат, че захочет барин, то и будет. У него ведь деньги, а деньги, говорится, могут и в камне провертеть дыру, а не только в человеческом сердце. Откупится хоть от кого он, — говорили мужики.

— Э! Не говори, бывает душа — покрепче камня — никакому миллионщику не купить...

Зотов увидел в окошке, как люди собирались у церкви. Приказал лакею немедленно выйти на площадь и барскую волю объявить. Дескать, Акулине ничего не будет, и потребовал ее барин для того, чтобы с нее лепить модель.

— Так и скажи: радуйтесь за девку — барин честь ей оказал. Пушай расходятся по избам. Навадились табуниться.

Как приказывал Зотов, так и обсказал лакей народу, только об одном он умолчал, не выдал барской тайны: отчего вдруг барин подобрел. Знал окаянный лакей-хитрюга, что деньги, лежащие у господ за семипудовыми замками, не светом грели, а человеческой кровью пропитались, и настолько от них тяжелый дух пошел, что до самого Петербурга донесло...

Заговорили там даже те о зотовских бесчинствах, кто раньше на них закрывал глаза. Много стало всплывать. Известно, рыба живет в воде, а воду мутит. Пришлось кровавой кыштымской мутью заняться тем, кто этой мутью сам питался. Была назначена комиссия сверху для проверки дел на заводах Кыштыма.

Вот и забегали мурашки по широкой зотовской спине. Знал он, как по спинам работных гуляли его плети. Сам не раз людей стегал, когда в бешенстве бывал на непокорных работных. Вот и полетели взятки от него в Екатеринбург горному начальству. Но там, видать, показалось кое-кому мало иль уже было поздно и невозможно замазать следы тяжких преступлений. Пришлось тогда Зотову готовить подарки повыше — в Петербург. А кому? Самому Строганову. К нему все ниточки озотовских делах тянулись.

Надумал он, пока было не поздно, купить графа Строганова редкостным подарком. Знал, что с черного хода требуется к сердцам вельмож подходить. К тому же всем было известно, что Строганов был большим любителем редкостных вещей. И даже в Петербурге имел дворец, в котором хранились эти редкие поделки. То из бронзы или из серебра, то ковры какой-то дивной расцветки.

Одним словом, в строгановском дворце выставлялось все, что очень дорого ценилось.

Пытался, было, зять Зотова отговорить старика от этой затеи. Бесплезно, мол, все это будет. Но не шибко слушал Зотов зятя, оттого что зять был в глазах Зотова небольшой находкой...

Да, высок Сугомак, да шапки перед ним не ломают. Не мог Зотов сломить у работных людей волю, как и не сняли перед ним шапки те, кто был повыше его...

Оттого пришлось Зотову большим заходом свою шкуру спасать.

Пал хозяйский выбор Строганову подношение изготовить — чугунную богиню — на Кузьму, прозванного Соболенком. Уж больно чернобровый парень был да собой пригожий. И мастер отменный. Говорят, такие решетки отделявал — одно загляденье. Каждая весом в семь или восемь фунтов, а длиной, как полагалось, в полтора аршина между столбами. Прочности и ажурности отменных.

Для модели была выписана чужестранка. Только как поглядел на нее Кузя — наотрез отказался светильник делать.

— Чего хотите, то и делайте со мной, ваше степенство, — говорил Кузя управителю завода. — Хоть сейчас под плети, а формовки не будет. — Чуть не заикаясь, повторял одно и то же парень. — Нет в ней, в этой натуре, силы, чтобы подставку со свечами удержать. Да и с лица она, нечего сказать, вроде красивенькой куклы, только помята шибко. — И, поглядев еще раз на чужестранку, Кузя добавил: — Тощевата, и красоты человеческой, что от сердца идет, в ней не светится.

Вот тогда и принялись натуре искать для Кузи. Не одну заводскую красавицу приводили для

мастера. Привозили из Екатеринбурга, но Кузя только головой качал. То ноги толстоваты, то в плечах худовата, хоть девчонки были словно на подбор: молодые, будто елочки в бору. Говорят, вес искал, осанку и чтобы линии были все на месте.

А в это время, будто на зотовскую беду, из Екатеринбурга вершним приказчик прискакал. Недобрую весть привез он старику. Видать, шибко недобрая она была, коли, как услышал ее Зотов, заметался и принялся торопить с литьем. «Добиться бы подарком отсрочки следствия, и я спасен», — думал про себя старик, как думает тот, кто печку строит, когда захочет пирогов. Вот уж дело-то куда клонило.

Готова уже была чугунная беседка, словно из редких шелковых кружев свитая. Внутри ее была сделана ниша для статуи богини огня.

Итак, подошла Акуля для модели. Принялся Кузя за работу. Нарядили Акулю в древние одежды греческих богинь, и она еще краше стала.

Отвели Кузе каморку в подвале господского дома, чтобы при догляде он лепил свою модель. А как он увидел Акулю в нежном белом одеянии, с поднятой кверху рукой, аж в пот ударило парня. Такой человеческой красоты он не видал.

Лепил Кузя день, другой. Форма и линии были все на месте, как он говорил. Глаз с Акули не сводил. И она не волновалась, потому спорилась работа в Кузиных руках. Парнем Кузя совестливым был, про девичий стыд не забывал. К девушке не прикасался...

И вдруг у него какая-то заминка вышла. То ли жилка оказалась одна толстовата, то ли ткань одеяния не воздушной получалась, а может быть, не мог парень передать в глине ту самую красоту, которая в Акуле светилась изнутри, — от сердца идущую...

Потемнел Кузя. Чуть, было, вовсе не остыл. Увидала такое Акуля. Сошла с положенного места, положила руку на его плечо и тихонько сказала:

— Дозволь, Кузьма Игнатыч, слово тебе сказать?

Будто ото сна очнулся Кузя, поднял голову, поглядел на Акулю:

— Говори, Акуля, говори!

— Вот ты бьешься, как я погляжу, а дело не получается, как хочешь, у тебя.

— Верно, — ответил Кузя. — И понять не могу, в чем заминка.

— А пошто ты у людей не спросишь? Ведь не один ты у нас мастер.

И, как могла, Акуля рассказала парню, о чем думалось ей тогда. Главное же, что мешало ему, — о самом святом для мастера: о точности чувства — той ниточке, которая идет от сердца мастера к поделке.

— На решетках ты, Кузьма Игнатыч, натерел. Ничего не скажешь, — говорила Акуля. — Только ты не сердись, о чем дальше я тебе скажу.

— Говори, Акуля, не таись.

— Вот, по-моему, ты возгордился малость, Кузьма Игнатыч. Дескать, вровень с мастерами я стал. Верно? А какой старый мастер отступался от своей поделки? Дедушка Торокин еще отцу говорил не раз: «Мастер, да еще добрый — только по первопутку ходит». А это, Кузьма Игнатыч, уж дорога, и большая! Это тебе не чугунок отлить. У вас в Каслях чугунок или сковородку любой мастерко сформует и отольет, а человека вылепить — это не каждому под силу. Значит, надо со старыми мастерами поговорить. Моего деда не обойди. Знаешь Вихляева-Клубничку?

— Знаю.

— Вот и обскажи ему. Так, мол, и так. Подсоби, дедушка, — урезонивала Акуля Кузю. И ведь урезонила.

Пошел он к старому мастеру Вихляеву — деду Акули, прозванному Клубничкой за то, что до старости у него румянец на щеках играл.

Обрадовался приходу Кузи старый мастер, аж слезу смахнул, оттого что парень совета у него запросил. Пошел с Кузей в мастерскую, где работал Кузя. Долго-долго глядел, как лепил парень, а потом сказал:

— Много нашего брата в каждую поделку свою жизнь вдохнуло, пока до самой тайности дошли. А у тебя пока только глина. Отпросись на день, на два у приказчика, да вместе с Акулиной по лесу походи. На озера подайтесь, а то на Сугомак заберись, а Акуле прикажи постоять на другой горе — ну хоть на Егозе. Одним словом, на живую девку посмотри. А то стоит она и вправду, чисто статуя. Живой кровинки ты и не видишь... Ну, а за то, что послушался Акулину, —

в добрый ей час. Мастера в тебе она углядела, а может, ты у нее в сердце занозился? И так бывает. Дело молодое. Оба вы в цвету, на славе. А где две славы — там и третьей не миновать. Значит, добрая семья родится.

С хитринкой в глазах косился Клубничка на Кузю...

Говорят, маленькая ранка — и то к сердцу, а попробуй пересиль себя, когда в сердце любовь занозится. Трудно уговорить его. Да и к чему? От этого сердце не стареет. Вот и не смогли Кузя с Акулей пересилить свою любовь. А когда она зацвела в их сердцах, они и сами не знали. То ли на Сугомак-горе, когда стояли и глядели на озера и дальние хребты. То ли когда друг дружке в глаза глядели да бегали в лесу... Не прятали они своей любви, да и к чему было прятаться, коли пришла для них самая пора — свить свое гнездо...

Стояла в ту пору весенняя пора, когда каждая почка на березах распускалась, в озерах заиграла рыба, по зорям нежней запели птицы. И только бы расцвести Кузиной любви с Акулей, как налетела на них гроза, и не с Сугомак-горы, а из хозяйского дома ее принесли злые люди. Все разметала эта гроза в их короткой жизни, и случилось это сразу же, как только Кузя сдал свою чугунную богиню огня — подсвечник чуть ли не в полный человеческий рост с лицом Акули и такой красоты — не опишешь...

Будто в воду глядел старый мастер Клубничка. Еще пока кончал поделку Кузя, сговорились они с Акулей о свадьбе. И за неделю до нее это горе с ними приключилось.

Уже шумели на обоих заводах сваты. Шутка ли сказать — два завода роднились. С той и другой стороны родня старалась. Как-никак, в Каслях гордились мастером Кузей Соболенком, а в Кыштыме — первой умницей Акулей. Говорят, одних пельменей было настряпано с тыщу и спущено в погреба. Отгуляли уж девичник, и вечером перед свадьбой парни и девушки ватагой пошли на озера. Шли они зорю провожать. Подошли к самому краю горы и долго глядели, как темнел закат на вершинах сопки, как сумерки спускались на землю...

Потихоньку разошлись парами. Говорят, в такую пору вдвоем все видней. Остались одни и Кузя с Акулей. Рядышком стояли. И вдруг увидели, как два лебедя у самого берега играют — крыльями широко взмахнут и над водой круг дадут. И надо же такое: птицы, а поняли, что не обидят их те двое, что стояли над обрывом. У самих любовь была.

Не слышали ни лебеди, ни лес, ни сопки, о чем говорили Акуля с Кузей, да и нам неведомо такое. Только и услышали, когда Акуля, раскрыв руки, словно птица крылья, в своих белоснежных рукавах сарафана, крикнула лебедям:

— Птицы вы мои, лебеди гордые! Стерегите вы мое счастье девичье от всяких бед: от темной ночи, от злых ветров и от худого глаза. Сберегите моего милого от черных сил. — И, сдернув с головы платок, кинула его на воду...

Но не смогли лебеди сберечь Акулино счастье. Не было силы у этой птицы светлой против человеческого зла. Не знали ни Кузя, ни Акуля об этом, как не ведали они и о том, что это был последний вечер в их жизни, когда они женихом и невестой стояли перед родными горами и в верности клялись.

На другой день с раннего утра в Каслях и в Кыштыме поднялось такое, будто нежданно Мамай пришел. Барский приказ был таков: «Немедля всю чугунную беседку, вместе с Кузиной богиней, спешно отправить в Париж. Два короба с мелкими поделками — разными крохотными рыбками из чугуна, птицами и самой тонкой работы поделками... Подарками для тех, кто будет обозревать беседку».

Не знали в заводах люди, что время поджимало Зотова с подарками Строганову: уж весть и до Кыштыма дошла, что проверять заводы будет сам хозяин. Вот потому так спешно и были снаряжены подводы с подарками и отправлены в Париж... А вместе с беседкой из чугуна и разными поделками были отправлены мастера, среди которых был и Кузя. Вот как все оборотилось. И как ни просил Кузя приказчика и управителя не посылать его в Париж, дескать, невеста ждет и свадьба наготове, — куда там. Не любил управитель менять свое слово. Как сказал, так и должно быть. Сказал, будто отрубил...

Но зря торопился Зотов с подарком для Строганова: граф сам выехал из Петербурга на Урал для ревизии Кыштымских заводов. Немало он покопался в зотовских делах, даже, говорят, был спущен пруд в заводе и на дне его были найдены кости людей... Не спас заводчика Зотова

подарок, одного только он добился: вместо того чтобы пройти сквозь строй за свои злодеяния и быть битым батогами, он был сослан с Урала...

С Кузей же дальше вот что приключилось.

Долго ехали посланцы с Урала в Париж, где Строганов еще задолго до поездки в Кыштым собирался в одном из дворцов выставить для парижской знати свои редкие поделки. Широко задумал Строганов ошеломить тогдашних любителей редкостных изделий, а потому подарок Зотова пришелся к месту...

Подводы с беседкой и всеми остальными поделками прибыли в Париж, и, пока в Кыштыме ревизия шла, Кузя вместе с другими парнями собирал чугунную беседку и устанавливал свою богиню. Немало потрудились парни, собирая беседку, а когда Кузя установил в ней богиню из чугуна и зажег в ее руке свечи, то чугун словно замерцал синевой, а чугунные кружева стали еще тоньше и нежней, богиня же, казалось, вот-вот сойдет с места...

Позднее, когда гостям был показан зал, где стояла ажурная беседка и в ней богиня огня с зажженными свечами в поднятой руке, а у входа в беседку два парня в кумачовых рубахах, плисовых штанах и лаковых сапогах, — гости все ахнули от восхищения. В руках парни держали бархатные подушечки, а на них лежали крохотные окуньки, лебеди и слоны из чугуна. Были они меньше булавочной головки.

Восхищались гости: кто кружевами из чугуна, кто окуньками, а больше всего богиней огня. Но нашлись и такие, которых восхитили парни — красота несказанная...

Целый месяц стояли парни поочередно у входа в беседку и подавали гостям подарки на подушечках. Кто чего из гостей выбирал.

Но вот стал примечать Кузя, что одна важная красивая барыня чаще других подходила за подарком. Приходила она не одна, а с какой-то старухой в большущем чепце и широком платье.

Одета была барыня отменно. Все на ней сияло. Богатые уборы из самоцветов, на плечах — белая шаль из каких-то перьев. Богатое шелковое платье. Одним словом, в глазах Кузи и остальных парней эта дама — будто королева...

И вот как-то раз приказчик, посланный с парнями в Париж, приказал Кузе во дворец этой знатной барыни — герцогини (такой титул она имела) явиться.

Пошел Кузя к герцогине, как было приказано. Кое-как нашел этот дворец. Сразу парня туда впустили — значит, ждали. Как полагалось — в пояс барыне поклонился, когда ввели его в большую камору. Там в большом кресле сидела герцогиня. Тут же старуха в чепце находилась. Стала барыня Кузе предлагать, чтобы остался он в Париже. Лопочет по-своему, а старуха, как переводчица, Кузе всепередает.

— Вольную ты получишь, — говорила герцогиня. — Будешь жить богаче управителя. Только отлей не одну такую же статую, какую привез.

Сказала так герцогиня и встала с кресла. Раскрыла руки и к Кузе подошла. Близко-близко. И такой от нее дух нежный пошел, что у Кузи аж голову закружило... И показалось ему, что не барыня будто перед ним стояла, а Акуля к нему близко-близко подошла... Но сумел пересилить себя Кузя. Опять барыне он поклонился и сказал:

— Благодарствуем, ваша светлость! Только работать тутотка нам несподручно. Не те глины для формовки, а насчет прочего... — и он замолчал. Поклонился низко в пояс и к двери пошел.

Видать, крепко зацепилась в голове у герцогини мысль о бесценной красоте уральского чугуна, а главное, о больших деньгах. Ох, большие капиталы могло принести оно, это литье. Сколько бы можно было покрыть долгов... Герцогиня приказала вернуть мастера.

Какие деньги она парню предлагала! Просила хоть рассказать о тайне литья, говоря:

— Я к тебе приставлю самого лучшего мастера по литью бронзы и серебра. Дам лучших кузнецов, а ты им расскажешь, как отлить статую!

Говорила и с жадностью глядела на сказочную красоту парня. И она барыню манила...

Побледнел даже от таких слов парень. Сроду не доводилось ему слышать такое. И он поначалу даже растерялся от таких барских предложений, но, поняв, куда клонит она, — осердился. «Ишь какая, работного так можно купить. Да знала бы важная госпожа, что не для господ стараемся, а за честь мастера стоим!» — подумал он про себя. А потому сразу нашел ответ:

— Еще раз благодарствуем, ваша светлость. Но такое не продаем! — сказал и, круто повернувшись, вышел вон...

Герцогиня же бессильно опустилась в кресло...

Когда Кузя воротился в камору, где они, все парни, жили под дворцом, и рассказал друзьям про то, что с ним приключилось в барском дворце, Ваньша Поздняков — мастер из мастеров по мелкой чеканке — тут же сказал:

— Эх, Кузьма, Кузьма! Ровно ты не знаешь, что возле добрых дел всегда черти водятся. Вот и оборотилась нечистая сила этой самой барыней, чтобы обмануть тебя — мастера испортить. А можа, и вправду бабочка обзарила на тебя, а боле того на твою богиню. Чугунок-то наш хоть кого приманит...

Говорят, что сердце сердцу весть подает. Вот и подала Акуля весточку про себя, оттого что, как побывал Кузя в герцогском доме, так все ему стала мерещиться Акуля. Места не находил себе парень. Так затосковал...

А с Акулей в это время и вправду горе приключилось.

Как-то раз у обедни увидел ее в церкви откупщик Наседкин — сын миллионщика Файка, по прозвищу Коряга. Шибко был он некрасив. Первый разбойник и мот. На весь Урал гремели Наседкины своими страшными делами. Кого хотели, того и покупали. Торговали рыбой, а говорят, не брезговали и фальшивой монетой. Одним словом, первыми варнаками слыли, а вот на Акуле осеклись. Какие только подарки Наседкин ни посылал. Какие ни сулил положить миллионы к ногам Акули, но не сдавалась Акуля. Отказалась выйти за него замуж.

Остервенел Наседкин. Уж не красота Акули его сердце распалила, а гнев на нее — как могла противиться ему. Живо подкупил он попа, а тот рад стараться — за деньги хоть куда. Пригрозил поп Акуле церковным проклятием, ежели она откажется от брака с человеком, который отсыпал на божий храм тысячу рублей. На то и священное писание — что мудреная сказка. Хочешь — ею запугаешь. Захочешь — успокоишь. Одно слово — хомут и дышло. Куда повернешь — туда и потянет.

Но не сломилась Акуля ни перед небесным проклятием, ни перед родительской волей. Даже к четырем сватам не вышла, когда те пожаловали к ней в дом. Вот и нажила себе врага, да еще какого! Самого Наседкина, перед которым трепетало горное начальство. Только перед одним Зотовым Файк и его сыновья снимали шапки.

Не ворота вымазал Наседкин у Акулиного дома, а ее девичью честь очернил. Распустил нехорошие слухи про нее, подкупив кумушек и разных побирушек, хотя в шелка одетых. Вот они и постарались. Но и это вынесла Акуля. Только когда узнала новую угрозу Коряги: ежели она не выйдет за него замуж, снесут избу Акули, а родителей в Сибирь на дальние золотые прииски отправят, — не выдержала девка. Не могла она допустить такое, чтобы отец и мать пошли в Сибирь на рудники, и решила: пришла на то самое место, где весной стояла с Кузей у обрыва. Долго глядела на осеннее хмурое небо, затянутое пологом серых туч, вспомнила Кузю и как они любовались лебедями. Сняла нательный крест, платок, положила все на камень, покрытый мохом, еще раз поглядела на сопки и лесные дали, оглянулась назад, на родной завод — и подстреленной птицей кинулась в омут...

Только по первому снегу воротились из Парижа люди. Пришел домой и Кузя. Воротился и от матери узнал о печальной судьбе Акули. Не очнувшись, кинулся в Кыштым... А потом долго хворал с горя. Когда же немного оправился, то родной бы отец, если б был живой, не узнал парня, как не узнавала родная мать в седом человеке своего сына. Потускнела его красота, радость и блеск в его глазах пропали. Согнулся, как старик, словно на его спину положили болванку из кричны. Так и остался бобылем... За Акулю и Кузю купцу Наседкину отплатили парни. Как-то раз ночью на Шиманаевом угоре, где всегда шалили в ту пору разбойники, Наседкин-Коряга был убит, и конь, на котором он ехал из леса, домой без хозяина воротился...

Только года через два взялся Кузя за лепку, и то чужое формовал. И вдруг один раз сам управитель к избе Кузи прискакал. Стал он приказывать Кузе выполнить спешный заказ из Парижа: вылепить статуэтку по памяти с герцогини из Парижа. С той, которая хотела заставить парня работать на себя. Большие деньги управитель взял с герцогини за заказ.

Поначалу наотрез отказался Кузя отливать статуэтку. Не было сил у него творить, да и сердце не лежало к такой работе. И вдруг загорелся. Даже помолодел, и будто силы воротились к нему. Заторопился...

Дивились люди: чего, дескать, задумал парень? А он все лепил, формовал и отливал. Кипел возле поделки, как расплавленный чугун в кричне... И когда статуэтка была готова, все, кто увидел ее, в один голос сказали: как есть покойница Акуля, только в господском одеянии. И тут же придумали название статуэтке — «Герцогиня Акуля».

Да, не нами говорено, что ежели кого народ как назовет, то навеки это прозвище к человеку прильнет. Сказать, к примеру: голодали век свой деда, вот и получились Голодаевы. Формовал Кузя и отливал по заказу герцогини статуэтку с нее. Хотя и по памяти лепил модель, а когда люди увидели ее в чугуне и что лицом эта самая герцогиня чисто Акуля, то и получилось: как ни зайдет, бывало, речь об Акуле, то люди непременно скажут о покойной: «Акуля-герцогиня». Выходит, уж мертвую ее так прозвали. И недаром: пересилила она в сердце мастера настоящую герцогиню...

А та парижская герцогиня, как получила свой заказ с Урала, развернула статуэтку, поглядела и вдруг побледнела, задрожала вся. Да как закричит от злости, хоть в чугуне все было точно, на первый взгляд, с нее. Та же статность, платье, в котором была, когда мастера видала, и даже перья на платке одно к одному отчеканены были, а вот лицом вовсе другая. Моложе и красивей. Затрепетали от гнева у герцогини все жилки, когда догадалась она, с кого была статуэтка. Ведь то была богиня огня, стоящая в нише беседки. И хоть ни разу не видала герцогиня ту далекую, с которой мастер лепил свое чудо, поняла она, кто дороже был ему и почему его мастерство не смогла она купить...

В страшной злобе вскочила герцогиня с места и, подняв статуэтку над головой, с бешенством кинула ее на пол. Словно застонал чугун, на мелкие рассыпался куски, только одни глаза уцелели. И так они печально глядели с пола, что с герцогиней сделалось плохо.

Потом, говорят, Кузя больше ничего не сделал. Его чахотка съела. На гневную депешу герцогини из Парижа об испорченной статуэтке управитель ответил кратко: «Мастер помер, наказывать некого». Безымянное озеро, в которое кинулась Акуля, с тех пор люди называют Акулей. И посейчас там играют волны — то сголуба, то иссиня...

И, вспоминая старое, бывалые люди говорят:

— Добрый хмель рос на Урале, коли такие всходы новых поколений взошли — мастеров и умельцев. Одной грудью дышат они над сталью и железом, над машинами и зерном. Все едино. И такую силу никаким морозам не остудить, никакой буре эту силу не развеять. И все оттого, что крепкими корешками эти мастера закрепились в Уральской земле...

Серафима Власова

КЛИНОК УРЕНЬГИ

Много лет назад на месте Златоуста кочевье степняков-ордынцев жило. В лесах спасались люди от буранов, а потом и совсем осело кочевье в горах — аул образовался. Люди охотой занимались, гнали смолу и деготь. Только пастухи, как и прежде, с весны до осени глубокой уводили в степи скот...

Поначалу тоскливо было новоселам после жаркой степи, да еще в непогоду, когда хлестал дождь по горам, по верху кибиток и юрт. Наверное, тогда не раз вспоминали ордынцы покинутые ими ковыльные моря и дальние зарницы над степями.

Хозяином кочевья и несметных табунов скота был мурза Дженибек, потомок какого-то хана. И говорили, что скорей согнешь сосну, нежели волю его. Был он подобен рыси, нападающей на беззащитную косулю. Сам он собирал ясак с народа. И горе было тому, кто не мог заплатить ясак. Что хотел Дженибек, то и делал с подневольным человеком. Вот откуда брались богатства у мурзы.

Когда же не подчинялись ему люди и уходили дальше в степь, то страшно было, если их доставали цепкие руки Дженибека. Только пепел оставался от людских жилищ да кости белели на дорогах. Недаром матери плачущим детям говорили: «Будешь плакать — отдам Дженибеку». Стоном стонали люди от него.

Говорится, что не сразу приходит на землю весенняя пора и не в одну ночь расцветают цветы. Так не в одночасье задумали пастухи проучить Дженибека, а больше того думали они — кому под

силу такое. Известно, все пастухи и охотники бесстрашны. Каждый из них мог угодить в птицу на лету, заарканить дикого коня, проскакать много-много дней без пищи и воды. Но только один человек мог выполнить задуманное пастухами. Этим человеком была девушка Уреньга — «живущая лицом к огню».

Уреньга кидала клинок так, что ни разу не промахнулась, была храбра, как смелый воин в бою, и не меньше ненавидела мурзу, чем пастухи. Ее мать погибла под плетями Дженибека.

Научил Уреньгу кидать без промаха клинок отец, перенявший такое умение в далекой стране, где снега не бывает. Попал он туда с табуном скота, проданным мурзой самому падишаху. Долго прожил отец Уреньги в той стране. И однажды на большой дороге ему удалось спасти от разбойников знакомого оружейника. Тот был рад своему спасению и подарил отцу Уреньги клинок, научив дальнего гостя, как им владеть.

Пришел отец Уреньги домой совсем больным. Жар пустыни иссушил его сердце. И, прожив немного больше года, слег. Хорошо, что за это время научил дочь кидать клинок и так, чтобы она никогда не промахнулась ни на охоте, ни в лесу. Ведь надо было чем-то жить и кормиться... Перед смертью отец отдал дочери клинок и дал наказ беречь его, как память.

Да, вот это был клинок! Пригнешь его конец к рукоятке, и клинок не ломается. Резал железо легко, словно хлеб, со звоном врезался в старую сосну, от времени не чернел.

Говорят, не часто загорались глаза у башкира при виде клинков и мечей. Какой джигит ездил в поход без клинка, лука и колчана за спиной? Но загорались глаза у многих джигитов, даже у стариков, при виде клинка Уреньги. Трудно было оторвать взгляд от такого дива. Насечка из серебра легкой дымкой мерцала на булате, который тысячами искр сверкал, когда его кидала Уреньга.

Знали пастухи, что Дженибек больше всего на свете боялся разжиреть, но от обжорства и безделья все-таки жирел, а потому часто ездил вершним на перевал.

Выйдет на гору, едва-едва отдышавшись, примется смотреть кругом — все владения его! Два джигита неразлучно следовали за ним. Боялся мурза, зная, что многим людям зло приносил, вот и сторожили его лучники, преданные воины. Но верили пастухи — не подведет их Уреньга: сделает все так, как надо. Пролетит ее клинок мимо самого уха Дженибека и не заденет, а ему урок на всю жизнь. Пусть помнит старая рысь, что клинок может угодить и в самое сердце.

Наступил такой день, когда Дженибек отправился на перевал. Не быстро бежал под ним конь. Давно перестал он скакать на резвых. Да и чаще у Дженибека ныли кости, а в непогоду будто шайтан тянул из него жилы.

Уреньга уже ждала, держа клинок наготове. А пастух Бикбулат у трех сосен за перевалом ждал Уреньгу. Слушал, как птицы пели да лес шумел над головой.

И вдруг пастух услышал смертельный вой — то ли человека, то ли зверя. Из-за ветра трудно было разобрать. Не знал Бикбулат, что случилось с Уреньгой.

Когда она кинула клинок и он пролетел мимо уха Дженибека, тогда и раздался этот вой. В страхе Дженибек поворотил коня обратно, видать, испугавшись и клинка и воя. За мурзой последовали и джигиты. И так понесся Дженибек, что они едва поспевали за ним.

А Уреньга — бесстрашная Уреньга, готовая встретиться одна с медведем, — вдруг потеряла мужество и силу... Кого-то она убила. Но кого?

«Кого же я убила?» — думала девушка про себя.

Бикбулат же, услышав крик, поскакал к Уреньге.

Рассказала Уреньга пастуху, что хорошо видела — не промахнулась. Клинок пролетел мимо уха Дженибека, и он в страхе поворотил обратно коня. Все видела Уреньга: и как мурза в страхе ускакал, и как джигиты за ним поворотили. Но кто ревел так смертельно — не ведала она.

И вот, выйдя на дорогу, они пошли в лес, где должен был лежать клинок, и тут увидели: на полянке беспомощно стоял на своих тоненьких ножках маленький лосенок. Он жалобно поглядел на Уреньгу и доверительно пошел к ней.

— Бежим, Уреньга! Бежим скорее. Дженибек пошлет погоню. И тогда откроется ему, кто кидал клинок. Скорей бежим! Клинок найдем потом.

Так говорил пастух. Но Уреньга словно застыла, поняв, в кого она попала: мать лосенка унесла ее клинок.

Не зря торопился Бикбулат. Ветром принеслась погоня. Ни Уреньга, ни Бикбулат не успели скрыться. Обоих тут же заковали в цепи, а на другой день сам Дженибек судил их.

— Шайтан сидит в этой девке! — грозно кричал старик. — Она посмела поднять руку на своего владыку, но слава аллаху, что он отвел ее клинок... — И повернувшись к Уреньге, мурза спросил ее: — А теперь скажи, дочь шайтана, может, ты жалеешь, что подняла руку на своего владыку, на меня?

Не сразу ответила Уреньга. Она печально поглядела вокруг себя — на горы и леса, словно прощалась с ними навсегда. Чуяло ее сердце: не видать ей больше этого никогда. Жесток был мурза. Врагов не прощал, а просить пощады она не станет. И, гордо тряхнув головой, Уреньга ясно и твердо проговорила;

— Жалею об одном, что не промахнулась.

И, может, Уреньга сказала бы еще чего-нибудь, но в это время загредел цепями Бикбулат. Он был весь избит, в разорванной рубахе. Видать, откуда-то он сбежал, чтобы спасти Уреньгу. Но пять конников, верных псов Дженибека, схватили пастуха и тут же прикончили его.

Наутро Уреньга была ослеплена и слугами Дженибека отведена далеко в хребты. И, видать, так далеко ее увели, что потом люди, хоть им за это грозила смерть, как ни искали — не нашли. Только много-много лет спустя один охотник в горах наткнулся на скелет, весь обглоданный зверями, возле которого лежала девичья коса.

Так погибли Уреньга и Бикбулат. Всею душой они ненавидели Дженибека, а вот бороться с такими, как он, еще не научились.

Позднее Салават Юлаев в своих песнях славил и Уреньгу, и Бикбулата, и всех-всех, о ком люди предания и сказы сложили...

Серафима Власова

Топонимический словарь

Агидель

Агидель — башкирское название реки Белой (происходит от тюркского *ак* — белый, и *идель* — так в старину называли Волгу), левого притока Камы.

Берет начало в болотах к востоку от горы Иремель (Южный Урал). В верхней части имеет низкие заболоченные берега. Ниже поселка Тирлянский долина резко сужается; на отдельных участках склоны реки круты, обрывисты, покрыты лесом. Ниже впадения правого притока реки Нугуш, по мере выхода на равнину, долина постепенно расширяется; после впадения реки Уфы Белая представляет собой типично равнинную реку. Протекая по обширной пойме, изобилующей старицами, река образует много излучин и разбивается на рукава.

Ай

Река на Южном Урале, левый приток реки Уфы. Берет начало из болота Клюквенное, расположенного на стыке хребтов Уреньга и Аваляк. По одной версии, топоним Ай (Айле) произошел от названия одной из пришлых родоплеменных групп, имевшей родовой знак (тамгу) в виде полумесяца (*ай*). А самую первую попытку объяснить происхождение топонима предпринял историк и географ В. Н. Татищев: «Ай в переводе с башкирского — «луна», «лунная» (*ai* — «луна, месяц»). У древних башкир луна считалась высшим божеством, дарившим радость и красоту людям. Возможно, этот чтимый образ, как понятие прекрасного, получил отображение в географическом имени, характеризуя природу места, каким является река Ай, т. е. «лунная», в значении «красивая, как луна», «красавица», или переосмысленное — «светлая»».

Акуля

Акуля Большая и Малая — два озера, расположенные недалеко от города Кыштым Челябинской области. Название происходит от видоизмененного башкирского топонима Аккуль, т. е. «белое, чистое озеро» (*ак* — «белый», *кул* — «озеро»).

Александровская сопка

Одна из самых известных вершин центрального хребта Урал-Тау в районе Златоуста. Название получила после восхождения на вершину наследника престола Александра Николаевича (впоследствии императора Александра II). До этого называлась Сторожевой сопкой, так как на ней, по преданию, во время крестьянской войны 1773-75 гг. находился сторожевой стан Пугачева.

С вершины сопки открывается прекрасная панорама: на западе — близлежащие районы Златоуста с прудом на переднем плане, чуть севернее — Уральская сопка и простирающийся за ней хребет Ицыл, на востоке — Ильменские горы.

Рядом, близ станции Уржумка, стоит столб «Европа-Азия», установленный в честь приезда Александра II в 1837 году.

Аргаяш

Название озера Аргаяш (Челябинской области) и расположенного на его берегу поселка в источниках XIX века звучит несколько иначе — Яргояш, что позволяет возвести его к башкирским словам «яр» — берег и «кояш» — солнце, т. е. «Солнечный берег». Также соответствует древнему тюркскому мужскому личному имени Агайяш (Ергаяш, Аргайяш).

Веры остров

Остров на озере Тургояк, известный своими громкими археологическими находками. Мегалиты острова Веры — это загадочный уникальный комплекс мегалитов, дольменов, обелисков, открытый недавно археологами. Археологи считают, что много тысячелетий назад остров Вера был сакральным, святым местом, своеобразным религиозным центром. Во все времена здесь было множество культовых сооружений, люди приезжали сюда за тайными знаниями, поклонялись созданным святилищам.

Небольшой остров на озере Тургояк всегда славился легендами. Рассказывали: в начале XIX века здесь в каменной землянке жила отшельница Вера. Поговаривали, что еще раньше здесь скрывались соратники Пугачева и в честь одного из них остров долгое время назывался Пинаевским.

Однако приехавшие на остров археологи выяснили, что каменная землянка Веры была построена не в XIX веке, и далее не в XVIII, а несколько тысячелетий назад.

Продолжая раскопки, ученые обнаружили на острове каменную кладку древнего жилища. Скорее всего, приблизительно 5-8 тысячелетий назад на озере произошло землетрясение и резко поднявшаяся вода залила древнее жилище, а затем ушла. Неподалеку на берегу озера раскопаны квадраты стоянки. Здесь ученые обнаружили керамику двух типов. Далее — древняя каменоломня.

Без специальных исследований трудно сказать, когда именно здесь добывали камни. Огромные валуны хранят следы воздействия человека. Видно, куда мастера вставляли штыри, чтобы расколоть камень. От их работы края валунов как бы покрыты зубцами. Дайверы нашли такие камни на достаточно большой глубине недалеко от острова. Значит, добытый камень зачем-то переправляли на берег. Вот только непонятно, зачем: на берегах Тургояка такая порода гранита сплошь и рядом.

Быть может, в эпоху неолита отсюда увозили на материк сырье, которое считали сакральным. Дальше — еще несколько древних рукотворных объектов, назначение которых пока абсолютно неясно.

В нескольких шагах от предполагаемой гробницы — мегалит. Традиционно мегалитами называют культовые сооружения из необработанных каменных глыб. Еще совсем недавно ученые были уверены, что в нашем крае мегалитов нет и никогда не было. Последние находки полностью опровергают это устаревшее мнение. Этот мегалит правильнее назвать дольмен — погребальный ящик, накрытый каменной плитой. Он состоит из трех камер и коридорчика, его размеры достаточно внушительны, а внутри можно встать в полный рост. Мегалит строго ориентирован на запад, и ученые заметили, что в день равноденствия на закате луч солнца заглядывает в подземелье, проходит через всю пещеру и останавливается на противоположной стороне. На этом основании археологи предположили, что, возможно, мегалит был построен с календарными целями.

Неподалеку от главного мегалита — мегалит номер два. А рядом с ними — каменная гора, на которой установлен железный крест. Гора эта не рукотворная, но и по сей день она привлекает посетителей острова. А когда-то позади останца, где сложился природный навес, наши предки добывали камень, причем на некоторых отщепках сохранились следы охры, которой были испачканы руки мастеров. Здесь оставляли сосуды и раскалывали принесенные с материка камни. Ученые нашли сколы горного хрусталя и кварца, которых нет на острове. Тут же найдены тесла из камня и дерева, которые могли использоваться как стамеска или для выделки кожи животных и человека.

Наконец, именно здесь найдены вещи, возраст которых достигает 10 тысяч лет. Кроме древних памятников на острове есть очень интересные староверческие объекты. Это и землянки, в которых ютились жители скита, и молельня с каменным крестом на берегу озера, и староверческое кладбище, где были похоронены святые отцы. Архитектор Филянский, описавший остров в 1909 году, рассказывает, что вокруг молельни прямо на деревьях были развешены резные деревянные иконы. Ученые хотят восстановить это место, от которого остались только развалины. Салим Фатыхов, кандидат культурологических наук, предположил, основываясь на культурных традициях разных народов, что грандиозные постройки острова связаны не с погребениями, а с культом матери-прародительницы. Он считает, что менгиры могли изображать фаллические символы, женские божества или же детей Матери-Земли, вышедших из ее тела, а мегалиты могли быть чертогами Матери-Земли или макетами материнского чрева. И тогда остров Веры в разные исторические периоды для разных народов мог быть региональным центром, где в определенное время года проводились обряды жертвоприношений, мужских и женских инициации, а также обряды рождений и перерождений. Свои предположения ученый подтверждает не только многочисленными примерами из различных эпосов, но и географически: остров Веры, так же как и другие загадочные памятники, такие как Аркаим, Ахуновский кромлех, Стоунхендж, Ньюгрэндж, находится на 55 широте... Так это или нет, покажет время.

Дальний Таганай

Самая северная и наиболее обширная по площади вершина Большого Таганая (ее высота 1112 м) состоит из трех гребней. Расположена в 20 км к северо-востоку от городской черты Златоуста и отделена от южного кряжа хребта широкой межгорной долиной, которая называется Большой Лог. В силу своих размеров Дальний Таганай отличается большим разнообразием горных пород и растительности. Западный гребень сложен кристаллическими сланцами, а его северная часть окружена реликтовыми березово-еловыми лесами с редкими скальными выходами пород. К югу лес постепенно уступает место тундровой растительности. Здесь на ровном плато всюду разбросаны темно-серые останцы, а само плато покрыто горной тундрой. Центральный гребень — это огромный кварцевый выход длиной не менее километра. Восточный гребень — коническая гора посреди тундрового ландшафта, состоящая из тех же сланцев. Своим шестикилометровым отрогом, вытянутым на северо-восток, Дальний Таганай плавно переходит в хребет Юрму.

В восточной части Дальнего Таганая была расположена высокогорная метеостанция «Таганай-гора», открытая 20 августа 1932 года и просуществовавшая шестьдесят лет. Место это было выбрано не случайно, ведь недаром Дальний Таганай называют «кухней златоустовской погоды». Большую часть года здесь дуют сильные ветра (среднегодовая скорость ветра достигает 10,3 м/с, максимальная — свыше 50 м/с), стоят туманы (около 240 дней в году), а зимой порой неделями не прекращаются метели (около 132 дней в году). Однако в ясный день с вершин Дальнего Таганая на десятки километров вокруг открывается во всей красе широчайшая панорама Златоустовского Урала.

Вот как описывает бывший начальник метеостанции «Таганай-гора» В. Пономарев буйства «свободной стихии» на Дальнем Тагане: «Сначала ветер налетает порывами. Потом устанавливается и дует ровно, но еще не сильно. По прикатанному снегу ползут, ползут снежные змеи. Если идешь в такие минуты на площадку, то приходится прятать лицо от снега, ложиться на ветер, чтобы не опрокинуться. Особенно трудно идти возле скал: они не могут защитить от ветра, и он, обтекая их со всех сторон, начинает метаться, и ты не знаешь, откуда он налетит на тебя в следующее мгновение. Уж лучше держаться подальше от такой защиты. Разумнее выйти на голое место, где ветер несется только в одном направлении на восток.

Свист ветра, запутавшегося в оттяжках антенн, в доме воспринимается иначе, чем на улице. В сенях оглушает грохот железной крыши, словно по ней проезжает асфальтовый каток. В щели, которые раньше не замечались, пробивается снег, и вскоре возле них вырастают сугробы. В самом доме грохот немного тише. Печь гудит ровно и зло.

Можно топить печь, закрыв трубу, все равно дым уходит в нее. Такая тяга!.. Куда дует ветер? Здесь, по крайней мере, кажется, что он, разогнавшись, срывается в космическое пространство, потому что невозможно держаться возле земли на такой скорости. Крыша грохочет. А вдруг однажды сдует ее совсем, вместе со стенами, и окажешься ты в домашнем одеянии на таком ветру? Кожа от такой мысли становится шершавой... И так несколько дней и ночей, с небольшими перерывами, несетя обезумевший ветер».

Двуглавая сопка

Самая южная вершина Большого Таганая расположена в 7 км к северо-востоку от городской черты Златоуста. Своим названием сопка обязана исследователю Южного Урала В. П. Сементовскому, который в начале XX в. окрестил ее Двуглавой за характерную разрезанность вершины надвое. На многих топографических картах второй половины XX в. эта вершина именуется горой Малый Таганай (не путать с хребтом Малый Таганай, который расположен несколько восточнее). В некоторых источниках Двуглавая сопка называется еще Ближним Таганаем. А местные жители часто именуют ее просто Таганаем.

На южном и юго-западном склонах Двуглавой сопки альпийские луга, березовое криволесье, заросли горца альпийского и черничника. На южном склоне расположен так называемый «скалодром» — крупная скала высотой более 20 м с причудливыми формами, напоминающими средневековой готический собор. Эта скала изобилует почти вертикальными скальными стенками и часто используется альпинистами для тренировок и соревнований (отсюда и название).

Южная вершина сопки в последние годы получила у туристов имя «Перья» (за характерные формы составляющих ее скал), а златоустовские старожилы чаще всего называют ее простолевой стороной. Высота ее составляет 1034 м. На восточном склоне левой стороны, на высоте 690 метров находится знаменитый «Белый ключ» — самый известный таганайский источник. Вода в нем необычайно прозрачна и вкусна, несравнима ни с какой другой. Свое название источник получил от глыб белого кварцита: дно источника, покрытое осколками кварцита, словно источает свет, что придает ему особую прелесть.

Северная вершина Двуглавой сопки достигает высоты 1041 м и представляет собой дугообразный гребень, вытянутый в юго-восточном направлении. Склоны покрыты многочисленными каменными осыпями — курумниками, а сама вершина состоит из террас, скальных стенок и расщелин. Туристы называют эту вершину «Бараньими лбами», а местные жители Правой стороной Таганая. У ее восточного подножия несколько ключей, носящих общее название Гремучие.

Долина Сказок

В седловине между Откликным гребнем и Круглицей расположена Долина Сказок (местное название — Песочные горки) — уникальный по красоте участок подгольцового низкорослого хвойного леса (ель, пихта) с полянами из ягодников (брусника, голубика, черника), горных трав и можжевельникового стланика, с многочисленными причудливыми останцами, сложенными сахаровидными кварцитами.

В далеком прошлом здесь происходили интенсивные тектонические подвижки. Зерна кварца, слабо скрепленные кремнистым цементационным веществом, в течение нескольких геологических эпох испытывали трение друг о друга и приобрели слегка окатанную форму, почти лишившись цементационных веществ. В относительно спокойное время порода подвергалась физическому выветриванию и приобрела матрацевидные формы, а материал выветривания в виде белоснежного кварцевого песка отлагался по склонам седловины, сконцентрировавшись сегодня на узких тропинках, протоптанных человеком.

Вот что об этих местах сто лет назад писал уральский публицист В. А. Весновский: «Здесь масса нагроможденных друг на друга огромных каменных глыб, нередко самых причудливых форм, напоминающих какие-нибудь грандиозные мавзолеи, воздвигнутые какими-то гигантами-

богатырями над могилами своих товарищей. Суходол, отсутствие растительности, кроме мхов разных пород, дополняют мрачную, хотя и величественную картину сказочного кладбища».

Зуртау

Гора Зуртау расположена в Чебаркульском районе Челябинской области. В переводе с ашкирского ее название означает «большая гора» (*зур* — «большой», *тау*— «гора») и, по-видимому, указывает на ее размер сравнительно с окружающими горами.

Зюраткуль

Озеро Зюраткуль — одно из самых высокогорных озер Урала (724 м над уровнем моря) — находится западнее южной части хребта Уреньги. За озером, на юго-западе, просматривается хребет Нургуш, а с другого берега видны примыкающие к нему хребты Москаль и Зюраткуль. Из озера вытекают две реки: Большая Сатка и Малая Сатка. Сатка переводится с башкирского как «искра».

Это уникальное озеро — жемчужина Национального парка «Зюраткуль». В источниках XVIII-XIX вв. это озеро именуется Юрак-Куль, Юракул, Юракасы. Очевидно, топоним Зюраткуль есть видоизмененное башкирское название Юрак-Куль — «сердце-озеро». Вот как писал о Зюраткуле немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник П. С. Паллас: «В углу промеж ими (реками Большая и Малая Сатка. — *Ред.*) находится посредственная гора Сатка-Тау, которая, кажется, есть отделенная часть большой и пространной вверх по Большой Сатке к югу лежащей горы Юрак-Тау... Юрак-Тау значит «сердце-гора», и, кажется, она получила свое название по причине возвысившейся тупой верхушки, которая совсем гола и камениста.

На сей горе лежит достопамятное озеро Юрак-Куль, в которое многие впадают ручьи и из которого проистекает Большая Сатка».

Следовательно, озеро получило свое название от горы Юрак-Тау, на которой оно расположено, и первоначально именовалось Юрак-Куль. Со временем название превратилось в Зюрак-Куль, затем в этом слове сочетание двух согласных «кк» было заменено сочетанием «тк», и образовался топоним Зюраткуль. Это название передалось и горе.

В соответствии со своим названием, озеро Зюраткуль хранит множество тайн и легенд.

Ильменский хребет

Ильменские горы — группа хребтов на Южном Урале, в окрестностях города Миасс — это богатейшая сокровищница всевозможных минералов. Они сложены массивно-кристаллическими породами (миаскиты, граниты и другие) с многочисленными пермагнитовыми жилами сложного и разнообразного минералогического состава, содержащими ильменит, апатит, гранат, топаз и другие.

Горы покрыты лесами (сосна, лиственница, береза), много лугов, болот.

Самые высокие точки — гора Ишкуль (660 м) и гора Ильмен-тау (753 м).

Территория, занятая Ильменскими горами, входит в состав Ильменского заповедника.

Ильменское озеро

Ильменское озеро расположено на Южном Урале возле южной оконечности Ильменского хребта на территории города Миасс на высоте 331 м над уровнем моря.

По северному берегу озера проходят автомобильная и железная дороги, здесь расположена железнодорожная станция Миасс — Старый вокзал Транссибирской магистрали, а также здания, входящие в городскую застройку. Западный берег — рекреационная зона: здесь расположены база отдыха и детский оздоровительный лагерь. Здесь же проходит Ильменский фестиваль авторской песни. Восточный берег не используется в хозяйственной деятельности, т. к. находится на территории Ильменского заповедника. Южный берег заболочен.

П. С. Паллас в своих записках, говоря об озере и хребте, сообщал, что озеро местные башкиры зовут Именкуль, а хребет — Иментау. Каков же смысл слова «имен»? Здесь существует два мнения.

По первому, «имен» означает «безопасный», «безвредный». Под этим понимается доступность и удобство места с точки зрения использования природных ландшафтов. По второму толкованию,

это слово, возможно, имя собственное — имя человека или наименование родовой группы, обитавшей здесь, перешедшее к озеру и горам.

В основе имени башкирское слово *имен* — «дуб», скорее всего, указывавшее на родовой тотем. Позже в русском языке это слово, по чисто внешнему звуковому сходству, перешло в слово «ильмен», с его значениями «залив», «озеро», «старица».

Инышко

Небольшое озеро с этим названием расположено у северного берега озера Тургояк. Название озера не имеет однозначного толкования. Существует несколько любопытных легенд, связывающих его с личным башкирским именем Иныш, к которому добавлен русский суффикс «ка». Но вряд ли они имеют под собой какое-то реальное основание.

По другой версии, слово «инышко» происходит от башкирского слова *инеш*, что означает «маленькое». Очень правдоподобный вариант, но дело в том, что это слово у башкир употребляется для обозначения только маленьких речек и ручьев. Однако по звуковому составу топоним легко сблизается с другим башкирским словом — *йенеш*, что значит «рядом», «возле», «около», т. е. «рядом расположенное, смежное озеро». А ведь озеро Инышко и в самом деле является смежным по отношению к озеру Тургояк, от которого оно отделяется лишь узким перешейком в 200 метров.

Иремель

Гора Иремель (высота 1582 м) — вторая по величине вершина Южного Урала. Название ее в разных переводах означает либо «священная гора», либо «седло всадника». Д. Н. Мамин-Сибиряк, побывавший на этой горе, сравнил ее с громадным кораблем, севшим на мель.

Иремель находится северо-восточнее горы Яман-Тау и западнее хребта Урал-Тау (до него около пятнадцати километров), в верховьях реки Белой, между хребтами Бакты (который расположен совсем рядом и за которым вдали видна мощная Зигальга) и Аваляк, являясь юго-западным отрогом последнего. От массива Иремель начинается довольно протяженная цепь хребтов, идущих на север: Аваляк, Уреньга, Большой Таганай, Юрма.

Иремель представляет собой огромный, в виде двойной семнадцатикилометровой подковы, горный массив, в который, кроме двух главных вершин, входят отходящие от него отроги, такие как Жеребчик, Суктаж, Синяк и др. Он отличается сложным рельефом: нагорные террасы, скальные вершины и останцы, россыпи камней — курумники.

Иремель, как и Яман-Тау, имеет две вершины, соединенные террасой на высоте 1300 м. Главная — Большой Иремель высотой 1582 м с плоской вершиной и отдельными скальными выходами, образующими ее. Она имеет и второе название — Большой Кабан («кабан» в переводе означает «стог»). Вторая вершина — Малый Иремель (1449 м) — находится в пяти километрах северо-восточнее и имеет пять скальных выходов.

Ориентир для выхода к Иремелю — село Тюлюк, из которого он хорошо виден, — находится почти у подножия массива. Подъем на вершину бывает сложен, особенно зимой и ранней весной. Весной, начиная с лесной зоны, крупные камни в россыпях перемежаются со снежниками, глубиной по пояс и больше.

Иткуль

Озеро Иткуль, расположенное на севере Челябинской области, в 20 километрах от города Верхний Уфалей, окружено горами. Самая высокая из них — гора Карабайка (544 м) — находится на юго-западном его берегу и резко выделяется среди соседних невысоких вершин. Здесь же в озеро Иткуль впадает маленькая речка Карабайка, название которой восходит к татаро-башкирскому *карабай*, дословно — «черный бай» (богач). Название самого озера, по распространенной версии, производится от башкирских слов *ит* — «мясо», *кул* — «озеро», и означает, соответственно, «мясное озеро», т. е. «озеро, богатое рыбой».

Однако такое объяснение не является убедительным. По другой версии, слово «иткуль» в древние времена звучало как «иккуль» или, если точнее, «ыййккуль», что может означать «священное озеро».

Впрочем, более правдоподобным кажется предположение, что в основе названия — тюркское личное мужское имя Иткол, широко распространенное прежде у башкир. Так могли именовать владельца-вотчинника, предводителя рода либо всю обитавшую здесь родовую группу.

Озеро очень красиво. На нем расположен оригинальный остров, состоящий из груды камней и валунов, который издали напоминает стадо коров, забравшихся в воду от зноя. Еще более обращает на себя внимание живописный Шайтан-камень (тюркское *шайтан* — «злой дух», «черт») — одинокая скала, стоящая в воде на значительном удалении от берега. Шайтан-камень играл важную роль в жизни людей. Если лето выдавалось дождливым и небо закрывали тучи, на Шайтан-камне, чтобы вызвать солнце, приносили в жертву белого барана. Если же случалась засуха и надо было выпросить у бога дождь, на камне следовало зарезать черного барана. Люди облюбовали это озеро еще 7000 лет назад. Последние триста с лишним лет на озере живут башкиры. Но и до них на берегах кипела жизнь. Некоторые археологи даже утверждают, что существовал такой народ — иткульцы. 2700 лет назад они «возникли» и через четыре столетия пропали. Иткульцы были металлургами и кузнецами. Их время относится к раннему железному веку, но они являлись специалистами по меди и бронзе. На месте их городищ археологи находили металлургические печи (до трех десятков печей на одном месте), а также шлак, руду, тигли, литейные формы. Обнаружив поразительное сходство бронзового оружия, которое ковали иткульцы, с оружием степных кочевников южных районов Урала, а также обилие лошадей в стадах иткульцев, что необычно для обитателей леса, археологи предположили наличие отлаженной системы рыночного обмена между северянами и южанами.

Кисегач

Озеро Кисегач (или Большой Кисегач) — одно из самых красивых и крупных озер Челябинской области. Оно является памятником природы. Его длина около пяти километров, ширина более четырех, глубина — более тридцати метров. Водоем имеет тектоническое происхождение. Берега озера каменистые, покрыты лесом, изрезаны многочисленными заливами. Западный берег — граница Ильменского заповедника. На Кисегаче одиннадцать островов. На них гнездятся дикие утки и чайки.

Озеро Кисегач — одно из самых чистых озер области. Сегодня вода в нем столь чистая, что дно просматривается на глубину двенадцати метров.

Круглица

Гора Круглица (1178 м) — наивысшая точка хребта Большой Таганай. Расположена в 15 км от Златоуста, между Дальним Таганаем с севера и Откликным гребнем с юга. Круглицу в простонародье называют Круглой сопкой, Круглым Таганаем. Свое имя гора получила за свою округлую форму.

Николай Рерих считал Круглицу одним из наиболее благоприятных мест для восприятия космической энергии, на вершине горы, по его мнению, расположен фокус Храма Света.

Склоны Круглицы — это сплошные курумники с редкими зарослями стелющегося можжевельника. Северная часть вершины представляет собой почти идеально плоскую площадку размером приблизительно 200х400 м, расположенную на высоте около 1100 м и покрытую ситниково-голубичной тундрой. На юге этого высокогорного плато расположена так называемая башкирская Шапка-горка, напоминающая очертаниями тюркский головной убор и являющаяся самой высокой точкой Круглицы в целом.

Белые кварциты Круглицы в большинстве своем покрыты лишайниками, отчего в ясную солнечную погоду вершина окрашивается в нежнейшие зеленовато-белые тона. Солнце, нагревая камни, увлекает своим теплом влагу из трещин (подножие горы — это почти сплошное болото), воздух становится прозрачным, легкоподвижным и создает своеобразный эффект покачивания огромной горы. Кажется, что Круглица вот-вот оторвется от своего подножия.

Подъем на Круглицу сложен и небезопасен, поскольку ее склоны — это сплошное нагромождение огромных каменных глыб, многие из которых неустойчивы и могут качнуться от малейшего толчка. С вершины Круглицы открывается живописнейший вид на окружающие хребты, а в облачную погоду можно наблюдать, как облака стекают отсюда в межгорные долины.

С Круглицей связана одна курьезная история, героем которой является великий немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник Александр Гумбольдт. В 1829 году экспедиция Гумбольдта посетила Миасский завод, входивший в Златоустовский горный округ. Гумбольдт осмотрел минеральные копи Ильменских гор, а побывав в Златоусте, в окрестностях которого участники экспедиции ознакомились с Таганайским горным массивом, высказал предположение, что Круглица является конусом потухшего вулкана, сделав этот вывод по характерным очертаниям горы, без детального анализа горных пород. Позднее это предположение ученого, но уже в виде неоспоримого факта, стало гулять по популярной литературе. Вот что писал, к примеру, в очерке «Русская Швейцария» (1892) П. П. Падучев: «Гораздо оригинальнее Таганайские горы, между которыми невольно останавливает на себе внимание Круглая сопка, характернейшая форма вулкана, с правильно обточенными боками и шишечкой на вершине, напоминающей шишечку на шляпе мандарина». Ему вторил В. А. Весновский в своем «Иллюстрированном путеводителе по Уралу», изданном в Екатеринбурге в 1904 году: «Круглица, лежащая к северу от Откликной, представляет наивысшую точку хребта, именно 564 сажени. Сопка эта является кратером потухшего вулкана».

На самом же деле Круглица, как и остальные вершины Таганая, сложена белыми, розовыми, вишневыми кварцитами с включениями авантюрина и к вулканизму не имеет никакого отношения.

Естественно, никакого кратера на Круглице нет.

Миасс

Река Миасс берет начало на восточном склоне хребта Урал-Тау, течет на север вдоль западного подножия Ильменского хребта, а затем по Зауральской равнине и Западно-Сибирской равнине, впадает в реку Исеть. Таким образом, протекает по Челябинской и Курганской областям.

По одной версии, топоним Миасс происходит от тюркских слов *миья*, что значит «топь», «топкие места», «болота», «трясина», «жирная глина» (другое его древнее значение — «мозг») и *су* — «вода», «река». Соответственно, «Мийя-су» значит «река, вытекающая из болотистых, топких мест». Такое объяснение можно считать вполне приемлемым, поскольку река Миасс действительно берет начало из топкой болотистой местности.

По второму толкованию, топоним Миасс очень древний, дотюркского или древнетюркского происхождения. Полагают, что он пришел из языков некогда живших на Урале народов. И это тоже вполне вероятно. Сравнивая название «Миасс», например, с кетскими топонимами: Майзас, Мийзас, Мазас, Мизас, Мийес и др. (где *сес* означает «вода», «река»), встречающимися в бассейнах Оби и Иртыша, в местах обитания кетов — предков хантов и манси, можно утверждать, что слово «Миасс» восходит к языку хантов, манси и эвенков. Косвенно подтверждает это и то обстоятельство, что в документах XVIII века название реки пишется как Мияс, Мияз, Миясс.

Нургуш

Хребет Нургуш расположен в Саткинском районе Челябинской области. В переводе с башкирского этот топоним означает «светлая, великолепная птица» (*нур* — «свет», «сияние», «великолепие», *гуш* (кош) — «птица»). Действительно, хребет Нургуш, включающий в себя одну из значительных вершин Южного Урала (гора Нургуш, 1406 м), обладает несомненным величием, и образное мышление народа вполне могло соотнести его с высоко летящей сияющей птицей.

Откликной гребень

Откликной гребень — одна из вершин хребта Большой Таганай (1155 м) — расположен перед горой Круглица, в 12 км от Златоуста. Создающие его неповторимую конфигурацию несколько гребенчатых отвесных скал высотой до 100 м издали напоминают окаменевшего ящера. Откликной гребень — памятник природы. Причина возникновения его названия — эхо, образующееся на восточном склоне Откликного гребня от человеческого голоса.

Сугомакская пещера

Сугомакская пещера находится на восточном склоне горы Сугомак в 5 км от Кыштыма. Она расположена в небольшом изолированном массиве белого мрамора и является единственной на Урале пещерой, образованной в мраморной породе водой. Будучи основной местной достопримечательностью, пещера состоит из трех гротов, соединенных узкими проходами. Третий грот частично заполнен водой.

С помощью эхолокации исследователи пещеры недавно обнаружили под толстым слоем осадков по меньшей мере три необычных объекта дискообразной формы, лежащих на глубине до восьми метров. Происхождение их пока неясно. Под водой имеются также затопленные полости, которые, возможно, открывают путь в новые районы пещеры.

С именем Сугомакской пещеры связано немало легенд и преданий.

Сулея

Сулея (башкирское «Пилейэ» — тихая долина: *пил* — тихий, спокойный, *уя* — долина) — хребет и одноименная гора в Саткинском районе Челябинской области.

Хребет Сулея расположен в междуречье Ая и Юрюзани, между хребтом Жука-тау и городом Юрюзань. Длина — около 50 км. Наиболее значительные вершины — Красная репка и Сулея.

Таганай

Большой Таганай — горный хребет на Южном Урале длиной 25 км. Он состоит из нескольких гор и вершин; самая высокая из них — гора Круглица (1178 м). Сложен кристаллическими сланцами и кварцитами.

На склонах растут сосновые леса с примесью ели, березы. На вершине останцы причудливой формы, каменные россыпи. Одна из главных достопримечательностей Таганая — курумники, многокилометровые каменные реки.

Уникальность этого знаменитого хребта состоит в том, что каждая из его вершин имеет очень своеобразную форму, сильно отличающуюся от других. Двуглавая сопка (Ближний Таганай) с остроконечными скалами; узнаваемый с любой точки, похожий на спину динозавра Откликной гребень; оригинальная кругловершинная Круглица; впечатляет своей массивностью Дальний Таганай, на котором зафиксированы рекорды скорости ветра.

Параллельно с Большим Таганаям, восточнее его, идут два хребта поменьше — Средний Таганай и Малый Таганай, северные вершины которых сходятся.

Таганай переводится с башкирского как «подставка луны» (*таган* — «подставка, треножник», *ай* — «луна»). Это толкование можно встретить в десятках публикаций, начиная от трудов П. С. Палласа.

Однако объяснение не совсем точно, ведь в соответствии с грамматическими правилами переводить надо не «подставка луны», а «подставка-луна». Но если учесть, что тюркское *ай* — «луна» — метафорически часто употребляется для обозначения чего-то очень красивого, выделяющегося, тогда слово «Таганай» можно перевести как «Лунный треножник» (лучший, красивый). Вполне вероятно, что образное видение местных татар или башкир нашло в хребте Большой Таганай (точнее в его южной части, где сходятся Двуглавая сопка, Откликной гребень и Круглица) подобие большой и красивой треноги, тагана, весьма важного предмета тюркского быта. Но и это еще не все. Ведь конечный элемент слова «Таганай» — это еще и древнетюркский суффикс «ай» с уменьшительно-ласкательным значением. Значит, Таганай — это «треножничек», «таганочек».

Есть и другие толкования. Топонимист Г. Е. Корнилов считает, что слово «Таганай» восходит к башкирскому *тыуган ай тау* — «восходящей луны гора», «гора молодого месяца». (Заметим, что в определенные дни года с юго-западных предгорий Таганая можно наблюдать восход луны точно над трехглавым Большим Таганаям).

Совсем необычное толкование приводит краевед В. В. Поздеев, обращаясь к кетскому языку, где есть слово «тугыннинг» — «гребень». Полагают, что около тысячелетия назад предки кетов жили на Южном Урале, а позднее башкирские племена могли перенять от них непонятное название, впоследствии упростив его до более привычного своему языку слова.

Какая из версий самая верная, сказать трудно, поскольку Южный Урал с древнейших времен был перекрестком, где сталкивались три великие языковые семьи: индоевропейская, финно-угорская, тюркская. Многие топонимы могли несколько раз переосмысливаться, перениматься народами друг от друга.

В XVIII-XIX вв. район Таганая исследовали многие крупные отечественные и зарубежные ученые.

Сегодня эту работу продолжают специалисты природного национального парка «Таганай». Таганай упоминается в десятках различных исследований, в популярной и туристической литературе.

Впервые же в российских энциклопедических изданиях он описан в Географическом словаре Российского государства, собранном Афанасием Щекатовым (часть шестая, Москва, 1808 г.), где говорится: «Таганай гора, Оренбургской губернии в Челябинском уезде, лежит при реке Ай, почитающаяся наивысочайшею из гор, лежащих при сей реке, имеет три холма, и в июне месяце снег, покрывающий оную, с нее не сходит».

Тесьма

Свое начало река Тесьма (еще ее называют Голубая Тесьма, или Большая Тесьма; ее самый крупный приток — Малая Тесьма) берет в заболоченных западных предгорьях Большого Таганая, в районе Круглицы, на высоте 750 метров. В верхнем и среднем течении она течет в елово-пихтовых лесах по территории национального парка «Таганай», в нижнем — в пределах городской черты Златоуста, впадая в Златоустовский пруд на высоте 413 метров.

Правый берег Тесьмы возвышен, левый во многих местах заболочен. По своему характеру Тесьма типично горная река. Весеннее половодье начинается в конце апреля. Протекает бурно и быстро. Высокая вода стоит несколько дней, затем спадает. В середине мая уровень воды вновь поднимается из-за таяния снега в горах. Резкие подъемы воды бывают и во время летних ливней. Река становится бурной, и переправиться тогда через нее практически невозможно. Так, летом 1923 года (по рассказам старожилов в конце июля — начале августа, когда в лесу уже начала поспевать малина) после сильного дождя с бурей Тесьма вышла из берегов, затопила пойменную часть и громадной силой напора снесла новый Таганайский мост; она вырывала с корнем деревья и передвигала огромные кварцитовые глыбы. Во время этого наводнения в реке погибло 13 человек.

Вновь Таганайский (Киалимский) мост был снесен рекой после затяжных июльских дождей 1994 года, правда, на этот раз обошлось без пострадавших.

Температура воды в Тесьме даже в жаркие летние месяцы редко превышает 14-16 °С. Зато она чистая и слабо минерализована (не более 60 мг/л). Хариусу европейскому, который иногда встречается в Тесьме, такая холодная чистая вода не помеха, скорее наоборот. Когда-то на берегах Тесьмы можно было встретить бобров (попытка их реакклиматизации предпринималась в 1970-х годах, однако не увенчалась успехом), но впоследствии бобры ушли: слишком уж шумно здесь стало с приходом многочисленных туристов, рвущихся полюбоваться красотами Таганая.

Тесьма получила известность задолго до основания Златоустовского завода. По данным летописей, русские рудознатцы впервые появились в районе Тесьмы в 1670-х годах во времена царствования Алексея Михайловича с целью поиска серебряных руд. В 1750-х годах на ее берегах заработали первые лесопилки, сооруженные по приказу основателей Златоустовского завода Мосоловых. С этих лесопилок, по сути дела, и началась история Златоуста. Позднее по Тесьме сплавлялся лес, рубившийся на берегах ее притока Малой Тесьмы. А на рубеже XIX-XX вв. на ее берегах, в пределах городской черты, располагались многочисленные полировочные заведения, небольшие мастерские, где кустари занимались выделкой столовых приборов из Златоустовской стали.

Уже три четверти столетия златоустовцы пьют воду из тесьминских водохранилищ. Первое из них построено в конце 1920-х годов (его воды затопили подземные выработки одного из таганайских железных рудников); второе появилось на Малой Тесьме в 1960-е годы, а третье, самое большое, сооружено в середине 70-х годов прошлого века.

В литературных источниках XVIII в. река Тесьма называется Тасма, что в переводе с татарского и башкирского означает «лента», «полоса». Название вполне оправдано. Если смотреть

с высоты окружающих гор, река действительно видится светлой лентой среди темной зелени лесов и горных понижений. Впоследствии слово «тасма» было сближено с русским «тесьма», которое и закрепилось как название.

Впрочем, есть и другое мнение. Известный специалист по топонимике Челябинской области Н. И. Шувалов считает, что подобное толкование в данном случае малоубедительно. Более убедительным ему кажется предположение, что форма Тасма (позднее Тесьма) возникла уже на русской почве при несовершенном фонетическом восприятии распространенного древнего тюркского географического термина «шишма» — «небольшая речка», «ручей», «источник».

Тургояк

Озеро Тургояк — крупное пресное озеро в Челябинской области — лежит на высоте 320 м, у подножия Ильменского хребта. Рядом расположен город Миасс, а к востоку от озера — Ильменский заповедник. Воды Тургояка отличаются ярким голубовато-зеленым цветом и необычайной прозрачностью. Самое прозрачное озеро на Урале, Тургояк занесен в список редчайших водоемов мира. За кристальную чистоту воды (на глубине 20—30 метров видно все до камешка) его называют младшим братом Байкала.

Площадь озера — около 27 км, длина — 6,7 км, средняя глубина 19 м, наибольшая — 33,5 м. Рядом расположено озеро Инышко, имеющее с Тургояком гидравлическую связь. Основную роль в питании озера играют грунтовые воды. Питание всех водоносных горизонтов происходит путем инфильтрации атмосферных осадков, а также за счет небольших рек и ручьев, впадающих в озеро. На озере находится остров Веры, известный своими громкими археологическими находками (см. Веры остров).

Увильды

Озеро Увильды — одно из самых больших озер на Южном Урале. Оно расположено на высоте 275 м над уровнем моря и имеет площадь в 68,1 км. Однако особенно крупным оно не выглядит, т. к. берега его извилисты. Средняя глубина Увильдов — 14 м, наибольшая — 38 м. Котловина озера тектонического происхождения, крутые склоны, неровный рельеф дна.

За особую красоту пейзажей, за целебность воды и воздуха Увильды называют «голубой жемчужиной». Озеро объявлено памятником природы.

В 1975 году в результате засухи в Челябинской области возник дефицит воды. Для восполнения этого дефицита был прорыт канал, по которому вода из Увильдов сбрасывалась в Аргазинское водохранилище. За время засухи уровень воды в Увильдах понизился на четыре метра и восстановился лишь через 20 лет, к 2006 году.

Уреньга

Уреньга — горный хребет на Южном Урале длиной 65 км и высотой до 1198 м. Сложен кварцитами, кристаллическими сланцами и филлитами докембрийского возраста. Имеет крутые, покрытые сосново-березовыми лесами склоны. Высота главной вершины хребта, горы Два Брата — 1067 м. Хребет очень красив и при этом доступен: подъем на него можно начать прямо в Златоусте, у центральной площади, или на тракте Челябинск—Уфа, на перевале.

Уреньгу еще называют колыбелью рек. На всем ее протяжении (а это самый длинный хребет в Челябинской области) встречается много скал и вершин с необычной формой останцев, возвышающихся над каменными россыпями.

Первое объяснение топониму Уреньга (в XVIII в. звучавшему как Урянге, Уранге) дал известный русский путешественник И. И. Лепехин. Он производит его от татарского *урянге* — «клен».

Соответственно, хребет Уреньга означает «кленовый хребет». По своей форме топоним близок также к диалектному татаро-башкирскому слову *урангиу* — «витья», «извиваться», «крутиться». Действительно, контур этого хребта очень извилист на большом протяжении.

Чебаркуль

Озеро Чебаркуль расположено на восточном склоне Южного Урала, на высоте 320 м над уровнем моря, имеет площадь 19,8 км.

В озере обитают карась, щука, линь, акклиматизирован судак. Из Чебаркуля вытекает река Коелга (бассейн Оби). Берега живописны. На озере много лесистых островов. На восточном берегу — город Чебаркуль.

Гидроним Чебаркуль происходит от башкирских слов *сибер* — «красивый», *кл* — «озеро», либо от татарских слов *чыбар* — «пестрый», *кл* — «озеро». Обе этимологии достаточно реалистичны.

Юрак-Тау

Гора Юрак-Тау (от башкирского *йурэк* — «сердце», *тау* — «гора») находится на правом берегу реки Белой. Здесь, возле Стерлитамака, на фоне равнинной местности возвышаются три конусовидные горы: Юрак-Тау, Куш-Тау и Тра-Тау (четвертая, Шах-Тау, «съедена» Стерлитамакским содово-цементным комбинатом). Эти уникальные горы-одиночки — шиханы — представляют собой единственные на земном шаре геологические образования, которые сложены белыми массивными органогенными известняками с многочисленными остатками разнообразной морской фауны, характерной для раннепермских рифов.

Кроме того, шиханы имеют богатую и своеобразную флору. Здесь обнаружено много реликтов и эндемиков, которые заслуживают охраны. Животный мир шиханов также включает много видов, типичных и для леса, и для степи. Поэтому шиханы представляют большой интерес для ботаников и зоологов.

Западный склон Юрак-Тау, очень крутой и скалистый, используется скалолазами для тренировок. Здесь часто проводятся соревнования. Под шиханом Куш-Тау расположен дом отдыха «Шиханы», около него проложена горнолыжная трасса. Юрак-Тау — наиболее удобный для посещения и интересный шихан. Взобравшись на его вершину, как на ладони можно увидеть всю окружающую местность, в том числе и все остальные шиханы.

Юрма

Хребет Юрма, вытянувшийся севернее Большого Таганая, это довольно привлекательная гряда гор с красивыми скалами, пышной июньской растительностью и осенним желтоцветьем. Говорят, однако, что летом и осенью там бывают сильные грозы со шквальными ветрами и очень часты туманы и дожди.

На Юрму удобно выходить со стороны Карабаша, но можно и с маршрута по Таганая. Одна дорога от Карабаша выводит вас к оригинальным Чертовым воротам, другая — к необычной скале Сапог. Вдоль тропы, идущей по хребту, часто встречаются великолепные курумники, оригинальные сопки, которые в северной части заканчиваются редко посещаемыми Северными скалами. Подъем на хребет требует большой осторожности, т. к. его вершины сложены очень узкими гребнями с многочисленными разломами. Кроме того, склоны Юрмы заболочены и часто встречают путника едвапроходимыми лесами. Недаром поэтому топоним Юрма часто расшифровывают как «не ходи».

Действительно, башкирское Юрма (Йореуиме) — это сочетание двух слов: *йореу* — «ходить» и *име* — «не».

Юрюзань

О реке Юрюзань, левом притоке Уфы, с восхищением говорят все, кто хоть раз побывал на ее берегах, повидал скальные стены с загадочными провалами пещер и гротов, кто купался в ее синих омутах и любовался игрой хариуса на безудержных перекатах. Берега реки овеяны легендами и сказаниями о народном герое Салавате, выросшем в этих местах.

Юрюзань берет начало на Южном Урале, к северу от массива Ямантау. Протекает по территории Челябинской области и Башкортостана. В верховьях течет в глубокой долине; в среднем течении долина расширяется, а к устью, в пределах Уфимского плато, вновь сужается. Впадает в Павловское водохранилище. На Юрюзани стоит известный за пределами Башкирии курорт Янгантау.

В документах XVIII в. река именуется Юрезень, Юрьюзень, Эрезань, Джирьюзань, Ерьюзань. Этот башкирский топоним в своей основе имеет географический термин *узянь* (*узен*), который переводится как «долина», и в этом нет разногласий. Относительно первой части слова — «юр», по причине разнобоя в написании, высказано несколько точек зрения: *иор* — «резвый», «бойкий»,

в значении «быстрая», а также *юр* (от башкирского *ур*) — «земля». Более обоснованным следует считать объяснение, по которому *юр* (и *ур*) — башкирское диалектное слово в значении «большая».

Ямантау

Ямантау — горный массив в Башкортостане. Главные вершины — Большой Ямантау (1640 м) и Малый Ямантау (1510 м). Большой Ямантау является самой высокой горой Южного Урала. Весь горный массив окружен территорией Южно-Уральского заповедника, и проход туда строго запрещен.

Большой Ямантау представляет собой огромный курумник. Оттуда открывается вид на многие километры во все стороны. Хорошо обозреваются хребет Нары, малый Ямантау, хребет Машак, Кумардак. Видна даже Иремель, несмотря на большое расстояние.

На вершинах массива, окруженных труднопроходимыми обрывами и каменными осыпями, долго не тает снег. Они часто покрыты густой облачностью.

В переводе с башкирского Ямантау означает «дурная (или злая) гора», т. е. гора, приносящая несчастье, от слов: *яман* — «дурной», «злой», «страшный», *тау* — «гора». Так башкиры называют все горы и перевалы, подъем на которые бывает труден из-за лесных чащоб, обилия каменных глыб, множества ручьев и речушек, опасных болот, а также постоянных холодных ветров.

Янгантау

Янгантау — гора на правом берегу реки Юрюзань. Главная ее вершина представляет собой каменное плато, из которого местами выходят кварцитовые глыбы. Над этой горой постоянно клубится горячий пар, и ее название переводится с башкирского как «Горелая гора», «Горящая гора» (*янган* — «горелый», «горевший», *тау* — «гора»).

Башкиры рассказывают легенду о том, что в незапамятные времена, когда люди еще не знали огня, сошел с неба огонь на Янгантау, и люди разнесли его отсюда по всей земле. Ученые же говорят, что гора сложена из битуминозных сланцев, медленно окисляющихся под действием проникающего в гору воздуха. При окислении выделяется много тепла, и горячие газы поднимаются в атмосферу.